

100 великих романов

Энтони ТРОЛЛОП

БАРЧЕСТЕРСКИЕ
БАШНИ

100 великих романов

Энтони Троллоп
Барчестерские башни

«ВЕЧЕ»

1857

Троллоп Э.

Барчестерские башни / Э. Троллоп — «ВЕЧЕ», 1857 — (100 великих романов)

ISBN 978-5-4484-8364-6

Энтони Троллоп (1815–1882) принадлежит к числу великих викторианских писателей, а его книги – лучшие образцы из произведений английских авторов. «Троллоп убивает меня своим мастерством», – писал о нем в дневнике Лев Толстой. Троллоп, по его словам, стремился показать «христианскую добродетель и христианское ханжество», выставить на суд общества и высмеять все тайные помыслы, эгоизм во всех его проявлениях. Воспринимать окружающий мир только как часть своих интересов, возможно ли это? Эта тема как никогда актуальна и сегодня. «Барчестерские башни» – один из романов, принадлежащих к большому циклу «Барсетширских хроник», по нему был снят популярнейший британский телесериал с участием Алана Рикмана, Дональда Плезенса и других звезд.

ISBN 978-5-4484-8364-6

© Троллоп Э., 1857

© ВЕЧЕ, 1857

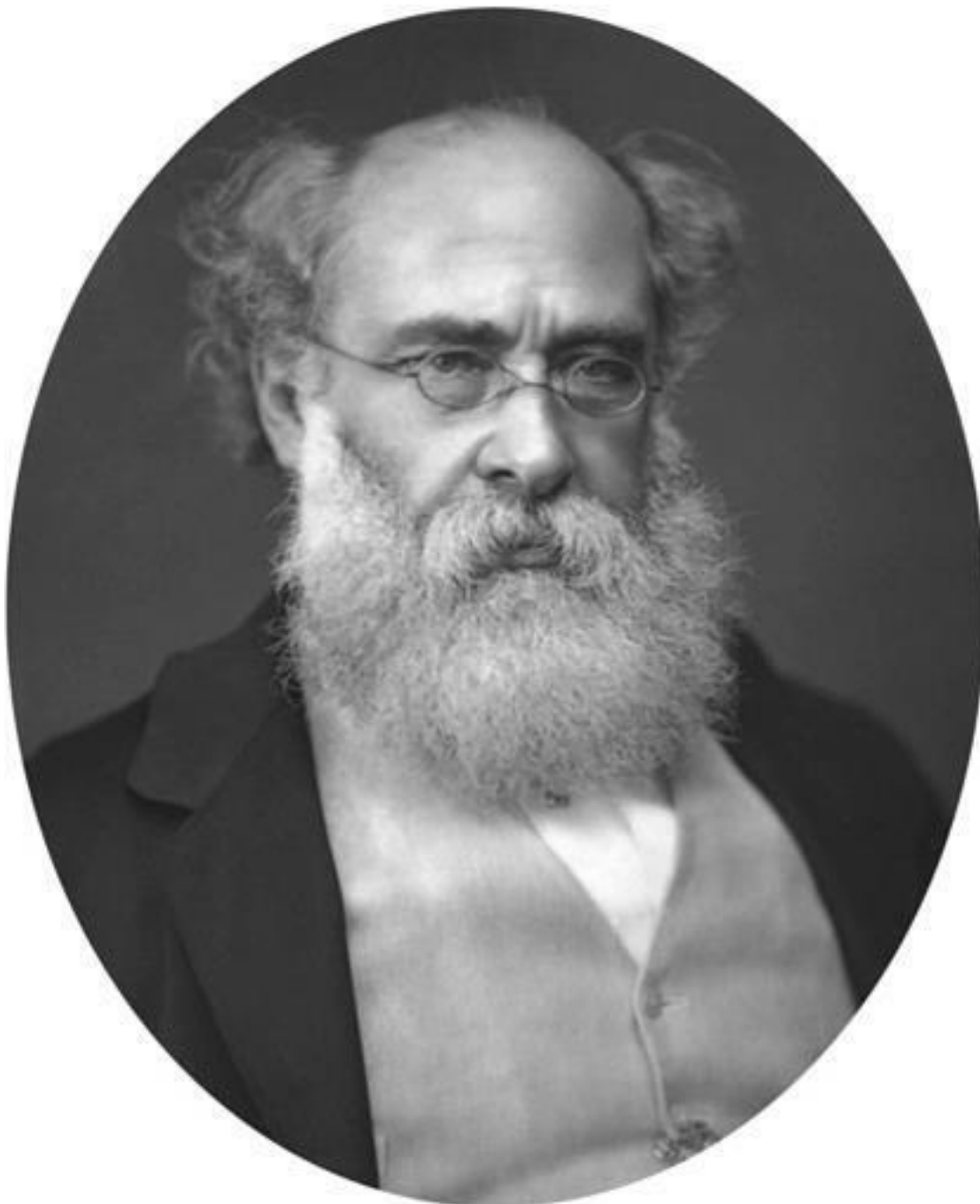
Содержание

Глава I. Кто будет новым епископом?	6
Глава II. Хайремская богадельня после парламентского акта	11
Глава III. Доктор Прауди и миссис Прауди	14
Глава IV. Капеллан епископа	18
Глава V. Утренний визит	22
Глава VI. Война	27
Глава VII. Настоятель и соборное духовенство держат совет	33
Глава VIII. Бывший смотритель радуется своему ожидаемому возвращению к прежним обязанностям	37
Глава IX. Семейство Стэнхоуп	41
Глава X. Прием у миссис Прауди. Начало	48
Глава XI. Прием у миссис Прауди. Окончание	53
Глава XII. Слоуп против Хардинга	61
Глава XIII. Мусорная тележка	65
Глава XIV. Новый боец	70
Глава XV. Претенденты на руку вдовы	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Энтони Тrollop

Барчестерские башни

В оформлении обложки использована картина английской художницы Луизы Райнер

© Гурова И.Г., перевод на русский язык, наследники, 2020
© ООО «Издательство «Вече», 2020
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020
Сайт издательства www.veche.ru

Глава I. Кто будет новым епископом?

В конце июля 185* года всех жителей кафедрального города Барчестера в течение десяти дней занимал только один вопрос, на который ежечасно давались различные ответы: кто будет новым епископом?

Кончина старого епископа, преосвященного Грантли, который в течение многих лет кротко правил епархией, совпала с тем моментом, когда кабинет лорда N должен был уступить место кабинету лорда NN. Последняя болезнь доброго старика была очень долгой, и под конец всех заинтересованных лиц заботило только одно: какое правительство будет назначать нового епископа – консервативное или либеральное.

Было известно, что уходящий в отставку премьер-министр сделал свой выбор, и если решать придется ему, митра украсит главу архидьякона Грантли, сына прежнего епископа. Архидьякон давно уже управлял епархией, и последние месяцы ходили упорные слухи, что именно он будет преемником своего отца.

Епископ Грантли умирал, как жил, мирно, неторопливо, без страданий и тревог. Дух покидал его тело так незаметно, что в течение последнего месяца не всегда можно было сразу решить, жив он или уже умер.

Это было тяжкое время для архидьякона Грантли, которого те, кто раздавал тогда епископские троны, предназначали в епископы Барчестерской епархии. Я вовсе не хочу сказать, будто премьер-министр дал архидьякону прямое обещание. Для этого он был слишком осторожен. На все есть своя манера, и те, кто знаком с правительственными учреждениями – и самыми высокими и не самыми – знают, что существуют безмолвные обещания и что кандидат может быть весьма обнадежен, хотя великий человек, от которого зависит его судьба, уронит только: «Мистер имярек далеко пойдет».

Вот почему люди осведомленные не сомневались, что бразды правления Барчестерской епархии останутся в руках архидьякона. Тогдашний премьер-министр был в отличнейших отношениях с Оксфордом и недавно гостил у декана одного из самых почтенных и богатых его колледжей – колледжа Лазаря. Декан же был близким другом и архидьякона, всегда полагавшегося на его советы, и не преминул пригласить и его. Премьер-министр обошелся с доктором Грантли чрезвычайно любезно. На следующее утро доктор Гвинн, декан, сказал архидьякону, что, по его мнению, все решено.

Епископ в то время был уже при последнем издыхании, но шатался и кабинет. Полный счастливой уверенности доктор Грантли, как требовал сыновний долг, возвратился во дворец к умирающему отцу, за которым, надо отдать ему справедливость, он ухаживал с заботливой нежностью.

Месяц спустя врачи объявили, что больной проживет никак не более четырех недель. По истечении этого срока они с удивлением дали больному еще две недели. Старик жил только на одном вине – но и через две недели он еще жил, а слухи о падении кабинета становились все настойчивее. Сэр Лямбда Мюню и сэр Омикрон Пи, два лондонские светила, приехали в пятый раз и, покачивая учеными головами, объявили, что смерть последует не позже, чем через неделю, а потом в парадной столовой дворца конфиденциально сообщили архидьякону, что кабинет не продержится и пяти дней. Сын вернулся к отцу, собственноручно дал ему подкрепляющую ложечку мадеры, сел у его изголовья и начал взвешивать свои шансы.

Министерство падет не позже, чем через пять дней, его отец умрет... нет, так рассуждать он не мог! Министерство падет, а епархия станет вакантной примерно в одно время. Однако новый кабинет будет сформирован не раньше, чем через неделю. Быть может, в течение этой недели назначения будет производить прежний кабинет? Доктор Грантли не был уверен и подивился своему невежеству в подобном вопросе.

Он старался отогнать от себя эти мысли – и не мог. Слишком уж равны были шансы за и против и слишком высока ставка. Он взглянул на спокойное лицо умирающего. Оно не было помечено печатью смерти или болезни; правда, оно немного осунулось и побледнело и морщины залегли глубже, но эта жизнь могла теплиться еще не одну неделю. Сэр Лямбда Мюню и сэр Омикрон Пи уже трижды ошибались, думал архидьякон, и ошибутся еще трижды. Старый епископ спал двадцать часов в сутки, но в краткие минуты пробуждения узнавал и сына, и своего старого друга мистера Хардинга, тестя архидьякона, и трогательно благодарил их за любовь и заботу. Теперь он спал, лежа на спине, как младенец; рот был чуть приоткрыт, редкие седые волосы выбились из-под колпака, дыхания не было слышно совсем, а худая рука, лежавшая на одеяле, ни разу не шевельнулась. Как легко расставался он с этим миром!

Но далеко не так легко было на душе того, кто сидел у его одра. Он знал, что этот случай не повторится. Ему было уже за пятьдесят, а рассчитывать, что его друзья скоро вернутся к власти, не приходилось. К тому же никакой другой премьер-министр не захочет сделать доктора Грантли епископом. Он долго предавался этим тягостным размышлениям, а потом, взглянув на еще живое лицо, осмелился прямо спросить себя, не желает ли он отцу смерти?

Это заставило его опомниться: гордый, властный, суетный человек упал на колени рядом с кроватью и, взяв руку епископа в свои, начал горячо молиться о прощении своих грехов.

Он все еще прижимался лицом к простыням, когда дверь тихо отворилась и в комнату бесшумно вошел мистер Хардинг – он дежурил у постели больного почти столь же постоянно, как и архидьякон. В первую минуту мистер Хардинг хотел было опуститься на колени рядом со своим зятем, но раздумал, опасаясь, что архидьякон от неожиданности может вздрогнуть и потревожить умирающего. Впрочем, доктор Грантли его тотчас заметил и встал. Мистер Хардинг ласково пожал ему обе руки. Они вдруг стали ближе друг другу, чем когда-либо были прежде, а дальнейшие события во многом способствовали сохранению этой близости. У обоих по щекам текли слезы.

– Да благословит вас бог, мои милые, – слабым голосом сказал проснувшийся епископ. – Да благословит вас бог, милые дети...

И он умер.

В горле у него не раздался мучительный хрип – смерть пришла незаметно, только нижняя челюсть чуть-чуть отвисла да глаза не сомкнулись, как прежде, в тихом сне. Мистер Хардинг и доктор Грантли не сразу поняли, что дух покинул тело, хотя эта мысль пришла в голову им обоим.

– Кажется, все кончено, – сказал мистер Хардинг, не выпуская руки архидьякона. – Думаю... надеюсь, что это так.

– Я позвоню, – шепотом ответил тот. – Надо позвать миссис Филлипс.

Сиделка миссис Филлипс вошла в спальню и тут же опытной рукой закрыла стекленеющие глаза.

– Все кончено, миссис Филлипс? – спросил мистер Хардинг.

– Милорд отошел, – ответила сиделка, торжественно склонив голову. – Его преосвященство упокоилось, как младенец.

– Надо радоваться этому, архидьякон, – сказал мистер Хардинг. – Да, да. Такой превосходный, такой добрый человек! Будет ли нам ниспослана столь же мирная и спокойная кончина?

– Вот-вот, – вставила сиделка. – Да будет воля божья, а такого кроткого, смиренного христианина, как его преосвященство... – И она с непритворной грустью утерла глаза белым передником.

– Не надо печалиться, – сказал мистер Хардинг, все еще утешая своего друга. Однако мысли архидьякона уже перенеслись из обители смерти в кабинет премьер-министра. Он молился о продлении жизни своего отца, но раз эта жизнь оборвалась, терять драгоценные

минуты было незачем. Какой смысл размышлять о смерти епископа, какой смысл предаваться бесполезным сетованиям, быть может, утрачивая из-за этого все?

Но как начать действовать, если тесть стоит и держит его за руку? Как, не показавшись бессердечным, забыть в епископе отца – и думать не о том, что он потерял, а о том, что может приобрести?

– Да-да, – ответил он наконец мистеру Хардингу. – Мы все давно примирились с этой мыслью.

Мистер Хардинг взял его за локоть и вывел из спальни.

– Мы увидим его завтра утром, а пока предоставим все женщинам, – сказал он, и они спустились вниз.

Уже смеркалось, а премьер-министру следовало в этот же вечер узнать, что епархия вакантна. Это могло решить все, и потому в ответ на новые утешения мистера Хардинга архидьякон заметил, что следует немедленно отправить в Лондон телеграфную депешу. Мистер Хардинг, и так уже несколько удивленный таким неожиданным горем доктора Грантли, теперь совсем опешил, но ничего не возразил. Он знал, что архидьякон надеялся стать преемником отца, но ему не было известно, какое подтверждение получили эти надежды.

– Да, – сказал доктор Грантли, справившись с минутной слабостью. – Депешу надо послать тотчас. Мы не знаем, каковы могут быть последствия промедления. Не сделаете ли этого вы?

– Я? Да, разумеется. Я буду рад помочь, но не совсем понимаю, что именно вам нужно. Архидьякон сел к бюро и написал на листке бумаги:

«Электрическим телеграфом.

*Графу N, Даунинг-стрит или в любом другом месте.
Епископ Барчестерский скончался.*

Депешу отправил преподобный Септимий Хардинг».

– Вот, – сказал он. – Отнесите это на станционный телеграф. Возможно, они попросят вас переписать депешу на форменный бланк. И больше от вас ничего не потребуются. Да, нужно еще будет заплатить полкроны, – пошарив в кармане, архидьякон достал названную монету.

Мистер Хардинг почувствовал себя рассылным и невольно подумал, что обязанность эту на него возложили в не слишком подходящее время; однако он промолчал и взял листок и деньги.

– Но вы поставили в депеше мое имя, архидьякон?

– Да. Она должна быть подписана духовной особой, а кто больше подходит для этого, чем вы, старейший друг покойного? Впрочем, граф не станет смотреть на подпись... поторопитесь, дорогой мистер Хардинг!

Мистер Хардинг на пути к станции достиг уже двери библиотеки, как вдруг вспомнил, с каким известием он входил в спальню бедного епископа. Но та минута показалась ему слишком торжественной и неподходящей для суетных новостей, а потом они на время и вовсе изгладись из его памяти.

– Ах да, архидьякон, – сказал он, обернувшись. – Я ведь забыл сообщить вам, что кабинет пал.

– Пал?! – воскликнул архидьякон, не сумев скрыть своего отчаяния и растерянности, хотя и попытался тотчас взять себя в руки. – Пал? Откуда вы это узнали?

Мистер Хардинг объяснил, что об этом сообщили по телеграфу, а ему сказал мистер Чэдуик, с которым он встретился у дверей дворца.

Архидьякон задумался, и мистер Хардинг молча ждал.

– Ничего, – сказал наконец архидьякон. – Дешешу все-таки пошлите. Кого-то надо известить об этом, а пока нет другого, кому можно было бы адресовать дешешу. Поспешите, дорогой друг. Вы знаете, я не стал бы затруднять вас, если бы был в силах сделать это сам. А несколько минут могут изменить многое.

Мистер Хардинг ушел и отправил дешешу; нам, пожалуй, стоит проследить за ее судьбой. Через тридцать минут она была подана графу N в его библиотеке. Какие вдохновенные письма, красноречивые призывы, негодующие протесты мог он обдумывать в подобную минуту – это можно вообразить, но не описать! Как он готовил громы против своих победивших соперников, стоя спиной к камину и заложив руки в карманы в позе, достойной английского пэра, как лоб его пылал гневом, а глаза метали молнии патриотизма, как он топнул ногой при мысли о своих неповоротливых помощниках, как он чуть было не разразился проклятиями, вспомнив чрезмерную самоуверенность одного из них, – пусть все это нарисует пылкая фантазия моих читателей. Но было ли это? История и истина вынуждают меня ответить: «Нет!» Он удобно сидел в покойном кресле, проглядывая программу ньюмаркетских скачек, а рядом на столике лежал открытый, но еще не разрезанный французский роман.

Он вскрыл дешешу, прочел ее, написал на обороте конверта: «Графу NN с поклоном от графа N» – и отослал ее дальше.

Так епископский сан ускользнул от нашего злополучного друга.

Газеты наперебой указывали, кто будет новым барчестерским епископом. «Британская бабушка» объявила, что из уважения к прошлому кабинету епархию получит доктор Гвинн. Для доктора Грантли это было тяжким ударом, но судьба его пощадила: предназначавшийся ему сан не был отдан его другу. «Благочестивый англиканец» отстаивал права прославленного лондонского проповедника, защитника самых строгих доктрин, а «Западное полушарие», вечерняя газета, слышавшая весьма осведомленной, называла почтенного натуралиста, чрезвычайно эрудированного во всем, что касалось горных пород и минералов, но, по мнению многих, совершенно не осведомленного в тонкостях богословских доктрин. «Юпитер» – как нам всем известно, единственный источник абсолютно достоверной информации по всем вопросам – нарушил молчание не сразу. Затем, обсудив достоинства всех вышеупомянутых кандидатов и без особой почтительности сбросив их со счета, «Юпитер» объявил, что епископом будет доктор Прауди.

И епископом стал доктор Прауди. Ровно через месяц после кончины преосвященного Грантли доктор Прауди поцеловал руку королевы в качестве его преемника.

Мы просим разрешения не приподнимать завесы над терзаниями архидьякона, угрюмо и печально сидевшего в кабинете своего дома в Пламстеде. На другой день после отсылки дешешу он узнал, что граф NN дал согласие сформировать кабинет, и понял, что у него нет больше никаких надежд. Многие, конечно, осудят его за то, что он горевал из-за потери епископской власти, за то, что он желал ее – нет, даже думал о ней, да еще в такое время.

Признаюсь, я не разделяю этого осуждения. *Nolo episcopari*¹ хотя еще и в ходу, настолько противоречит всем естественным человеческим устремлениям, что не может отражать истинных взглядов англиканских священников, восходящих по иерархической лестнице. Юристу не грех желать судейского сана и добиваться его всеми честными способами. Честолюбие молодого дипломата, мечтающего стать послом, похвально, а бедный романист, стремясь сравняться с Диккенсом и стать выше Фитцджеральда, не совершает ничего дурного, хотя, быть может, он и глуп. Сидней Смит² справедливо говорил, что в наши дни малодушия от младшего священника трудно ждать величия святого Павла. Если мы будем требовать от наших священ-

¹ Не хочу быть епископом (лат.).

² Сидней Смит (1771–1845) – английский священник и эссеист. Он придерживался либеральных взглядов, выступал, в частности, за эмансипацию католиков и изображал современное ему положение в англиканской церкви в сатирических тонах. – Здесь и далее примечания переводчика.

ников нечеловеческой добродетели, мы научимся только презирать их, и вряд ли сделаем их чище духом, отнимая у них право на обыкновенные человеческие надежды.

Наш архидьякон был суетен – а кто из нас не суетен? Он был честолюбив – а кто из нас устыдится признаться в этом «последнем недуге благородных умов»?³ Он был алчен, скажут мои читатели. Нет, – он хотел стать епископом Барчестера не из любви к презренному металлу. Он был единственным сыном и унаследовал все богатство отца. Его бенефиций приносил ему в год почти три тысячи фунтов, а епископы после реформ Церковной комиссии получали только пять. Как архидьякон он был богаче епископа. Но он хотел играть первую скрипку, он хотел заседать в палате лордов, и он хотел (говоря откровенно), чтобы его преподобные братья называли его милордом.

Однако были его желания греховными или нет, они не осуществились. Епископом Барчестера стал доктор Прауди.

---

³ «Последний недуг...» – строка из элегии Джона Милтона (1608–1674) «Лисидас» (1637). В элегии тут речь идет о славе.

Глава II. Хайремская богадельня после парламентского акта

Вряд ли стоит подробно рассказывать здесь историю жизни мистера Хардинга до начала этого повествования. Публика еще помнит, как тяжело подействовали на этого щепетильнейшего человека нападки «Юпитера» по поводу содержания, которое он получал как смотритель Хайремской богадельни города Барчестера. Не забыла она и иска, который в этой связи был вчинен ему по настоянию мистера Джона Болда, женившегося потом на его младшей дочери. Не выдержав этих нападков, мистер Хардинг, вопреки настойчивым советам друзей и своего поверенного, отказался от должности смотрителя и остался лишь священником маленького городского прихода Святого Катберта, а также регентом собора – благодаря завещанию Хайрема жалование регента прежде представляло собой лишь скромное дополнение к содержанию смотрителя вышеупомянутой богадельни.

Покинув богадельню, из которой он был так безжалостно изгнан, и поселившись в скромной квартирке на Хай-стрит, мистер Хардинг вовсе не ждал, что кто-нибудь поднимет из-за этого шум, которого он сам вовсе не хотел поднимать, и рассчитывал лишь на то, что это предотвратит появление новых статей в «Юпитере». Но ему не был дарован желанный покой, и люди теперь так же охотно восхваляли его бескорыстие, как прежде порицали его алчность.

В довершение всего он получил собственноручное письмо архиепископа Кентерберийского, в котором примас англиканской церкви горячо одобрял его поступок и выражал желание узнать, каковы его дальнейшие намерения. Мистер Хардинг ответил, что намерен остаться священником барчестерской церкви Святого Катберта, на чем дело и кончилось. Затем за него взялись газеты, в том числе и «Юпитер», и хвалы ему можно было прочесть во всех читальных залах страны. Тут выяснилось, что он – тот Хардинг, которому принадлежит замечательный труд «Церковная музыка», и поговаривали даже о новом издании, которое, впрочем, так и не вышло. Однако его труд был приобретен придворной церковью, а в «Музыкальном обозревателе» появилась длинная статья, утверждавшая, что никогда еще церковной музыке не посвящалось исследования, в котором такая научная скрупулезность сочеталась бы с подобным музыкальным талантом, а посему имя Хардинга будет вечно жить там, где ценят Искусство и почитают Религию.

Не стану отрицать, что мистеру Хардингу польстила столь высокая хвала – музыка, несомненно, была его слабостью. Но на этом все и кончилось. Второе издание не появилось, экземпляры придворной церкви упокоились с миром среди груд подобной же литературы. Мистер Тауэрс из «Юпитера» и его коллеги занялись другими именами, и наш друг мог отныне надеяться лишь на посмертную славу.

Мистер Хардинг проводил много времени у своего друга епископа и у своей дочери миссис Болд, увы, уже овдовевшей, и почти ежедневно навещал прежних своих подопечных. Из них теперь в живых оставалось лишь шестеро. Хайрем же завещал постоянно содержать в богадельне двенадцать человек. Но после отречения смотрителя епископ не назначил ему преемника, и принимать новых пансионеров было некому; казалось, что барчестерской богадельне суждено захиреть, если только власти предержавшие не примут мер.

Но власти предержавшие вот уже пять лет как не забывали барчестерской богадельни: ею занимались многие политические мужи. Вскоре после ухода мистера Хардинга «Юпитер» объяснил, что следует делать. Уложившись в полстолбца, он распределил доходы, перестроил дом, прекратил свары, восстановил добрые чувства, обеспечил мистера Хардинга и поставил дело так, что все могли быть довольны – и город, и епископ, и страна в целом. Мудрость этого плана подтверждали письма, полученные «Юпитером» от «Здравого смысла», «Истины» и «Спра-

ведливца» – все полные восхищения и дельных добавлений. Примечательно, что писем с протестами в газете не появилось – следовательно, она их и не получала.

Но Кассандре не верили; и даже мудрость «Юпитера» иной раз пропадает втуне. На страницах «Юпитера» других планов предложено не было, однако в иных местах преобразователи церковной благотворительности усердно объясняли, как именно они поставили бы на ноги Хайремскую богадельню. Некий ученый епископ при случае упомянул о ней в палате лордов, дав понять, что сносился по этому вопросу со своим преосвященным барчестерским собратом. В палате общин радикальный представитель от местечка Стейлбридж предложил передать хайремский фонд на просвещение сельских бедняков и развлек достопочтенное собрание примерами суеверий и странных обычаев вышеупомянутых бедняков. Некий памфлетист издал брошюрку под заглавием «Кто наследники Джона Хайрема?» с точным рецептом, как именно следует управлять подобными заведениями, и, наконец, член правительства обещал внести на следующей сессии коротенький билль, который определит положение барчестерской богадельни и прочих таких же заведений.

И на следующей сессии билль, вопреки всем прецедентам, был внесен. Страну тогда занимало другое. Над ней нависла угроза большой войны, и вопрос о наследниках Хайрема не интересовал ни парламент, ни публику. Билль, однако, прошел и первое чтение, и второе, и остальные одиннадцать этапов, не вызвав никаких разногласий. Что сказал бы Джон Хайрем, знай он, что сорок пять достопочтенных джентльменов утверждают закон, меняющий весь смысл его завещания, даже не вполне понимая, о чем, собственно, идет речь? Будем надеяться, что это понимал товарищ министра внутренних дел, который занимался биллем.

Билль стал законом, и ко времени начала нашей истории было постановлено, что отныне в барчестерской богадельне будут содержаться двенадцать стариков (один шиллинг четыре пенса на каждого в день), что будет построен дом для двенадцати старух (один шиллинг два пенса), что в богадельне будет экономка (семьдесят фунтов жалованья и квартира), эконом (сто пятьдесят фунтов жалованья) и, наконец, смотритель (четыреста пятьдесят фунтов жалованья), который будет заботиться о духовных нуждах стариков и старух, а также о телесных – но уже только стариков. Как прежде, отбирать пансионеров должны были епископ, настоятель собора и смотритель, епископ же назначал и штат. О том, что смотрителем должен быть регент собора, и о правах мистера Хардинга не было сказано ни слова.

Однако о реформе объявили только через несколько месяцев после смерти старого епископа, когда его преемник занялся делами епархии. Новый закон и новый епископ были среди первых детищ нового кабинета, а вернее, кабинета, который лишь на краткий срок уступил власть соперникам. Епископ Грантли, как мы видели, умер как раз в конце этого срока.

Бедняжка Элинор Болд! Как идет ей вдовий чепец и серьезность, с какой она исполняет новые обязанности. Бедняжка Элинор!

Бедняжка Элинор! Признаюсь, Джон Болд никогда мне не нравился. Я считал, что он недостойн такой жены. Но она думала иначе. Она принадлежала к тем женщинам, которые льнут к мужьям подобно плющу. Это не обожание, ибо обожание не признает в своем идоле недостатков. Но как плющ следует всем искривлениям ствола, так Элинор чтит и любила даже недостатки мужа. Когда-то она объявила, что отец в ее глазах всегда прав. И так же стойко она была готова защищать худшие черты своего супруга и повелителя.

Женщине было легко любить Джона Болда: он был нежен, заботлив, мужествен, а его самоуверенность, не подкрепленная талантами, его неосновательное утверждение своего превосходства над ближними, которые так раздражили знакомых, не роняли его во мнении жены. Если же она и замечала недостатки мужа, его безвременная смерть изгладила их из ее памяти. Она оплакивала его, как совершеннейшего из людей; после его кончины она долго отвергала всякую мысль о возможности счастья, не могла слышать соболезнований, и ее единственным облегчением были слезы и сон.

Но господь укрывает стриженую овечку от ветра: Элинонр знала, что носит в себе живой источник иных забот. Она знала, что скоро у нее будут новые причины для счастья и горя, невыразимой радости или тяжелой печали – как повелит в своем милосердии бог. Сначала это только усугубило ее муки. Дать жизнь сироте, лишенному отца еще до рождения, растущему у покинутого очага, питаемому слезами и стенаниями, брошенному в жестокий мир без отцовской заботы! Разве это могло ее радовать?

Но постепенно в ее сердце возникла любовь к новому существу, и она уже ждала его с трепетным нетерпением юной матери. Через восемь месяцев после смерти отца на свет появился второй Джон Болд, и хотя человеку не должно обожествлять себе подобных, будем надеяться, что обожающей матери, склонявшейся над колыбелью малютки, лишенного отца, был прощен ее грех.

Не думаю, что стоит описывать здесь характер мальчика и указывать, насколько недостатки отца были смягчены в нем достоинствами матери. Это был прелестный младенец, как и положено младенцам, а его дальнейшая жизнь интересоваться нас здесь не может. Мы пробудем в Барчестере год, самое большее два, и биографию Джона Болда младшего я оставляю другому перу.

Но младенец он был безупречный, и этого никто не отрицал. «Какой он душка!» – говорила Элинонр, когда, стоя на коленях у колыбели, где спало ее сокровище, она обращала к отцу юное личико, обрамленное вдовым чепцом, и на ее прекрасные глаза навертывались слезы. Дед с радостью подтверждал, что сокровище – душка, и даже дядя-архидьякон соглашался с этим, а миссис Грантли, сестра Элинонр, повторяла «душка!» с истинно сестринской энергией; Мери же Болд... Мери была второй жрицей этого божества.

Да, младенец был прелестный: охотно ел, весело ловил ножки, стоило его распеленать, и не захлебывался плачем. Таковы высшие достоинства младенцев, и наш обладал ими в избытке.

Так смягчилось неутешное горе вдовы, и целительный бальзам пролился на рану, которую, как она думала прежде, могла исцелить лишь смерть. Господь много добрее к нам, чем мы к самим себе! При каждой невозвратимой потере, при каждой утрате наших любимых мы обрекаем себя на вечную печаль и мним, что зачухнем в слезах. Но как редко длится подобное горе! И велика благодать, повелевавшая, чтобы это было так! «Дай мне вечно помнить живых друзей и забывать их после смерти», – молился некий мудрец, постигший истинное милосердие божье. Мало у кого достанет мужества выразить вслух подобное желание, но пожелать этого значило бы лишь прибегнуть к тому утешению, которое всегда дарует нам милосердный творец.

Однако не следует думать, будто миссис Болд забыла мужа. Она любовно хранила память о нем в святилище своего сердца. Но сын вернул ей счастье. Было так сладостно прижимать к груди эту живую игрушку и чувствовать, что есть существо, которое всем обязано ей, получает свою пищу только от нее и довольствуется одними ее заботами; чье сердечко первой полюбит ее и лишь ее, чей язычок научится говорить, произнося самое нежное слово, каким только можно назвать женщину. Так Элинонр вновь обрела спокойствие души, ревностно и радостно исполняя свои новые обязанности.

Что касается земных сокровищ, то Джон Болд оставил жене все свое состояние, которого, по ее мнению и по мнению ее друзей, ей было более чем достаточно. Ее годовой доход составлял почти тысячу фунтов, и заветной мечтой вдовы было передать его не уменьшенным, а увеличенным сыну ее мужа, ее бесценному мальчику, спящему пока у нее на коленях в счастливом неведении грядущих забот.

После смерти мужа Элинонр умоляла отца поселиться с ней, но мистер Хардинг не согласился, хотя и прожил у нее несколько недель. Ему нужен был собственный, пусть самый скромный, приют, и он остался жить в квартире над аптекой на Хай-стрит.

Глава III. Доктор Прауди и миссис Прауди

Наша история начинается сразу же после возведения доктора Прауди в сан епископа. Церемонию эту я описывать не буду, так как не имею о ней ясного представления. Я не знаю, носят ли епископа на стуле, как члена парламента, или возят в золоченой карете, как лорд-мэра, приносит ли он присягу, как мировой судья, или проходит между двумя братьями, как рыцарь ордена Подвязки; но одно я знаю твердо – все было сделано по всем правилам, и ничто, причитающееся новоиспеченному епископу, опущено не было.

Доктор Прауди не допустил бы этого. Он хорошо понимал всю важность ритуалов и знал, что уважение к высокому сану поддерживается приличествующей ему внешней помпой. Он был рожден вращаться в высших сферах – так, по крайней мере, считал он сам, а обстоятельства поддерживали в нем эту веру. По матери он был племянником ирландского барона, а его супруга была племянницей шотландского графа. Много лет он занимал различные придворные должности, а потому жил в Лондоне, оставив свой приход на попечение младшего священника. Он был проповедником при лейб-гвардейском полку, хранителем богословских рукописей в Церковном суде, капелланом телохранителей королевы и раздавателем милостыни его высочества принца Раппе-Бланкенбургского.

Его пребывание в столице в связи с этими обязанностями, его родственные связи, а также особые его таланты обратили на него внимание влиятельных людей, и доктор Прауди прослыл священником, который далеко пойдет.

Совсем недавно, еще на памяти людей, которые пока не хотят признать себя стариками, священник-либерал был редкостью. Сиднея Смита за его либерализм считали почти язычником, а на горстку ему подобных их духовные братья косились неодобрительно. Не было тори более заядлых, чем деревенские священники, и власти предержащие не имели опоры более надежной, чем Оксфорд.

Однако когда доктор Уотли стал архиепископом, а доктор Хемпден несколько лет спустя – королевским профессором, священнослужители помудрее поняли, что взгляды меняются и теперь либерализм будет приличен и духовным особам. Появились проповедники, не предававшие анафеме папистов, с одной стороны, и не поносившие сектантов, с другой. Стало ясно, что преданность так называемым принципам высокой церкви уже не является наилучшей рекомендацией в глазах иных государственных мужей, и доктор Прауди одним из первых приспособился ко взглядам вигов на богословские и религиозные вопросы. Он был терпим к римскому идолопоклонству, сносил даже ересь сосинианизма⁴ и поддерживал наилучшие отношения с пресвитерианскими синодами в Шотландии и Ульстере.

Такой человек в такое время казался полезным, и имя доктора Прауди все чаще появлялось на страницах газет. Он был включен в комиссию, которая отправилась в Ирландию подготовить почву для работы более высокой комиссии; стал почетным секретарем комиссии, изучавшей вопрос о доходах соборного духовенства, и имел какое-то отношение как к *regium donum*⁵ так и к Мейнутской субсидии⁶.

---

⁴ Сосинианизм – учение итальянских богословов Лелио Содзини (1525–1562) и его племянника Фаусто Содзини (1539–1604), отрицавших многие догматы католической церкви. Это учение развилось в современный унитаризм.

⁵ *Regium donum* (Королевский дар, *лат.*) – субсидия в пятьсот фунтов стерлингов, увеличенная затем до тысячи фунтов стерлингов, которая с 1723 г. ежегодно выплачивалась казначейством для распределения между нуждающимися пресвитерианскими и баптистскими священнослужителями (или их вдовами). В 1851 г. она была отменена, так как диссиденты усматривали в ней подкуп со стороны правительства.

⁶ Мейнутская субсидия. – Мейнут – городок в Ирландии, где находился колледж Святого Патрика – центр обучения католического ирландского духовенства. В 1845 г. премьер-министр Роберт Пиль (1788–1850) увеличил субсидию этого колледжа, что вызвало резкое недовольство в протестантских кругах.

Из этого не следует делать вывода, будто доктор Прауди обладал большим умом или хотя бы деловыми талантами – ни того, ни другого от него не требовалось. При подготовке тогдашних церковных реформ идеи и общий план исходили обычно от либеральных государственных мужей, а остальное доделывали их подчиненные. Однако считалось необходимым, чтобы во всем этом фигурировало имя какого-нибудь священнослужителя, и так как доктор Прауди слыл духовной особой весьма широких взглядов, то этим именем оказалось его имя. От него было мало пользы, но зато и никакого вреда, он всегда был послушен вышестоящим, а на заседаниях многочисленных комиссий, коих был членом, держался с достоинством, имевшим свою цену.

Он был достаточно тактичен и не выходил из границ предназначенной ему роли, но не следует думать, будто он сомневался в своих дарованиях – о нет, он верил, что придет и его черед стать одним из вершителей судеб страны. Он терпеливо ждал того часа, когда он будет возглавлять какую-нибудь комиссию, произносить речи, распоряжаться и командовать, а светила поменьше будут столь же послушны ему, как теперь послушен он сам.

И вот пришла награда, настал его час. Ему отдали освободившийся епископский трон: еще одна вакансия, и он займет свое место в палате лордов – и не для того, чтобы молчать, когда дело коснется достояния церкви. Вести свои битвы он собирался с позиций терпимости и мужественно полагал, что не потерпит урона даже от таких врагов, как его собратья в Эксетере⁷ и Оксфорде.

Доктор Прауди был честолюбив и, не успев как следует водвориться в Барчестере, уже начал мечтать об архиепископском великолепии, о Ламбете⁸ или, на худой конец, Бишоп-сторпе. Он был относительно молод и льстил себя надеждой, что природные и благоприобретенные дарования, послужившие причиной нынешнего его возвышения, откроют ему путь и в еще более высокие сферы. Поэтому доктор Прауди готовился принять самое деятельное участие во всех церковных делах страны и не намерен был похоронить себя в Барчестере, как это сделал его предшественник. Нет, полем его деятельности станет Лондон, хотя в перерыве между столичными сезонами дворец в провинциальном городе отнюдь не будет лишним. Собственно говоря, доктор Прауди всегда считал нужным покидать Лондон, когда его покидал высший свет. Итак, он решил остаться в Лондоне и именно там оказывать то пастырское гостеприимство, которое святой Павел столь настойчиво рекомендовал всем епископам. Как иначе мог он напоминать о себе миру? И дать правительству возможность в полной мере использовать его таланты и влияние?

Такое решение, без сомнения, благое для мира в целом, вряд ли могло сделать его популярным среди духовенства и обывателей Барчестера. Доктор Грантли жил там безвыездно; но и без этого новому епископу было бы нелегко заслужить такую же любовь, как покойный. Доход доктора Грантли достигал девяти тысяч фунтов в год, его преемнику предстояло ограничиться пятью тысячами. У него был только один сын, у доктора Прауди было не то семь, не то восемь детей. Он тратил на себя очень мало и жил, как скромный джентльмен, а доктор Прауди намеревался вести светскую жизнь, не обладая при этом достаточным состоянием. Конечно, доктор Грантли, как и подобает епископу, ездил в карете, но в Вестминстере его лошади, экипаж и кучер показались бы смешными. Миссис Прауди твердо решила, что ей не придется краснеть за выезд мужа, а то, что решала миссис Прауди, обычно сбывалось.

Все это означало, что Барчестер не увидит денег доктора Прауди, а его предшественник пользовался услугами местных торговцев – к большому их удовлетворению. И он и его сын

⁷ Эксетер (или, более полно, Эксетер-Холл) – здание в Лондоне, в котором помещалось руководство «низкой церкви», то есть евангелического крыла англиканской церкви. Оксфордский университет был оплотом наиболее консервативных элементов «высокой церкви». Партия, к которой принадлежал епископ Прауди, занимала среднюю позицию между ними.

⁸ Ламбет (Ламбетский дворец) – официальная лондонская резиденция архиепископа Кентерберийского, примаса англиканской церкви.

тратили деньги, как благородные господа, но по Барчестеру скоро пополз слухок, что доктор Прауди умеет пустить пыль в глаза, соблюдая при этом строжайшую экономию.

Внешность доктора Прауди весьма благообразна; он очень чистоплотен и щеголеват. Его скорее можно назвать низеньким, но недостаток роста он возмещает благородством осанки. Взгляду его не хватает спокойной властности, но не по его вине – он прилагает много усилий к ее приобретению. Черты его лица красивы, хотя нос островат и, по мнению некоторых, лишает его облик значительности. Зато ртом и подбородком он гордится по праву.

Доктора Прауди поистине можно назвать счастливым: он не был рожден в богатстве, а теперь он – епископ Барчестерский; и все же у него есть свои заботы. Семья его велика, трем старшим дочерям пора выезжать в свет, а кроме того, у него есть жена. Я не смею сказать ничего дурного о миссис Прауди, и все же я думаю, что при всех своих добродетелях она не способствует счастью мужа. Ведь в домашних делах она глава и пасет своего супруга и повелителя жезлом железным. Мало того! Домашние дела доктор Прауди предоставил бы ей охотно. Но миссис Прауди этим не довольствуется, она полностью подчинила его своей власти и вмешивается даже в дела церковные. Короче говоря, епископ у жены под башмаком.

Жена архидьякона в своем счастливом пламстедском доме умеет пользоваться своими привилегиями и отстаивать свое мнение. Но власть миссис Грантли (да и власть ли это?) кротка и благотворна. Она никогда не ставит мужа в ложное положение; голос ее всегда негромок, тон спокоен. Несомненно, она ценит свою власть и сумела ее обрести, но она знает ее пределы.

Не такова миссис Прауди. Эта дама властна со всеми, но с мужем она – деспот. Как бы ни завидовал свет его успехам, жена им всегда недовольна. Он давно оставил попытки защищаться и даже оправдывается уже редко; ему хорошо известно, что лишь покорностью может он купить подобие мира в своем доме.

Заседать в комиссиях вместо мужа миссис Прауди не могла, и, как он нередко себя успокаивает, в палате лордов ей также не будет дано права голоса. Правда, она может запретить ему исполнять эту часть епископских обязанностей и потребовать, чтобы он сидел дома. Доктор Прауди не доверил этого ни одной живой душе, но его решение твердо: в таком случае он взбунтуется. Собаки кусали чрезмерно строгих хозяев, даже неаполитанцы восставали на своих тиранов. И если удавка затянется слишком туго, доктор Прауди наберется мужества и тоже восстанет.

Крепостная зависимость нашего епископа от супруги не слишком возвысила его в глазах дочерей, и они привыкли командовать отцом, как им-то, уж во всяком случае, не подобало. Впрочем, это весьма привлекательные барышни. Статные и пышные, как их маменька, чьи высокие скулы и... скажем, каштановые волосы все они унаследовали. Они очень часто вспоминают о своих аристократических двоюродных дедах, которые до сих пор вспоминали о них очень редко. Но теперь, когда их папенька стал епископом, родственные узы, возможно, станут более тесными. Несмотря на свою близость к церкви, барышни не чураются никаких светских удовольствий и, в отличие от многих нынешних девиц, наверное, не огорчат родителей изъяслением пылко желая затвориться в протестантском монастыре. Все сыновья доктора Прауди еще учатся в школе.

Следует упомянуть еще одну особенность супруги епископа: не чуждаясь суетного света, она по-своему религиозна, – во всяком случае, она строго блюдет день субботний. Развлечения и декольтированные платья по будням искомпаются в воскресенье троекратным посещением церкви под ее строгим наблюдением, вечерней проповедью, которую она читает самолично, и строжайшим воздержанием от каких-либо нескучных занятий. Соблюдать эти правила обязаны все домочадцы, даже те, кто, подобно ее слугам и супругу, по будним дням не развлекаются и не носят декольтированных платьев. Горе несчастной горничной, которая предпочтет медовые речи кавалера в Риджент-парке вдохновенным вечерним поучениям мистера Слоупа. Она не только останется без места, но и получит рекомендации, с которыми ее не возьмут ни

в один приличный дом. Горе шестифутовому телохранителю в красных плюшевых штанах, который провожает миссис Прауди до ее скамьи в церкви, если он ускользнет в соседний кабак, вместо того чтобы сесть на предназначенное ему место на задней скамье. Миссис Прауди – истинный Аргус. На излишние возлияния в будний день она может посмотреть сквозь пальцы – без некоторых послаблений шесть футов роста за маленькое жалованье не найти; но ни ради величия, ни ради экономии миссис Прауди не простит осквернения дня господня.

В подобных вопросах миссис Прауди нередко следует наставлениям только что упомянутого златоуста, преподобного мистера Слоупа, а так как доктор Прауди во всем следует наставлениям жены, приходится сделать вывод, что оный мистер Слоуп приобрел большое влияние на доктора Прауди в вопросах религии. До сих пор мистер Слоуп служил в очередь в одной из лондонских церквей, и потому, когда его друг стал епископом, он с радостью принял на себя многотрудные, но почетные обязанности капеллана его преосвященства.

Однако не следует представлять мистера Слоупа публике в самом конце главы.

Глава IV. Капеллан епископа

О происхождении преподобного мистера Слоупа мне известно очень мало. Говорят, что он прямой потомок⁹ того почтенного врача, который способствовал появлению на свет мистера Т. Шенди, и что в юности он вставил в свою фамилию «у» для благозвучия по примеру многих великих людей. Если так, то, полагаю, имя Обадия ему дали в память о стычке, в которой столь отличился его предок. Однако мне, несмотря на тщательные розыски, не удалось установить, когда именно его семья переменяла религию.

В Кембридже он был бедным стипендиатом, но занимался так усердно, что со временем стал магистром и даже обучал студентов. Затем его перевели в Лондон проповедником новой церкви вблизи Бейкер-стрит. Вот тогда-то общность взглядов на различные богословские вопросы пробудила у миссис Прауди благосклонный интерес к нему, и вскоре он уже стал доверенным другом семьи.

Мистер Слоуп был принят в доме как свой, и вполне естественно, что между ним и одной из барышень должно было возникнуть чувство более сильное, чем дружба. Его и старшую дочь дома, Оливию, связали было узы любви, но до помолвки дело так и не дошло. Мистер Слоуп взял назад свое любовное признание, едва обнаружил, что дитя доктора Прауди не принесет своему мужу брэнного злата; разумеется, после этого мисс Прауди уже не была расположена принимать от него новые знаки нежной страсти. Однако когда доктор Прауди стал епископом Барчестерским, мистер Слоуп раскаялся в былом корыстолюбии. Епископы, даже бедные, способны прекрасно обеспечить своих духовных детей. И, услышав о предполагаемом назначении, мистер Слоуп тотчас возобновил осаду своей красавицы – осторожно и почтительно. Но Оливия Прауди была горда, в ее жилах струилась кровь двух пэров, а главное, она могла рассчитывать на другого поклонника; так что вздохи мистера Слоупа пропали втуне и вскоре нашу парочку связали более прочные узы глубокой взаимной ненависти.

Может показаться странным, что миссис Прауди после всего этого сохранила к молодому священнику прежнее благоволение, но, по правде говоря, ей ничего не было известно. Хотя ей мистер Слоуп нравился, она не допускала и мысли о том, что он может понравиться какой-нибудь из ее дочерей: с их высоким происхождением и положением в обществе они, по ее мнению, могли сделать самые блестящие партии. Бывшие же влюбленные не посвятили ее в свою тайну. Обе сестры Оливии знали все, как и слуги, как и соседи справа и слева, но миссис Прауди пребывала в неведении.

Мистер Слоуп скоро рассудил, что в качестве капеллана епископа он сможет пользоваться его благодеяниями, не обременяя себя его дочерью, а потому терпеливо сносил муки отвергнутой любви. Сидя напротив доктора и миссис Прауди в вагоне поезда, увлекавшего их в Барчестер, он строил планы своей будущей жизни. Он знал сильные стороны своего патрона, но знал и его слабости. Он догадывался, куда вознесут нового епископа его мечты, и правильно предполагал, что государственная деятельность будет интересовать великого человека больше будничных мелочей управления епархией. Следовательно, истинным епископом Барчестера будет он, мистер Слоуп. Так он решил, и, надо отдать ему должное, у него было достаточно мужества и энергии для достижения этой цели. Он знал, что ему предстоят тяжкие битвы – ведь prerogatives епископской власти неминуемо соблазнят еще один великий ум и миссис Прауди тоже захочет стать епископом Барчестера. Однако мистер Слоуп надеялся взять верх над этой дамой: ей придется проводить много времени в Лондоне, а он всегда будет на месте. Ей многое останется неизвестным, а он будет знать о делах епархии все. Вначале ему, конечно,

---

⁹ Он прямой потомок... – Имеется в виду врач Слуп, персонаж знаменитого романа Л. Стерна (1713–1768) «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена». У Стерна Слуп – католик.

придется улещивать, лавировать, даже кое в чем уступать, но он не сомневался в своей победе. Если другие средства не помогут, он станет на сторону епископа против его жены, вдохнет храбрость в беднягу, подрубит власть миссис Прауди у самого корня и освободит ее мужа от рабского ига.

Вот о чем думал мистер Слоуп, глядя на дремлющих супругов, а он не имеет обыкновения предаваться бесплодным мечтам. Способностями он обладает незаурядными и энергией тоже. Он готов пресмыкаться в случае нужды, но это не мешает ему при благоприятных обстоятельствах стать тираном, к чему он, собственно, и стремится. Он – не образец эрудиции, но зато тем, что знает, он умеет пользоваться в совершенстве. Его проповеднический дар оставляет сильный пол холодным, но покоряет дам. В своих проповедях он преимущественно обличает, внушая слушательницам приятный ужас и убеждая их, что всему роду людскому грозит гибель, исключая тех, кто прилежно посещает вечерние проповеди в церкви на Бейкер-стрит. Его лицо и голос чрезвычайно суровы и невольно внушают мысль, что мир в значительнейшей своей части недостоин его забот. Когда он идет по улице, весь его вид говорит об омерзении перед суетностью света и в уголке его глаза всегда прячется беспощадная анафема.

В вопросах доктрины он терпим, как его патрон, если терпимость может быть свойственна столь строгому духу. Методисты ему скорее импонируют, но он содрогается при одной мысли о нечестивых пьюзеитах¹⁰. Ему отвратительны даже внешние признаки нечестия. Его глаза мечут молнии при виде новой церкви со шпилем, закрытый черный шелковый жилет для него – символ Сатаны, и с его точки зрения, сборник светских анекдотов менее осквернил бы руки молящегося, нежели молитвенник с красными заглавными буквами и крестом на задней крышке. У всех энергичных священников есть свои любимые коньки, и конек мистера Слоупа – строгое соблюдение воскресенья. Впрочем, сам он не оскверняет уста этим словом и признает только «день субботний». «Нарушение дня субботнего», как он изволит выражаться, для него такой же хлеб насущный, как для полицейских – пороки общества. Это излюбленная тема его вечерних проповедей, источник его красноречия, секрет его власти над женскими сердцами. Для него все божественные откровения сводятся к одной этой моисеевой заповеди. Не для мистера Слоупа говорил Спаситель о милосердии и не для него произносилась Нагорная проповедь: «блаженны кроткие; ибо они наследуют землю... Блаженны милостивые; ибо они помилованы будут». Новый завет у него не в чести, так как там он не находит подтверждения той власти, которую пытается присвоить себе хотя бы над одной седьмой срока, положенного человеку на земле.

Мистер Слоуп высок и недурно сложен. Ноги и руки у него большие – это наследственная черта, но широкие плечи и грудь скрадывают этот недостаток. Лицо же у него, я бы сказал, незначительное. Волосы прямые, тускло-рыжие. Расчесывает он их на три бугристые пряди, надежно скрепленные помадой: две по сторонам физиономии, а третья – назад к затылку. Бакенбард он не носит и всегда чисто выбрит. Лицо у него примерно того же цвета, что и волосы, только чуть ярче, оттенка сырой говядины, и притом скверной. Лоб его высок и обширен, но тяжеловат и неприятно лоснится. Рот большой, губы тонкие и бледные, а выпуклые водянисто-карие глаза как-то не внушают доверия. Но вот нос у него красивый и прямой, хотя мне он нравился бы больше, если бы не легкая пористость, точно его вырезали из красноватой пробки.

Я терпеть не могу здороваться с ним за руку. Он всегда покрыт холодным липким потом – потому-то и блестит его лоб, и его дружеское рукопожатие весьма неприятно.

---

¹⁰ Пьюзеиты – последователи английского богослова Эдварда Пьюзи (1800–1882), который вместе с Джоном Ньюменом (1801–1890) был одним из инициаторов так называемого «оксфордского движения», ставившего своей целью возвращение англиканской церкви к католическим догмам и обрядам.

Таков мистер Слоуп – человек, внезапно вторгающийся в среду барчестерского духовенства с тем, чтобы занять место сына покойного епископа. Вообрази же, вдумчивый читатель, этого нового собрата благодушных пребендариев, высокоученых докторов богословия, счастливых, привыкших к сытому спокойствию младших каноников – короче говоря, всех тех, кто собрался в Барчестере под ласковым крылом епископа Грантли.

И ведь мистер Слоуп едет в Барчестер с епископом и его супругой не просто как новый собрат вышеуказанных духовных особ. Он намерен стать если не их владыкой, то хотя бы первым среди них. Он намерен пасти и иметь пасомых, он намерен завладеть кошельком епархии и собрать вокруг себя покорное стадо бедных и голодных собратий.

Мы не можем не провести тут сравнения между архидьяконом и новоиспеченным капелланом, и, несмотря на многочисленные недостатки первого, сравнение это оказывается в его пользу.

Оба они ревностно, слишком уж ревностно стремятся поддержать и усилить власть своего сословия. Оба хотели бы, чтобы миром управляли священники, хотя, возможно, не сознаются в этом даже себе. Оба возмущаются любой другой властью человека над человеком. Если доктор Грантли и признает главенство королевы в делах духовных, то лишь потому, что в силу своего помазания она обрела квази-пастырские права, а духовное, по его мнению, превалирует над светским по самой своей природе. Взгляды мистера Слоупа на теократию совсем иного рода. Духовное главенство королевы его вообще не заботит – для него это звук пустой. Форма его не трогает и определения вроде главенства, помазания, рукоположения и прочего оставляют его равнодушным. Пусть главенствует, кто может. Светский король, судья или тюремщик властвуют лишь над телом; духовный же владыка, умеющий пользоваться тем, что ему дано, подчиняет себе куда более обширное царство. Ему принадлежат души. Если ему верят, то он властвует. Если у него хватит благоразумия оставить в покое слишком сильных духом или слабых плотью, то он и будет главенствовать. Именно к этому и стремится мистер Слоуп.

Доктор Грантли почти не вмешивался в жизнь тех, кто от него зависел. Это не значит, что он извинял неблагоприятные поступки своих священников, безнравственность среди своей паствы или провинности своих близких, но он вмешивался, только когда обстоятельства этого требовали. Он не любил совать нос в дела ближних, и пока те, кто его окружал, не склонялись к сектантству и полностью признавали власть матери-церкви, он полагал, что матери этой следует быть снисходительной, любящей и не торопиться карать. Сам он любил житейские радости и не скрывал этого. Он сердечно презирал священников, которые усматривали зло в званных обедах или в графине бордо, а потому званные обеды и графины бордо изобиловали в епархии. Он любил приказывать и ценил беспрекословное послушание, но заботился о том, чтобы его распоряжения были выполнимы и не оскорбляли достоинства джентльмена. Он правил своими подчиненными много лет и сохранил при этом популярность, что свидетельствует о его немалом такте.

О поведении мистера Слоупа пока ничего сказать нельзя, ибо его карьера еще только начинается, но можно предположить, что его вкусы окажутся совсем не такими, как у архидьякона. Он считает своим долгом знать все поступки и помыслы своих овечек. От простонародья он требует безоговорочного повиновения и всегда готов по примеру своего знаменитого предка прибегнуть к громам Эрнульфуса¹¹: «Да будешь ты проклят, когда приходишь и уходишь, когда ешь и когда пьешь» и проч. и проч. Однако с людьми богатыми опыт научил его держаться иначе. Обитатели высших сфер не боятся проклятий, а дамам они даже нравятся – при условии, что слух их не будет оскорблен грубостью выражений. И все же мистер Слоуп не бросил на произвол судьбы столь значительную часть верующих христиан. С мужчинами,

¹¹ Грома Эрнульфуса. – Эрнульфус (Эрнульф) (1040–1124) – английский прелат, знаток церковного права. В «Тристраме Шенди» доктор Слоуп проклинает неуклюжего слугу Обадью проклятием, взятым из сочинения Эрнульфа.

правда, дело у него не ладится – это все закоренелые грешники, глухие к чарующему гласу проповедника, однако дамы – молодые и старые, здоровые и недомогающие, благочестивые и легкомысленные – не в силах ему противостоять: по крайней мере, по его мнению. Он умеет обличать так подобострастно и порицать с такой нежностью, что женское сердце, если в нем есть хоть искра истинного благочестия, не может не сдаться. Поэтому во многих домах он – почетный гость: мужья готовы пригласить его в угоду женам, а уж если он допущен в дом, то избавиться от него нелегко. Однако его вкрадчивая фамильярность не нравится тем, кто не собирается спасать душу с его помощью, и у него нет качеств, которые помогли бы ему завоевать популярность в большом кругу, а именно такой круг и ждет его в Барчестере.

Глава V. Утренний визит

Было известно, что доктор Прауди должен незамедлительно назначить смотрителя богадельни, как того требовал упомянутый выше парламентский акт, но все понимали, что назначить он может только мистера Хардинга. И сам мистер Хардинг с тех пор, как вопрос о богадельне был окончательно решен, не сомневался, что вскоре вернется в свой милый дом и сад. И радовался этому, как ни печально, ни мучительно даже могло оказаться такое возвращение. Он надеялся, что дочь согласится жить у него. И она почти обещала, хотя в душе таила убеждение, что этот величайший из смертных, важнейший атом человечества, маленький земной бог – Джонни Болд, ее сыночек, – должен жить под собственным кровом.

При подобных обстоятельствах мистер Хардинг не думал, что назначение доктора Прауди в их епархию может как-то повлиять на его судьбу. Он, как и многие другие барчестерцы, сожалел, что их епископом станет человек, придерживающийся иных взглядов, но сам он не был доктринером и готов был приветствовать доктора Прауди в Барчестере с подобающей учтивостью и почтением. Он ничего не искал, ничего не страшился и не видел, почему бы им с епископом и не быть в добрых отношениях.

В этом настроении на второй день после водворения во дворце нового епископа и капеллана мистер Хардинг отправился туда с визитом. И не один. Доктор Грантли вызвался пойти с ним, а мистер Хардинг был только рад переложить на кого-нибудь обязанности поддерживать беседу. Во время торжественной церемонии в соборе архидьякон был представлен епископу, но мистер Хардинг, хотя и присутствовал там, предпочел держаться в отдалении, и потому ему еще предстояло познакомиться с главой их епархии.

Архидьякон был настроен не столь благодушно. Он не собирался прощать предпочтение, оказанное другому, и спускать посягательства на свои прерогативы. Пусть доктор Прауди оказался Венерой, но Юнона готова была начать войну против обладателя заветного яблока и всех его прихвостней – капелланов и прочих.

Тем не менее ему надлежало держаться с этим выскочкой, как должно старому архидьякону держаться с новым епископом, и хотя он знал, каких гнусных взглядов придерживается доктор Прауди относительно сектантов, церковной реформы, гебдомадального совета и прочего, хотя ему не нравился человек и были ненавистны его воззрения, он готов был воздать почтение епископскому сану. Итак, они с мистером Хардингом явились во дворец.

Его преосвященство был дома, и посетителей провели из знакомой прихожей в столь же знакомый кабинет покойного епископа. Они знали тут каждый стул и столик, каждый книжный шкаф, каждую клетку ковра (новый епископ купил мебель своего предшественника) и все же сразу почувствовали себя в этой комнате чужими. Незначительные изменения совсем преобразили ее. Появилась новая кушетка, обитая веселеньким ситцем – ужасная, почти кошунственная: подобной кушетки еще не видел ни один кабинет респектабельного англиканского священнослужителя. Исчезли и прежние занавески. Они, правда, обветшали, и густой винный цвет стал рыжеватым. Однако мистер Хардинг и эту рыжеватость предпочел бы крикливым песочным драпировкам, которые, по мнению миссис Прауди, вполне годились для кабинета ее мужа в провинциальном Барчестере.

Доктор Прауди сидел в кресле покойного епископа; он выглядел очень мило в своем новом облачении; на коврике перед камином (любимом месте архидьякона) стоял мистер Слоуп, любезный и оживленный; но на кушетке восседала миссис Прауди – новшество, беспрецедентное в анналах барчестерской епархии.

Однако она сидела на кушетке, и нашим друзьям оставалось только смириться с этим. Последовали церемонные представления. Архидьякон пожал руку епископа и назвал мистера Хардинга, с которым поздоровались так, как епископы здороваются с соборными регентами.

Затем епископ представил их своей супруге – сначала подобающим тоном архидьякона, потом регента – уже не так торжественно. Затем мистер Слоуп представил сам себя. Доктор Прауди, правда, назвал его, и еще громче произнесла его имя миссис Прауди, однако главный труд мистер Слоуп взял на себя. Он счастлив познакомиться с доктором Грантли, он столько слышал о его благой деятельности в подведомственной ему части епархии (подчеркнуто забыв, что архидьякон долгое время правил всей епархией!). Его преосвященство рассчитывает на помощь доктора Грантли в подведомственной ему части епархии. И мистер Слоуп, схватив руку своего новоявленного врага, обильно увлажнил ее. Доктор Грантли поклонился, сдвинул брови и вытер ладонь носовым платком. Мистер Слоуп как ни в чем не бывало обратил взор на регента и снизошел к низшему духовенству. Он пожал ему руку, сыровато, но дружески, и изъявил большое удовольствие познакомиться с мистером... а, да, мистером Хардингом – он не расслышал. Соборный регент? – догадался мистер Слоуп. Мистер Хардинг подтвердил, что его смиренное занятие именно таково. И какой-нибудь приход? – предположил мистер Слоуп. Мистер Хардинг назвал крохотный приход Святого Катберта. После чего мистер Слоуп, достаточно посприходив к низшему духовенству, оставил его в покое и снова вознесся в высшие сферы.

Из четырех принадлежавших к ним человек каждый считал (или считала, ибо в их числе была и миссис Прауди) себя важнейшей персоной в епархии, и при таком расхождении во взглядах они вряд ли могли поладить. Епископ носил видимое облачение и полагался в основном на него – и еще на свой сан, ибо это были неопровержимые факты. Архидьякон знал предмет и умел быть епископом, чего остальные не умели, и в этом заключалась его сила. Миссис Прауди опиралась на свой пол и привычку командовать, и надменность доктора Грантли ее ничуть не пугала. Мистер Слоуп мог рассчитывать только на себя, на свою энергию и такт, но не сомневался, что скоро возьмет верх над епископом и архидьяконом, которые придают такое значение внешним формам.

– Вы живете в Барчестере, доктор Грантли? – с любезнейшей своей улыбкой осведомилась миссис Прауди,

Доктор Грантли объяснил, что он живет в Пламстед – в своем приходе, который расположен вблизи города. Миссис Прауди выразила надежду, что это не очень далеко, так как она была бы рада сделать визит миссис Грантли. Она не замедлит посетить ее, как только их лошади прибудут в Барчестер; их лошади пока в Лондоне; их лошади прибудут сюда не сразу, так как епископ вскоре должен будет вернуться в столицу. Доктор Грантли, конечно, знает, что епископ отдает много времени комиссии, занимающейся университетами, – и все дело остановилось, так как без него они не могут составить свой доклад. К тому же епископу надо подготовить устав «Общества утренних и вечерних воскресных школ в фабричных городах», коего он состоит покровителем... председателем... главой – и поэтому лошади пока не могут приехать в Барчестер, но как только лошади прибудут, она не замедлит сделать визит в Пламстед, если только это не очень далеко.

Архидьякон отвесил пятый поклон – по поклону на каждое упоминание лошадей – и сказал, что миссис Грантли не преминет сама сделать ей визит в ближайшее же время. Миссис Прауди объявила, что будет в восторге: сама она не решилась пригласить ее, не зная, есть ли у миссис Грантли лошади, и очень ли это далеко, и т. д.

Доктор Грантли еще раз поклонился и промолчал. Он мог бы купить все вещи каждого члена семейства Прауди и подарить их им без заметного ущерба для своего состояния. И сразу же после свадьбы он завел отдельный выезд для жены, тогда как миссис Прауди в прошлом во время сезона тряслась по лондонскому булыжнику за столько-то в неделю, а в прочие месяцы ходила пешком или нанимала извозничий экипаж почище.

– Конечно, школы дня субботнего в подведомственных вам приходах процветают? – спросил мистер Слоуп.

– Школы дня субботнего? – повторил архидьякон с притворным удивлением. – Право, не знаю. Это дело жены каждого священника и его дочерей. В Пламстеде никаких таких школ нет!

Тут архидьякон уклонился от истины, так как у миссис Грантли прекрасная школа. Правда, она не совсем воскресная и так не называется, но эта образцовая женщина всегда заходит туда за час до начала службы, слушает, как дети отвечают катехизис, и присматривает за тем, чтобы они шли в церковь чистенькими и аккуратными, вымыв руки и завязав шнурки башмаков; а Гризельда и Флоринда, ее дочери, в субботу относят в школу большую корзину свежих булочек и раздают их всем детям, кроме наказанных, и вечером дети с удовольствием уплетают дома эти булочки, поджаренные и намазанные маслом. Пламстедские дети, наверное, вытаращили бы глаза, услышав, как их почтенный пастырь утверждает, будто в его приходе нет воскресной школы.

Мистер Слоуп только чуть поднял брови и пожал плечами. Но он не думал отказываться от своего излюбленного проекта.

– Боюсь, в дни субботние тут слишком много ездят, – сказал он. – Я видел расписание: по дням субботним тут останавливается три поезда в Лондон и три из Лондона. Неужели нельзя заставить железнодорожную компанию отменить их? Стоит приложить усилие, и зло можно уничтожить, не правда ли, доктор Грантли?

– Не могу судить, не будучи директором компании. Но думаю, если вы сможете отменить пассажиров, компания отменит поезда. Ведь это только вопрос дивидендов.

– Право, доктор Грантли, – вмешалась миссис Прауди, – право, такие взгляды нам не пристали. Право же, мы обязаны делать все, что в наших силах, дабы положить конец столь тяжкому греху. А как вы полагаете, мистер Хардинг? – обратилась она к регенту, хранившему все это время унылое молчание.

Мистер Хардинг полагал, что всем носильщикам, кочегарам, кондукторам и стрелочникам должна предоставляться возможность посещать церковь, и выразил надежду, что они ее имеют.

– Но право же, право, – продолжала миссис Прауди, – право, этого мало. Право же, это не ведет к такому соблюдению дня субботнего, которое, как нас учат, не только желательно, но и обязательно. Право же...

Доктор Грантли никоим образом не желал вступать в богословский спор с миссис Прауди или же с мистером Слоупом, а потому он бесцеремонно отвернулся от кушетки и выразил надежду, что доктор Прауди доволен тем, как подновлен дворец.

Да, да, ответил его преосвященство, в целом, конечно... в целом причин быть недовольным нет, хотя архитектор, пожалуй, мог бы... Но его двойник, мистер Слоуп, возникнув у епископского кресла, не дал ему докончить эту туманную речь.

– Мне хотелось бы упомянуть одно, господин архидьякон. По просьбе его преосвященства я обошел службы, и оказалось, что стойла во второй конюшне оставляют желать лучшего!

– Но ведь первая конюшня вместит дюжину лошадей.

– Возможно. Я даже уверен, что это так, но видите ли, надо подумать и о гостях. Родственники епископа обычно приезжают на своих лошадях.

Архидьякон обещал, что для лошадей родственников будет отведено столько места, сколько позволят размеры конюшни. Он сам поговорит с архитектором.

– А каретник, доктор Грантли? – продолжал мистер Слоуп. – В большом каретнике с трудом уместится второй экипаж, а о малом и говорить нечего.

– И газ! – вмешалась миссис Прауди. – Во всем доме нет газа – нигде, кроме кухни и коридоров. Право же, во дворце нужны газ и горячая вода. А горячая вода подается только на первый этаж; право же, можно найти способ провести горячую воду в спальни и не таскать ее туда в кувшинах из кухни.

Епископ считал, что провести горячую воду необходимо. Без нее дворец немислим. Это – необходимая принадлежность дома любого джентльмена.

Мистер Слоуп заметил, что садовая стена обветшала.

Миссис Прауди видела в людской большую дыру, по-видимому, сделанную крысами.

Епископ объявил, что не выносит крыс. По его мнению, в мире не было существа отвратительнее крысы.

Мистер Слоуп видел, что замки некоторых служб оставляют желать лучшего, – например, угольного и дровяного сараев.

И миссис Прауди видела, что замки комнат прислуги никуда не годятся. Все замки в доме стары и плохи.

Епископ высказал мнение, что от хорошего замка зависит многое – и от ключа тоже. Он не раз замечал, что в беде часто бывает повинен ключ, особенно если борода погнута.

Мистер Слоуп продолжал перечень, но тут его в несколько повышенном тоне перебил архидьякон, объяснивший, что с этим следует обращаться к архитектору епархии, а вернее, к подрядчику, он же, доктор Грантли, поинтересовался состоянием дворца только из любезности. Впрочем, он сожалеет, что обнаружилось столько неполадок. И он встал, собираясь уйти.

Миссис Прауди, хотя она и успела внести свою лепту в поношение дворца, тем не менее продолжала пытаться мистера Хардинга, доказывая греховность развлечений в день субботний. Вновь и вновь она обрушивала свое «право же, право» на благочестивую главу мистера Хардинга, который не умел защищаться.

Никогда еще его так не терзали. До сих пор дамы, которые интересовались его мнением в вопросах религии, почтительно слушали, а если не соглашались, то молча. Миссис же Прауди подвергла его допросу и прочла ему нотацию. «Ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни слуга твой, ни служанка!» – внушительно повторяла она, словно мистер Хардинг забыл эти слова. Она грозила ему пальцем, словно напоминая о неизбежной каре, и под конец потребовала, чтобы он подтвердил, что езда по железной дороге в день субботний – гнуснейшее кощунство.

Впервые в жизни мистер Хардинг подвергался подобному натиску. Он чувствовал, что должен был бы указать ей на неуместность такого тона по отношению к священнику и человеку намного ее старше; но не мог же он сделать выговор жене епископа в присутствии епископа, да еще во время своего первого визита во дворец! К тому же, сказать правду, он начал ее побаиваться. Он растерянно молчал, но она не оставила его в покое.

– Надеюсь, мистер Хардинг, – сказала она, торжественно покачав головой, – вы не заставите меня думать, будто вы одобряете езду в день субботний? – И она выразительно посмотрела ему в глаза.

Этого мистер Хардинг выдержать не мог, тем более что теперь на него смотрели мистер Слоуп, и епископ, и архидьякон, уже распрошавшийся с ними. Мистер Хардинг встал и, протянув руку миссис Прауди, сказал:

– Если вы как-нибудь заглянете в воскресенье в церковь Святого Катберта, я скажу об этом проповедь.

И, низко поклонившись даме, пожав руку епископу и попробовав увернуться от мистера Слоупа, архидьякон и регент удалились. Мистер Хардинг вновь пострадал, но доктор Грантли поклялся про себя, что ни за что на свете не коснется мокрой лапы этого нечистого и мерзкого животного.

Владей я поэтическим пером, я воспел бы теперь в эпических стихах благородный гнев архидьякона. Перед крыльцом дворца была большая, усыпанная песком площадка, а сбоку от нее – ворота, выходившие на улицу, и калитка соборного сада. Слева от площадки начиналась широкая аллея, которая вела через обширные дворцовые сады и примерно в полумиле от собора кончалась воротами, выходившими на Лондонскую дорогу.

Оба наши друга молчали, пока не вышли в боковую калитку и не оказались в саду собора, однако регент ясно видел по лицу своего спутника, что вот-вот разразится буря, и он разделял его чувства. Хотя он был далеко не так вспыльчив, как архидьякон, даже он рассердился, даже он – кроткий, благовоспитаннейший человек – чувствовал настоятельную потребность прибегнуть к не самым благовоспитанным выражениям.

Глава VI. Война

– Боже великий! – воскликнул архидьякон, ступая на песок дорожки, и, сняв касторговую шляпу одной рукой, другую с некоторой яростью запустил в свои седеющие кудри; из шляпы поднялся пар, точно туман гнева; предохранительный клапан открылся, давая выход его бешенству и предотвращая взрыв, а может быть, апоплексию. – Боже великий! – И архидьякон устремил взор на серые башни собора, безмолвно взывая к этим неизменным свидетелям разных деяний многих барчестерских епископов.

– Мистер Слоуп мне не очень нравится, – сказал регент.

– Не нравится! – взревел архидьякон и даже остановился, чтобы придать голосу больше силы. – Не нравится!

И все соборные вороны закаркали в знак согласия. Куранты на башне, заиграв, подхватили его возглас, и ласточки беззвучным полетом выразили то же мнение. Да уж навряд ли хоть какому-нибудь обитателю Барчестера мистер Слоуп мог понравиться!

– И миссис Прауди тоже, – сказал мистер Хардинг.

И тут архидьякон окончательно забылся. Я не последую его примеру и не оскорблю слух моих читателей, воспроизведя слово, которым он выразил свои чувства к этой даме. Вороны и замирающий звон курантов были не столь деликатны и повторили это неподобающее выражение. Затем архидьякон снова снял шляпу и выпустил еще немного пара.

Наступила пауза: регент пытался осознать, что архидьякон епархии в саду собора обозначил вот этим словом супругу барчестерского епископа, пытался – и не мог.

– Епископ, кажется, человек тихий, – робко заметил мистер Хардинг, признав собственное бессилие.

– Идиот! – крикнул архидьякон, который был пока способен изъясняться только с помощью отрывочных восклицаний.

– Да, пожалуй, – сказал регент. – Но он слывет умным человеком. Наверное, он достаточно осторожен и предпочитает молчать.

Доктор Грантли уже проникся таким жгучим презрением к новому епископу, что не желал говорить о нем. Марионетка, восковая кукла в облачении и митре, которую сажают на епископский трон и дергают ниточки. Доктор Грантли не желал унижаться до обсуждения доктора Прауди, но он понимал, что ему придется говорить о других – о соепископах, которые подняли его преосвященство, так сказать, на ширму, а теперь будут вертеть им, как захотят. Одно это выводило архидьякона из себя. Если бы он мог игнорировать капеллана и сразиться с самим епископом, это, по крайней мере, не было бы унижительно. Пусть королева назначает в Барчестер кого пожелает – став епископом, и обезьяна оказалась бы достойным противником при условии, что сражаться она будет сама. Но что оставалось делать такому человеку, как доктор Грантли, когда его противником был такой человек, как мистер Слоуп?

Если он откажется от боя, мистер Слоуп, торжествующий победитель, станет хозяином Барчестерской епархии.

Если же он признает своим врагом того, кого выставил против него епископ-марионетка, ему придется говорить о мистере Слоупе, писать о мистере Слоупе и обходиться с мистером Слоупом, как с почти равным себе. Ему придется видаться с мистером Слоупом и... фу, мерзость! Нет, он не в силах иметь дело с мистером Слоупом.

– Отвратительней твари я не видывал! – сказал архидьякон.

– Чем кто? Чем епископ? – простодушно спросил регент.

– Епископ? Нет... Я говорю не о епископе. И как могли рукоположить такую тварь? Я знаю, что сейчас сан может получить кто угодно. Но ведь он уже десять лет священник, а десять лет назад они были разборчивее!

– А! Вы имеете в виду мистера Слоупа?

– Вы когда-нибудь видели подобную скотину?

– Не могу сказать, что он мне нравится.

– «Нравится»! – вновь возопил архидьякон, и вороны согласно каркнули. – Еще бы! Но что нам с ним делать?

– Делать... с ним? – спросил мистер Хардинг.

– Да! Что нам с ним делать? Как нам с ним держаться? Он тут надолго. Он утвердился во дворце и останется там, пока его не вышвырнут. Как нам от него избавиться?

– Но чем он может нам повредить?

– Чем? Погодите месяц, и вы узнаете – чем! Что вы скажете, если он пролезет в смотрители богадельни?

Мистер Хардинг немного подумал и сказал, что новый епископ вряд ли назначит мистера Слоупа смотрителем богадельни.

– Ну, так назначит куда-нибудь еще, где от него будет не меньше вреда. Говорю же вам: эта тварь будет истинным епископом Барчестера! – И доктор Грантли, вновь сняв шляпу, задумчиво и печально погладил себя по волосам. – Наглый выскочка, – продолжал он. – Допрашивать меня о воскресных школах и воскресной езде! Я в жизни не видел ничего бесстыднее: точно мы с вами даже еще не рукоположены!

– Миссис Прауди показалась мне еще хуже! – сказал регент.

– Наглость женщины приходится терпеть, и следует просто избегать ее общества. Но наглость мистера Слоупа я терпеть не намерен. «Езда по железной дороге в день субботний»! – Архидьякон передразнил гнусавую интонацию человека, который внушал ему столь жгучее отвращение. – Такие, как он, губят англиканскую церковь и делают профессию священника нереспектабельной. Мы должны страшиться не сектантов и не папистов, а этих лицемерных плебеев, втирающихся в наше сословие, этих беспринципных оппортунистов, у которых нет истинных религиозных убеждений, но которые всегда готовы подхватить последний крик толпы, вроде этой езды по железной дороге в день субботний!

Доктор Грантли больше не повторял своего вопроса вслух, но про себя он продолжал твердить: «Что нам делать с мистером Слоупом?» Как показать всему свету, насколько этот человек отвратителен и достоин презрения?

До этих пор Барчестер не знал особых строгостей в соблюдении церковных доктрин. Городские и окрестные священники, хотя и были склонны всячески отстаивать принципы, привилегии и прерогативы высокой церкви, никогда не впадали в то, что неточно именуется пьюзеизмом. Они все, подобно своим отцам, проповедовали в черных мантиях, носили простые черные жилеты, не ставили свечи на алтарь, как зажженные, так и незажженные; молясь, не преклоняли колен и ограничивались ритуалом, принятым последние сто лет. В приходских церквях служба скромно читалась, хор пел только в соборе, а напевный речитатив был в Барчестере вообще неизвестен. Как-то младший пламстедский священник, только что из Оксфорда, на третье воскресенье попробовал было перейти на речитатив – к большому недоумению беднейшей части прихожан. Доктор Грантли при этом не присутствовал, но миссис Грантли, у которой были свои взгляды на этот предмет, после службы осведомилась, здоров ли молодой человек, и обещала прислать ему лекарства для его больного горла. И пламстедская церковь больше не слышала речитатива.

Но теперь архидьякон начал обдумывать меры решительного противодействия. Доктор Прауди и его шайка принадлежали к самой низкой англиканской церкви, и, следовательно, он должен был показать свою приверженность к самой высокой. Доктор Прауди готов уничтожить все ритуалы и церемонии – и доктор Грантли внезапно ощутил потребность всячески увеличивать и усложнять их. Доктор Прауди готов согласиться на то, чтобы церковь была лишена

всякой коллективной власти, и поэтому доктор Грантли будет отстаивать полную власть капитула и возвращение ему всех его древних прав.

Сам он, правда, не умел пользоваться речитативом, но зато к его услугам было множество выпускников Оксфорда, обученных этому таинственному искусству. Сам он не собирався менять привычную одежду, зато он мог наводнить Барчестер молодыми священниками в длиннейших сюртуках и закрытейших шелковых жилетах. Конечно, он не станет осенять себя крестным знамением или утверждать истинность претворения, но и без этого было много способов ясно выразить антипатию, которую внушали ему люди, подобные доктору Прауди и мистеру Слоупу.

Вот о чем он думал, расхаживая с мистером Хардингом по саду. Войны, междоусобной войны – вот чего жаждало его сердце. Либо мистер Слоуп, либо он – во всяком случае, в Барчестере, и он намерен был вести борьбу до последнего. Он все еще тешил себя мыслью, что сумеет сделать Барчестер слишком жарким для мистера Слоупа – если бы это и не сбылось, то не из-за недостатка желания.

– Сюзен все-таки придется сделать ей визит, – заметил мистер Хардинг.

– Да, но первый и последний. А пресловутые лошади вряд ли доберутся до Пламстеда в ближайшее время.

– Мне кажется, Элинор не обязательно наносить визит миссис Прауди. Вряд ли это будет приятное знакомство для Элинор.

– Этого совершенно не нужно! – ответил архидьякон, полагавший, что этикет, обязательный для его супруги, не имеет касательства к вдове Джона Болда. – Она вовсе не должна наносить визит миссис Прауди, если ей этого не хочется. К тому же для порядочной женщины находиться в одной комнате с этим мерзавцем – очень неприятное испытание.

После чего они расстались, – мистер Хардинг отправился к дочери, а архидьякон укрылся в уединении своей кареты.

На новых обитателей дворца посетители произвели не более благоприятное впечатление, чем они сами на посетителей. Хотя они и не прибегли к столь сильным выражениям, как архидьякон, их переполняла такая же антипатия и они тоже понимали, что предстоит война и что в Барчестере не будет места праудианству, пока там властвует грантлианство.

Весьма вероятно, что мистер Слоуп уже давно разработал систему атак и был подготовлен куда лучше архидьякона. Доктор Грантли рвался в бой, потому что возненавидел мистера Слоупа. А мистер Слоуп ненавидел его заранее, так как знал, что им предстоит война. Производя предварительную разведку еще до приезда в Барчестер, он сначала не думал идти напролом, а предполагал одолеть архидьякона хитростью и подчинить его себе лестью. Но по наведении справок тотчас выяснилось, что ему не удастся обойти доктора Грантли никакой хитростью, и мистер Слоуп решил идти напролом. Он понял, что утвердить свое положение он может только в открытой войне против доктора Грантли и его приверженцев, а потому и постарался сразу же задеть архидьякона почувствительнее.

Вскоре после приезда епископ попросил настоятеля собора, чтобы с разрешения соборного каноника проповедь в следующее воскресенье в соборе читал его капеллан. Соборный каноник, высокородный и преподобный доктор Визи Стэнхоуп, в настоящее время усердно ловил бабочек на берегах озера Комо для пополнения своей знаменитой коллекции, а младший священник, которому предстояло заместить его на кафедре в это воскресенье, с радостью уступил мистеру Слоупу исполнение своих обязанностей.

Мистер Слоуп прочел проповедь, и если проповедника радует число тех, кто ему внимает, то он мог быть доволен. У меня есть основания предполагать, что он был доволен и сходил с кафедры, зная, что достиг того, чего хотел.

В этот день новый епископ впервые воссел на своем троне с обновленной позолотой, новыми алыми подушками, занавесами и бахромой. Старинная дубовая спинка трона, возно-

сящая нелепые башенки и шпили чуть ли не к самым хорам, была на славу вымыта, вычищена и отполирована. Ах! Как часто в далекие счастливые дни я, сидя на низкой скамье у алтаря, мысленно карабкался кратчайшим путем по этим завитушкам к вершине самого высокого шпиля и не скучал во время проповеди!

Весь Барчестер явился послушать мистера Слоупа – и поглазеть на нового епископа. Все самые лучшие шляпки города присутствовали там, а кроме того, и все самые глянцевиные клерикальные шляпы. Все скамьи были заняты. Если некоторые пребендарии и пребывали в Италии или где-нибудь еще, их места занимали деревенские пастыри, съехавшиеся в Барчестер ради такого случая. Был там и настоятель – тучный старец, теперь лишь изредка посещавший собор, а также архидьякон. А также канцлер, казначей, регент, каноники, старшие и младшие, и все светские члены хора, готовые приветствовать нового епископа мелодичным пением.

Служба, бесспорно, была прекрасной, как всегда в Барчестере, где хором занимались серьезно и голоса отбирались тщательно. Псалмы были пропеты чудесно, *Te Deum*¹² – величественно, а литания исполнена так, как ее все еще исполняют в Барчестере, но, если я не ошибаюсь, нигде больше. Именно литании мистер Хардинг издавна отдавал все свое умение и голос. Переполненный зал обычно вдохновляет певцов, и хотя мистер Хардинг, возможно, этого не заметил, он превзошел самого себя. К тому же остальные старались, как могли, и его увлек пример ближних. Служба шла своим чередом, и вот на кафедру поднялся мистер Слоуп.

В качестве текста он выбрал стих из послания святого Павла Тимофею о поведении, приличествующем духовному пастырю и наставнику, и все сразу поняли, что доброму барчестерскому духовенству будет преподан урок.

«Старайся представить себя богу достойным, делателем неукоризненным, верно преподающим слово истины». Таков был выбранный им текст, и, несомненно, подобное собрание не могло не слушать подобного проповедника, избравшего подобную тему в подобном месте. Его слушали затаив дыхание и с немалым удивлением. Что бы ни думали в Барчестере о мистере Слоупе до его проповеди, после нее никто из присутствовавших в соборе не назвал бы его ни дураком, ни трусом.

На страницах романа не подобает пересказывать текст проповеди или даже приводить отрывки из нее. Рисую характеры тех, о ком я пишу, я бываю вынужден касаться священных предметов. Но надеюсь, меня не заподозрят в насмешках над кафедрой, хотя кое-кто и может подумать, что я не почитаю духовное сословие. Да, я подвергаю сомнению непогрешимость наставников, но, лышу себя мыслью, не то, в чем они должны наставлять.

Начиная проповедь, мистер Слоуп с немалым тактом дал понять, что его смиренная особа является лишь как бы рупором высокочтимого прелата, который сидит напротив него; затем, опираясь на эту предпосылку, он весьма точно сформулировал, какого именно поведения ждет онный прелат от подчиненных ему отныне священнослужителей. Достаточно будет сказать, что от них требовали как раз того, чему они всегда противились – всего, чуждого их взглядам и обычаям; и что привилегии и принципы, дорогие сердцу священников высокой церкви, высмеивались, всячески поносились и предавались анафеме. А надо помнить, что барчестерское духовенство все принадлежало к высокой церкви.

Объяснив, как именно священнослужитель должен представить себя богу достойным и делателем неукоризненным, мистер Слоуп принялся растолковывать, как именно должно быть преподано слово истины. Его взгляд на этот вопрос был весьма узким, а доводы он притягивал за волосы. Он выражал глубочайшее отвращение ко всяким ритуальным способам произношения слов, поносил религиозное чувство, вызванное не смыслом, а звучанием слова, и, короче говоря, разнес в пух и прах соборную службу. Эта часть проповеди была бы более уместной, если бы святой Павел требовал верного произношения слова истины; однако про-

¹² *Te Deum* – «Тебя Бога хвалим», благодарственное молитвенное песнопение.

поведник стремился преподавать доктрину мистера Слоупа, а вовсе не доктрину святого Павла, и передернул текст с большим умением.

Он не мог открыто заявить с соборной кафедры о неуместности пения в соборной службе. Это значило бы перегнуть палку и поставить себя в глупое положение к вящему удовольствию слушающих. Однако он гневно обличал речитатив в приходских церквях, хотя в епархии его не водилось, а потом указал, что в прекрасной службе, на которой они присутствуют, музыка, так сказать, слишком главенствует над смыслом. Разумеется, сказал он, невозможно сразу отказаться от обычаев предков: это значило бы оскорбить чувства людей престарелых и смутить многие почтенные умы. Ему известно, что не все люди обладают достаточной широтой мысли и достаточной образованностью, чтобы понять и признать, что служба, в которой внешние церемонии важнее внутреннего смысла, стала дикарским пережитком в эпоху, когда внутреннее убеждение – это все и когда слово служителя божьего должно прямо западать в сердце слушающего. Прежде религия толпы порождалась воображением, ныне христианин должен обосновывать свою веру – не просто верить, но обдумывать, не просто слышать, но понимать. Слова нашей утренней службы... как прекрасны, как проникновенны, как разумны они, если их произносят с достойной простотой! Но насколько утрачивают они смысл, когда льются в такт музыке, и пр. и пр.

Вот что проповедовал мистер Слоуп архидьякону Грантли, регенту Хардингу и всем прочим! Настоятелю и всему соборному духовенству в их собственном соборе! Людям, которые всю жизнь служили так, как считали наилучшим! И они выслушивали все это от выскочки, от священника без прихода, от какого-то капеллана, от чужака, от отребья, вытщенного, по выражению доктора Грантли, из сточных канав Мэрилбоуна! И они должны были высидеть до конца! Никто из них, не исключая и доктора Грантли, не мог заткнуть уши или покинуть дом божий в часы службы. Они слушали – и не могли даже сразу ответить!

Пожалуй, нынешние свободные и цивилизованные страны не знают невзгоды горше необходимости выслушивать проповеди. В этих государствах только проповедующий священник имеет власть заставить своих слушателей сидеть смирно и переносить мучения молча. Только проповедующий священник может изрекать одни пошлости, банальности и трюизмы, зная, что их будут выслушивать так почтительно, точно его слова исполнены вдохновенного жара или же неотразимой логики. Пусть-ка доктор права или физических наук взойдет на свою кафедру и начнет складывать избитые слова в скудоумные фразы – он скоро увидит перед собой опустевшие скамьи. Пусть-ка адвокат начнет говорить скверно – ему редко придется говорить. Речь судьи никто не обязан выслушивать, кроме присяжных, обвиняемого и дежурного полицейского. Когда говорит член парламента, можно кашлять или уйти. Олдермену можно не дать слова. Но от проповедующего священника спасения нет. Он – язва нашего времени, морской старик¹³, которого мы, Синдбады, не в силах стряхнуть с себя, кошмар, губящий наш воскресный отдых, инкуб, обременяющий нашу религию и портящий божественную службу. Нас не тащат насильно в церковь. О нет! Но мы хотим большего. Мы хотим, чтобы нас оттуда не выживали. Мы хотим, мы желаем пользоваться благами церковной службы, но пусть нас избавят от томительной скуки, которую обыкновенный человек выдержать не в состоянии, чтобы, покидая дом божий, мы не испытывали радостного облегчения, как это обычно бывает после обычной проповеди.

С какой самоуверенностью молодой священник делает ложные выводы из неправильно понятого текста, а потом грозит нам всеми карами преисподней, если мы посмеем отступить от его заветов! Да, мой самодовольный юный друг, я верую в те тайны, которые так опошля-

¹³ Морской старик – персонаж из арабских сказок «Тысяча и одна ночь». Морской старик взбирался на плечи человека и, обвив его шею гибкими ногами, заставлял рабски служить себе. Синдбад-мореход, оказавшись в его власти, в конце концов сумел хитростью избавиться от него.

ются в твоих устах, я верую в неразбавленное слово, которое ты держишь в своей руке, но извини, если я сомневаюсь в твоих толкованиях. Библия прекрасна, молитвенник прекрасен, да и ты сам был бы приемлем, если бы просто читал мне куски из проповедей, которые лучшие наши богословы создавали в расцвете своих сил. Но извини меня, неумелый проповедник, если только зевоту будут вызывать у меня твои неуклюжие периоды, твои заимствованные фразы, твой вымученный пафос, напевность твоих обличений, твое покашливание и запинки, твои ахи и охи, твои черные перчатки и белый платок. Для меня все это – ничто, и сколько драгоценных часов удалось бы сберечь, если бы можно было не ходить тебя слушать!

И тут я хочу сказать кое-что по поводу обычных жалоб священников на чрезмерное количество проповедей, которые они обязаны читать. Мы все упиваемся звуком собственного голоса, а проповедник к тому же знает, что его волей-неволей будут слушать. Проповедь для него – приятнейшие минуты жизни, миг самоуспоения. «Я прочел на этой неделе девять проповедей», – сообщил мне недавно один мой юный друг, томно прижимая руку ко лбу с видом великомученика. «Девять на этой, семь на прошлой, четыре на позапрошлой, – в этом месяце я проповедовал двадцать три раза. Право, это слишком!» – «Совершенно справедливо, – ответил я, содрогаясь. – Этого никто не выдержит!» – «Да, – смиренно согласился он. – И это начинается на мне сказываться!» – «Ах, если бы!» – воскликнул я. – «Если бы так!» – но он не догадался, что у меня сердце кровью обливалось от жалости к его прихожанам.

Впрочем, проповедь мистера Слоупа – во всяком случае, в этот раз – не была скучной. Ее тема задевала слушателей за живое, а к тому же нельзя отрицать, что мистер Слоуп умел быть красноречивым. Все тридцать минут его слушали безмолвно и внимательно, но с гневом в глазах, обмениваясь негодующими взглядами, раздувая в ярости ноздри, шаркая подошвами и часто меняя позу, что свидетельствует о смятении духа и о возмущении в сердцах.

Наконец епископ, пораженный больше всех, так что у него волосы чуть не встали дыбом от ужаса, произнес благословение далеко не столь величественно, как во время многочисленных репетиций у себя в кабинете, и прихожане могли разойтись.

Глава VII. Настоятель и соборное духовенство держат совет

Барчестер бурлил. Доктор Грантли дал волю гневу, едва выйдя из дверей собора. Старик настоятель молча удалился к себе и долго сидел в оцепенении, не в состоянии собраться с мыслями. Мистер Хардинг ускользнул из собора в одиночестве и медленно бродил под старыми вязами, не в силах поверить, что с кафедры Барчестерского собора раздавались такие слова. Неужели он вновь лишится душевного покоя? Неужели во второй раз вся его жизнь будет объявлена бесполезной и лицемерной? И ему придется сложить с себя обязанности регента, как прежде обязанности смотрителя, оставить хор, как он уже оставил на произвол судьбы двенадцать своих подопечных? Ну а потом? Еще какой-нибудь «Юпитер» или какой-нибудь мистер Слоуп изгонит его из прихода Святого Катберта. Не мог же он заблуждаться всю свою жизнь, исполняя литанию так, как он ее исполнял! И тут же он усомнился в своей правоте. Недоверие к себе было слабостью мистера Хардинга: недостаток, редкий для духовных особ.

Да, Барчестер бурлил! И волновалось не только духовенство. Прихожане также слушали мистера Слоупа – все с удивлением, некоторые с негодованием, а некоторые со смешанным чувством, в котором не преобладала антипатия к проповеднику. Покойный епископ и его капелланы, настоятель, его каноники и младшие каноники, хор и особенно возглавлявший его мистер Хардинг пользовались любовью Барчестера. Они тратили там свои деньги и творили добро; бедняками не помыкали, не досаждали светскому обществу надменностью или аскетизмом, и вообще город извлекал немалую выгоду из того, что был центром такой важной епархии. И все же кое-кто слушал мистера Слоупа с удовольствием.

Ложечка волнения всегда желанна в скучном течении однообразных будней. Псалмы и *Te Deum* были очень приятны, но все их слышали уже столько раз! Мистер Слоуп, конечно, не был приятен, но он был новинкой, да к тому же весьма умен. И многие барчестерцы объявили, что, по их давнему мнению, город напрасно живет по старинке, отгораживаясь от религиозных перемен в стране. Люди, идущие впереди века, обзавелись теперь новыми идеями, и пора уже Барчестеру опередить век. Возможно, мистер Слоуп и прав. Воскресенье в Барчестере, безусловно, соблюдалось совсем не строго, если не считать соборных служб. Более того – два часа между службами давно уже использовались для утренних визитов и горячих завтраков! А воскресные школы? Конечно, ими следует заняться – школами дня субботнего, как называл их мистер Слоуп. Покойный епископ, бесспорно, мало заботился о воскресных школах. (Рассуждавшие так, возможно, не подумали, что заучивание катехизиса и молитв столь же тяжело для юных умов, как ведение счетных книг для умов зрелых, и первое располагает к благочестию не больше второго.) А что касается церковной музыки и пения, то в пользу точки зрения мистера Слоупа можно сказать многое. Несомненно, люди часто ходят в собор, только чтобы послушать музыку, и т. д. и т. д.

И в Барчестере образовалась партия сторонников точки зрения мистера Слоупа! В высших сословиях она состояла почти исключительно из дам. Мужчина... то есть джентльмен не мог почувствовать симпатии к мистеру Слоупу и сесть у ног столь мерзкого Гамалиила¹⁴. Дамы же порой не так чувствительны к внешним недостаткам: того, кто говорит хорошо, они слушают, как бы уродлив и ужасен ни был рот златоуста. Уилкс¹⁵ был дамским любимцем, и влажный, рыжий, пучеглазый, краснорукий мистер Слоуп властвовал над женскими сердцами.

---

¹⁴ Сесть у ног Гамалиила – выражение, восходящее к речи апостола Павла («Деяния апостолов», XXII, 3): «Я иудеянин... воспитанный в сем городе при ногах Гамалиила». Гамалиил – в переносном смысле «законоучитель».

¹⁵ Уилкс Джон (1727–1797) – английский памфлетист и политический деятель. Имел репутацию чрезвычайно остроумного и обаятельного собеседника. Несмотря на свою безобразную внешность и косоглазие, он пользовался большим успехом у

Однако некоторые приходские священники не решились пренебречь корзинами, в коих хранились ныне хлеба и рыбы Барчестерской епархии. Они, и только они, явились с визитом к мистеру Слоупу после его проповеди в соборе. Среди них был мистер Куиверфул, пуддинг-дейлский священник, супруга которого продолжает из года в год дарить ему все новые залогом своей любви, увеличивая его заботы и – будем надеяться – его счастье. Удивительно ли, что человек с четырнадцатью детьми (не считая умерших во младенчестве) и годовым доходом в четыреста фунтов помышляет о хлебах и рыбах, даже если их раздачей ведаёт мистер Слоуп?

Вскоре после этого достопамятного воскресенья влиятельнейшие священнослужители епархии держали совет, как поставить на место мистера Слоупа. Во-первых, ни в коем случае не допускать его больше на кафедру собора – так начал архидьякон Грантли. Все согласились – но зависит ли это от них? Доктор Грантли объявил, что это зависит только от настоятеля и соборного духовенства, ибо никто, кроме них, не имеет права проповедовать там, исключая лишь самого епископа. Настоятель возразил, что, хотя это и правда, но всякие споры по этому поводу неблагоприятны. Тут щуплый маленький священник, один из соборных пребендариев, заметил, что спорить придется мистеру Слоупу – если, конечно, каждый пребендарий будет готов в свой черед занять место на кафедре. Щуплый пребендарий был хитер! Сам он предпочитал жить в своем уютном доме при соборе, но всегда рад был кольнуть преподобного Виза Стэнхоупа и всех других, кого больше манили итальянские виллы и элегантные резиденции в Лондоне.

Ему ответил дородный канцлер, человек довольно молчаливый, но весьма разумный – у каждого отсутствующего пребендария есть заместитель, и его право читать проповедь в очередь столь же неоспоримо. Настоятель, тяжело вздохнув, согласился с этим. Но, возразил щуплый пребендарий, в таком случае они оказываются во власти младших каноников, а те в любую минуту могут предать их. На что дородный канцлер испустил возглас, похожий на «вздор, вздор!» – возможно, впрочем, этот достойный человек просто отдувался. Но зачем мешать ему? – осведомился мистер Хардинг. Для них не унижительно слушать чьи угодно проповеди, лишь бы доктрина не была ложной, а в этом случае остановить проповедника должен епископ. Так советовал наш друг – и тщетно, ибо человеческие цели достигаются человеческими же средствами. Однако подслеповатые глаза настоятеля узрели тут луч надежды. Надо объяснить епископу, насколько им претит мистер Слоуп: новый епископ, едва надев свою первую митру, конечно, не захочет оскорбить весь клир.

Тогда восстал доктор Грантли и, собрав воедино крупницы мудрости своих собратьев, заговорил властно и убежденно. Указывая, что архидьякон восстал, я имею в виду его дух, ибо телесно он все это время стоял спиной к холодному камину, закинув фалды сюртука на локти. Руки его покоились в карманах брюк.

– Несомненно, нельзя допустить, чтобы этот человек еще раз проповедовал в нашем соборе. Мы все видим это, кроме нашего дорогого друга, добросердечие которого так велико, что у него не хватит духу отказать даже папе римскому, буде тот захочет проповедовать с его кафедры. Нет, этот человек больше не должен проповедовать здесь. И не потому, что его мнение о церковных делах не сходно с нашим – тут он в своем праве. Но потому, что он намеренно оскорбил нас всех. В воскресенье он поднялся на кафедру, замыслив оскорбить людей, которые состарились, почитая все то, о чем он осмеливался говорить презрительно. Как! Является молодой человек, никому не известный, чужой здесь, и заявляет нам от имени епископа, своего владыки, что мы не знаем своих обязанностей, что мы старомодны и никому не нужны! Не знаю, чем больше восхищаться: его смелостью или его наглостью! Но ясно одно: он действовал на свой страх и риск. Епископ имел к его проповеди не больше отношения, чем присутствующий здесь настоятель. Вы все знаете, как мне тяжело, что нашу епархию возглавляет священ-

нослужитель, известный своим свободомыслием. Вы все знаете, какое недоверие внушают мне его взгляды. Но к этому делу он не причастен. Доктор Прауди так долго жил среди истинных джентльменов, что он, я полагаю, не способен ни сам совершить столь возмутительную вещь, ни подстрекнуть на это кого-нибудь другого. Нет, этот человек лгал, намекая, что говорит от имени епископа. Для его честолюбивых замыслов полезно сразу бросить нам всем вызов, нанеся нам удар в стенах нашего любимого собора, там, где мы столько лет совершали наше служение достойно, не запятнав себя ересями. Такие нападки такого противника нестерпимы!

«Нестерпимы!» – простонал настоятель. «Нестерпимы!» – пробормотал щуплый пребендарий. «Нестерпимы!» – подхватил канцлер утробным басом. «Да, конечно», – сказал мистер Хардинг.

– Нестерпимы и ничем не могут быть оправданы, – продолжал архидьякон. – Но, господин настоятель, слава богу, эта кафедра еще наша – ваша, должен был бы я сказать. Эта кафедра принадлежит только настоятелю и духовенству Барчестерского собора, а мистер Слоуп пока еще не имеет к нему никакого отношения. Вы, господин настоятель, предлагаете просить епископа не навязывать нам этого человека, но что, если епископ находится под его влиянием? Я считаю, что все зависит только от нас. Мистер Слоуп может проповедовать в соборе, лишь испросив и получив разрешение, – так пусть же он неизменно получает отказ. Пусть он не будет допускаться к служению в соборе. А если епископ пожелает вмешаться, мы будем знать, что ответить епископу. Высказывалось предположение, что этот человек сумеет пробраться на кафедру, заместив кого-нибудь из младших каноников. Но мы, несомненно, сможем на них положиться, если они будут знать, что настоятель против подобных замен.

– О, безусловно, – сказал канцлер.

Мудрый конклав еще долго вел споры, которые, разумеется, кончились так, как того хотел архидьякон. Они столь давно привыкли к его правлению, что не могли сразу освободиться от этой привычки, а кроме того, все они были настроены против человека, которого он стремился уничтожить.

Такое совещание не могло остаться тайным и скрытым в таком городе, как Барчестер. И о нем не только говорили во всех приличных домах, включая дворец, но речи настоятеля, архидьякона и канцлера даже воспроизводились дословно – со многими добавлениями и украшениями по вкусу рассказчика.

Все, однако, соглашались в том, что мистеру Слоупу больше не позволят открыть рот в Барчестерском соборе; многие считали, что церковным сторожам будет отдан приказ не допускать его на скамьи, а кое-кто из наиболее убежденных сторонников сильных мер заявлял, что его проповедь – достаточный повод для иска и что его привлекут к суду за нарушение тишины и порядка.

Партия его сторонников – восторженно-благочестивые молоденькие дамы и старые девы, жаждущие перемены, – разумеется, тем горячее встала на его защиту. Если им не дадут слушать мистера Слоупа в соборе, они будут слушать его где-нибудь еще; они покинут скучного настоятеля, скучных старых пребендариев и почти столь же скучных, хотя и молодых младших каноников – пусть проповедуют друг другу: они будут вышивать для мистера Слоупа туфли и подушки, сделают из него счастливого мученика и водворят его в какой-нибудь Новый Сион или Новую Вифезду, а собор совсем выйдет из моды.

Епископ с супругой немедленно отбыли в Лондон. Они предпочли избежать объяснений с соборным духовенством касательно проповеди, пока буря не уляжется; но мистер Слоуп, ничуть не обескураженный, остался в Барчестере и рьяно занимался своим делом: льстил тем, кто готов был слушать его лести, нашептывал духовные наставления глупым женщинам, втирался в доверие к немногим принимавшим его священникам, посещал бедняков, наводил справки обо всех, о ком мог, совал нос во все и тщательно выискивал, что еще требует починки в епископском дворце. Но пока больше не делал новых попыток проповедовать в соборе.

Так в Барчестер пришли смута и раздор.

Глава VIII. Бывший смотритель радуется своему ожидаемому возвращению к прежним обязанностям

Среди барчестерских дам, признавших мистера Слоупа своим духовным наставником, не было, разумеется, ни вдовы Болд, ни ее золовки. Когда разразился гнев соборян, эти дамы особенно возмущались чужаком. Иначе и быть не могло. Кто больше любимой дочери регента мог гордиться хором, которым славился собор? Кого могло больше задеть брошенное ему оскорбление? А в подобных делах миссис Болд и ее золовка были единодушны.

Однако затем их гнев несколько улегся, и я должен с прискорбием сообщить, что эти дамы позволили мистеру Слоупу самому быть своим адвокатом. Недели через две после проповеди, когда они обе сидели в гостиной, мальчик-слуга в курточке со множеством пуговиц, распахнув дверь, к их немалому удивлению доложил о мистере Слоупе. На земле не было человека, чей утренний визит мог бы поразить их больше. Заклятый враг всего самого лучшего в Барчестере вот-вот войдет в их гостиную, а у них нет ни сильного защитника, ни бойких язычков, чтобы оборониться от него. Вдова схватила на руки сына, мирно дремавшего в колыбели, а Мери Болд вскочила на ноги, готовая мужественно умереть ради малютки, если такая жертва окажется необходимой.

Так был встречен мистер Слоуп. Но когда он уходил, обе дамы протянули ему ручки и простились с ним, как прощаются с добрыми друзьями. Да, он пожал им руки, и его проводили любезными реверансами, а мальчик в пуговицах распахнул перед ним дверь, словно перед уважаемым каноником. Во время визита он погладил пальчики младенца и истово его благословил; он посетовал о безвременной утрате Элиноর, и тихие слезы вдовы не упрекнули его; он сказал Мери Болд, что ее благочестие не останется без награды, и Мери Болд выслушала эту хвалу без отвращения. Как он добился всего этого? Каким образом превратил антипатию почти в расположение? Как обезоружил их враждебность и столь легко заключил с ними мир?

Читатель, наверное, уже заметил, что мне самому мистер Слоуп не нравится, но я вынужден признать, что он человек ловкий. Он умеет сказать нужное слово в нужном месте, он умеет подобрать лесть по вкусу слушающего, он наделен хитростью змия и умеет ею пользоваться. Если бы мистеру Слоупу было дано приспособляться не только к женщинам, но и к мужчинам, если бы он мог приобрести манеры джентльмена, он пошел бы очень далеко.

Он начал свое знакомство с Элинор похвалой ее отцу. Ему стало известно, сказал он, что, к несчастью, он обидел человека, к которому питает глубочайшее уважение; он не станет теперь говорить о предметах, слишком серьезных для гостиной, но одно он скажет: у него и в мыслях не было бросить хоть малейший упрек человеку, о котором весь мир – весь церковный мир – отзывается с такой хвалой. Мистер Слоуп продолжал в том же духе, беря назад добрую половину своей проповеди, выражая безграничное восхищение музыкальным даром регента, превознося и отца, и дочь, и ее золовку. Говорил он тем бархатным полупшепотом, который специально приберегал для женских ушей, и в конце концов добился своего. Уходя, он выразил надежду, что ему позволят и впредь бывать у них, и хотя Элинор ничего на это не сказала, она и не отклонила его будущих визитов – так за мистером Слоупом было признано право посещать дом вдовы.

На следующий день Элинор рассказала об этом визите отцу и выразила мнение, что мистер Слоуп не так черен, как его малюют. Мистер Хардинг широко открыл глаза, но ничего не сказал: согласиться с похвалой мистеру Слоупу он не мог, а говорить дурно о людях не любил. Однако визит этот ему не понравился: как ни был регент простодушен, он не сомневался, что мистер Слоуп приходил с какой-то задней мыслью, а не ради удовольствия обольщать своим красноречием двух дам.

Впрочем, мистер Хардинг пришел к дочери не для того, чтобы хвалить или порицать мистера Слоупа. Он пришел сказать ей, что в богадельню Хайрема вновь будет назначен смотритель, и, вероятно, он вернется в свой прежний дом и к своим подопечным.

– Но не к прежней роскоши, – заключил он, смеясь.

– Почему же, папа?

– Новый акт парламента, который все упорядочил, ограничивает мое содержание четырьмястами пятьюдесятью фунтами в год.

– Четыреста пятьдесят вместо восьмисот! – воскликнула Элинора. – Да, это немного. Но ведь тебе опять отдадут наш милый старый дом и сад.

– А это важнее денег, милочка, – ответил он; его живой тон и энергичные шажки, которыми он мерил гостиную дочери, говорили об искренней радости. – Это важнее денег. У меня будут дом и сад, и более чем достаточное содержание.

– И тебе не нужно будет заботиться о мотовке дочери. – И, взяв отца за локоть, молодая вдова усадила его на кушетку рядом с собой. – От этого ты будешь избавлен!

– Да, милочка, и мне будет без нее очень одиноко. Но не надо пока думать об этом. Что до денег, то такого содержания мне с избытком хватит. Я вернусь в свой дом... теперь можно и признаться, что жить на квартире не слишком удобно. Квартиры хороши для молодых людей, но в моем возрасте это... не то, чтобы недостойно, но...

– Что ты, папа! Ничего подобного! Никому и в голову это не приходило. Во всем Барчестере никого так не уважают, как тебя, с тех пор как ты поселился на Хай-стрит. Ни настоятеля с его резиденцией, ни архидьякона с пламстедским домом.

– Архидьякон не поблагодарил бы тебя за эти слова, – заметил мистер Хардинг, улыбнувшись тому, что его дочь ограничила свой пример высшими духовными лицами Барчестерской епархии. – Но, во всяком случае, я буду рад вернуться в наш старый дом. С тех пор как я узнал, что это решено, я вообразил, будто мне тесно без моих двух гостиных.

– Так поживи пока у меня, папа. Ну, пожалуйста!

– Спасибо, Нелли. Но не стоит. Это ведь означало бы два переезда. А я буду очень рад вернуться к моим старикам. Но увы! За эти годы шестеро из них скончались. Шестеро из двенадцати. А остальным, как я слышал, живется плохо. Бедняга Банс!

Банс был один из оставшихся в живых обитателей богадельни – девяностолетний старик, верный друг мистера Хардинга.

– Как обрадуется Банс! – воскликнула миссис Болд, радостно захлопав в ладоши. – Как обрадуются они все, когда ты вернешься к ним. И, конечно, они снова будут жить в ладу.

– Однако, – сказал он со смешком, – у меня появятся новые ужасные заботы – двенадцать старушек и экономка. Ну, как я справлюсь с двенадцатью старушками и экономкой?

– Со старушками будет справляться экономка.

– А с экономкой кто? – осведомился он.

– С ней не надо справляться. Вероятно, это будет очень важная дама. Но где она поселится? Не в доме же смотрителя?

– Надеюсь, что нет, милочка.

– Ах, папа! Я не согласна на мачеху-экономку!

– Это тебе не грозит, милочка. То есть в той мере, в какой это будет зависеть от меня. Но для экономки и старушек будут строить новый дом, хотя место для него пока не указано.

– А экономку уже назначили? – спросила Элинора.

– Еще не назначили и смотрителя, – ответил ее отец.

– Но ведь, кажется, известно, кого назначат, – сказала она.

Мистер Хардинг подтвердил это: так сказал архидьякон, объяснив, что епископ и его капеллан не имеют власти назначить кого-нибудь другого, даже если у них будет такое желание и хватит наглости о нем заявить. Архидьякон считал, что теперь, когда дела богадельни

урегулированы парламентским актом, у епископа нет другого выбора, хотя мистер Хардинг и сложил с себя обязанности зрителя без каких-либо условий. Так считал архидьякон, и тесть ему верил.

Доктор Грантли решительно возражал, когда мистер Хардинг решил отказаться от этого места. Он пытался его отговорить. По его мнению, мистеру Хардингу вовсе не следовало обращать внимания на бурю негодования, разразившуюся из-за восьмисот фунтов, которые зритель получал из средств такого благотворительного учреждения; архидьякон даже теперь считал поведение своего тестя малодушным и недостойным. А в уменьшении зрительского содержания он усматривал жалкую уловку правительства, отступившего перед наглыми газетками. Доктор Грантли утверждал, что правительство не имеет никакого права распоряжаться имуществом, завещанным богадельне, и назначать содержание зрителю независимо от его суммы – право это принадлежит только епископу и капитулу. По его мнению, правительство столь же незаконно навязало благотворительному заведению и двенадцать старух – почему в таком случае не двенадцать тысяч? Он пылал негодованием. И забывал, что правительство ничего подобного не делало и не присваивало себе подобных прав. Доктор Грантли совершил обычную ошибку, приписывая правительству, бессильному в делах такого рода, действия парламента, в делах такого рода всемогущего.

И все же, хотя архидьякон был убежден, что эти перемены лишили пост зрителя барчестерской богадельни прежней славы и почета, что вмешательство либералов осквернило это заведение, что уменьшение содержания, старухи и прочие новшества значительно изменили все к худшему, он был достаточно практичен и вовсе не желал, чтобы его тесть, имевший сейчас лишь двести фунтов в год на все свои нужды, отказался от этого поста, пусть даже оскверненного, уже не почетного и поставленного под нежелательный чиновничий контроль.

Итак, мистер Хардинг решил вернуться в свой старый дом при богадельне и, надо признаться, по-детски этому радовался. Уменьшение содержания его нисколько не трогало. Экономка и старухи несколько угнетали его, но он утешился мыслью, что городским беднякам это принесет пользу. Ему была немного неприятна мысль, что его возвращение в богадельню будет как бы милостью нового епископа, которую к тому же придется получить из рук мистера Слоупа, но архидьякон заверил его, что ни о какой милости тут не может быть и речи. Назначение прежнего зрителя все считают само собой разумеющимся. Вот почему мистер Хардинг без колебаний объявил дочери, что вопрос о его возвращении в их старый дом можно считать решенным.

– И тебе не надо будет просить об этом, папа.

– Разумеется, нет, милочка. Не могу же я просить о чем-либо епископа, с которым почти не знаком. И, конечно, я не обращусь к нему с просьбой, исполнение которой, возможно, зависит от мистера Слоупа. Нет! – добавил он с несвойственным ему жаром. – Я буду очень рад вернуться в богадельню, но я не вернусь туда, если об этом мне нужно будет просить мистера Слоупа.

Эта гневная вспышка была неприятна Элиноর. Мистер Слоуп не стал ей симпатичен, но она поверила, что он питает к ее отцу большое уважение, и считала, что их отношения не должны быть враждебными.

– Папа, – сказала она, – мне кажется, ты неверно судишь о мистере Слоупе.

– Неужели? – спокойно спросил он.

– Мне кажется, что да, папа. Я думаю, произнося проповедь, которая так рассердила архидьякона и настоятеля, он вовсе не хотел проявить неуважение к тебе.

– Я, милочка, и не предполагал этого. И не задавался вопросом, хотел он этого или не хотел. Такой пустяк не заслуживал бы внимания, а тем более внимания капитула. Но боюсь, он проявил неуважение к установленному ритуалу англиканской службы.

– Но ведь он мог считать своим долгом открыто выступить против того, что настоятель, и ты, и все мы здесь одобряем?

– Вряд ли долг молодого человека – грубо нападать на религиозные убеждения священнослужителей старше его и возрастом и саном. Простая вежливость, не говоря уж о терпимости и скромности, требовала, чтобы он промолчал.

– Но мистер Слоуп сказал бы, что в подобных делах он не может молчать, не нарушая велений своего Творца.

– И не может быть вежлив?

– Этого он не говорил, папа.

– Поверь, детка, слово божье не требует, чтобы христианские священнослужители оскорбляли убеждения или даже заблуждения своих братьев; и религия, как всякое иное призвание, только выигрывает от вежливости и такта. Как ни грустно, я не нахожу оправданий для проповеди мистера Слоупа. А теперь, милочка, надень-ка шляпку, и мы прогуляемся по саду богадельни. С тех пор как мы оттуда уехали, у меня ни разу не хватило духу даже заглянуть туда. Но теперь – другое дело.

Элинора позвонила, отдала множество распоряжений относительно драгоценного младенца, которого крепя сердце покидала на целый час, и отправилась вместе с отцом посетить богадельню. И для нее, как для него, это была запретная земля с того самого дня, когда они вместе покинули стены своего старого дома.

Глава IX. Семейство Стэнхоуп

Прошло три месяца правления доктора Прауди, и в епархии уже можно заметить перемены, свидетельствующие, во всяком случае, об энергии деятельного ума. Например, отсутствующие священники получили приглашение вернуться, столь недвусмысленное, что уклониться было невозможно. Милейший покойный епископ Грантли был излишне снисходителен в этом вопросе, а архидьякон смотрел сквозь пальцы на отсутствие тех, кто мог сослаться на благовидный предлог и щедро платил своему заместителю.

Больше всех в епархии грешил этим доктор Визи Стэнхоуп. Прошло много лет с тех пор, как он в последний раз исполнял свои обязанности, и причиной тому было лишь его отвращение к ним. Он был соборным пребендарием, владельцем одного из лучших епархиальных домов в городе и священником двух прекраснейших приходов – Крэбтри и Стогпингема. Вернее, не двух, а трех, так как к Стогпингему был присоединен еще приход Эйдердаун. Доктор Стэнхоуп прожил в Италии двенадцать лет. Он отправился туда подлечить ларингит, и хотя с тех пор ларингит его особенно не тревожил, недуг этот позволил ему все эти годы пребывать в безделии.

Его вызвали на родину – отнюдь не грубым приказом, но так, что он не считал возможным игнорировать это приглашение. Ему – по желанию епископа – написал мистер Слоуп. Во-первых, епископ нуждался в неоценимой помощи доктора Визи Стэнхоупа; во-вторых, епископ полагал своим безотлагательнейшим долгом лично познакомиться со всеми виднейшими членами своего капитула; в третьих, епископ, заботясь только об интересах доктора Стэнхоупа, рекомендовал ему хотя бы на время вернуться в Барчестер; а в заключение было сказано, что высшие сановники церкви в настоящее время серьезно заняты вопросом об отсутствующих священнослужителях и доктору Визи Стэнхоупу необходимо подумать о том, что его имя может оказаться в числе тех, которые, вероятно, в ближайшем будущем будут сообщены парламенту.

Неопределенность этой последней угрозы была настолько пугающей, что доктор Стэнхоуп решил провести лето в своей барчестерской резиденции. В его приходских домах жили замещающие его младшие священники, да к тому же он не был уверен, что после такого перерыва сумеет должным образом исполнять свои обязанности. Однако барчестерский дом ждал его, и он полагал, что для него не составит особого труда время от времени читать проповеди в соборе. А посему он со всем семейством прибыл в Барчестер, где мы и представим их читателю.

Главной семейной чертой Стэнхоупов была, пожалуй, бессердечность; но у большинства из них ей сопутствовало добродушие, скрывая ее от глаз света. Они так охотно оказывали услуги ближним, что ближние не замечали, насколько им безразлично чужое счастье и благополучие. Стэнхоупы навестили бы вас на одре болезни (при условии, что она не заразна), принесли бы вам апельсины, французские романы и последние сплетни, а потом с равным спокойствием услышали бы о вашей смерти или выздоровлении. И друг к другу они относились точно так же: терпели и сдерживались – а иногда, как мы увидим, это было очень нелегко, – но тем и исчерпывалась их взаимная любовь. Поистине удивительно, как много был способен сделать (и делал) каждый из них, чтобы испортить жизнь остальным членам семьи.

Ибо их было пятеро, а именно сам доктор Стэнхоуп, миссис Стэнхоуп, две дочери и сын. Глава семьи был наименее примечательным и наиболее почтенным из них всех, хотя его достоинства были лишь негативного свойства. Это был благообразный несколько апоплексического вида джентльмен лет шестидесяти с белоснежными густыми волосами, напоминавшими тончайшую шерсть. Его серебряные бакенбарды отличались необыкновенной пышностью и придавали его лицу сходство с благодушной мордой дремлющего старого льва. Одевался он всегда щегольски. Однако, и прожив в Италии столько лет, он носил одежду лишь темных тонов, как

подобает священнику, хотя в остальном она не слишком напоминала о его сане. Он не был разговорчив, но, говоря мало, говорил хорошо. Читал он только романы и стихи самого легкого и не всегда самого нравственного содержания. Это был законченный бонвиван – большой знаток вин, хотя пил он умеренно, и суровейший судья во всех вопросах кулинарного искусства. Ему приходилось многое извинять своей жене, а позже и детям, и он извинял все, кроме пренебрежения к его обеду. Со временем они научились уважать эту слабость, и теперь терпение доктора Стэнхоупа редко подвергалось испытанию. Он был священником, но из этого не следует делать вывод, будто религиозные убеждения играли большую роль в его жизни. Вероятно, религиозные убеждения у него были, но он редко кому-нибудь их навязывал, даже своим детям. Эта сдержанность была непреднамеренной, но постоянной. Не то, чтобы он заранее решил никак не влиять на их образ мыслей, но, будучи ленив, откладывал это до тех пор, пока не стало уже поздно. И каковы бы ни были убеждения отца, дети, во всяком случае, были не слишком ревностными членами церкви, которая давала ему средства к существованию.

Таков был доктор Стэнхоуп. Миссис Стэнхоуп была даже еще более бесцветной, чем ее супруг и повелитель. *Far niente*¹⁶ итальянской жизни вошло в ее кровь, и состояние безделья стало для нее высшим земным благом. Она обладала прекрасными манерами и внешностью. В свое время она слыла красавицей и даже теперь, в пятьдесят пять лет, была красива. Одевалась она безупречно; правда, лишь один раз в день, выходя из своих комнат не раньше начала четвертого, но зато являясь тогда в полном блеске. Принимала ли она участие в своем туалете или им занималась только горничная – это предмет слишком высокий, чтобы автору подобало высказывать хотя бы догадку. Она всегда была хорошо одета, но не разодета; ее наряд был великолепен, но не пышен; она носила редкостные драгоценности, невольно притягивавшие взоры, но словно не замечала этого их свойства. Она в совершенстве умела украсить себя, но не снисходила до того, чтобы совершенствовать украшения. Впрочем, сказав, что миссис Стэнхоуп умела одеваться и пускала в ход свое умение ежедневно, мы сказали все. Иного стремления в жизни у нее не было. Зато она не препятствовала чужим стремлениям. В молодости обеды супруга были для нее тяжким испытанием, но последние десять – двенадцать лет эту заботу взяла на себя ее старшая дочь Шарлотта, и миссис Стэнхоуп могла отдохнуть от трудов праведных; однако тут – о, ужас! – их вынудили вернуться в Англию. А это был поистине невыносимый труд. Не так-то просто перебраться с берегов Комо в Барчестер, даже если все хлопоты и достались другим. После переезда миссис Стэнхоуп пришлось обуздить все свои платья.

Шарлотте Стэнхоуп в описываемое время было лет тридцать пять, но ее недостатки, каковы бы они ни были, не походили на те, которые преимущественно отличают пожилых барышень. Одевалась, говорила и выглядела она так, как положено в ее годы. Ее возраст, по видимому, не был ей в тягость, и она ничуть не молодилась. Это была превосходная молодая женщина, а родись она мужчиной, из нее вышел бы еще более превосходный молодой человек. Все, что необходимо было делать в доме и чего не делали слуги, делала она. Она отдавала распоряжения, оплачивала счета, нанимала и увольняла прислугу, заваривала чай, резала жаркое и вела все хозяйство. Одна она умела заставить отца заняться делами. Одна она умела обузды-вать экстравагантность сестры. Одна она спасала семью от нищеты и позора. И это по ее совету они теперь к большому своему неудовольствию оказались в Барчестере.

Все это скорее делает честь Шарлотте Стэнхоуп. Но остается добавить, что влияние, которое она имела на своих родных, хотя и способствовало в какой-то мере их житейскому благополучию, отнюдь не было истинно полезным для них. Она поддерживала равнодушие отца к его профессиональным обязанностям, внушая ему, что его приходы – такая же его личная ответственность, как родовые поместья, – собственность его старшего брата, достойнейшего пэра. И из года в год противилась не слишком настойчивому желанию доктора Стэнхоупа вернуться

¹⁶ Безделье (*ит.*).

в Англию. Она поощряла материнскую лень, желая быть единственной хозяйкой в доме. Она потакала и способствовала легкомыслию сестры, хотя всегда была готова оградить ее от последствий этого легкомыслия, что ей чаще всего и удавалось. Она старательно баловала брата и весьма успешно сделала из него великовозрастного бездельника без профессии и без гроша за душой.

Мисс Стэнхоуп была умна и могла разговаривать почти на любую тему, какова бы эта тема ни была. Она гордилась тем, что ей чужда английская чопорность – и, следовало бы добавить, женская деликатность. В религиозных вопросах она отличалась свободомыслием и любила с черствым равнодушием смущать отца, излагая ему свои взгляды. Она с удовольствием истребила бы в нем остатки приверженности к англиканской вере, но вовсе не хотела, чтобы он отказался от сана. Как можно, если у него нет иных источников дохода?

Нам остается описать двух наиболее незаурядных членов этой семьи. Вторую дочь звали Маделиной, и она была замечательной красавицей. Хотя несчастный случай сделал Маделину калекой, в описываемое время ее красота достигла наивысшего расцвета. Нам незачем подробно рассказывать историю юности Маделины Стэнхоуп. Когда они уехали в Италию, ей было всего семнадцать лет, но она беспрепятственно блистала действительно несравненной красотой в гостиных Милана и множества вилл по берегам Комо. Она прославилась приключениями, которые только-только не погубили ее репутацию, и разбила сердца десятка поклонников, свое сохранив в целости. Ее чары не раз бывали причиной кровавых поединков, и она узнавала об этих дуэлях с приятным волнением. Поговаривали, что однажды она, переодетая пажом, присутствовала при гибели своего возлюбленного.

И, как часто бывает, она вышла замуж за наихудшего из всех претендентов на ее руку. Почему она выбрала Пауло Нерони, человека темного происхождения и без состояния, всего лишь капитана папской гвардии, не то просто авантюриста, не то шпиона, жестокого по натуре, с вкрадчивыми слащавыми манерами, смуглого до уродства и отъявленного лжеца, объяснять не стоит. Возможно, тогда у нее не было иного выхода. Во всяком случае, он женился на ней; и после длительного медового месяца среди озер они вместе отправились в Рим, так как капитану папской гвардии, несмотря на все усилия, не удалось уговорить супругу расстаться с ним.

Шесть месяцев спустя она вернулась к отцу калекой и матерью. Она приехала неожиданно, чуть ли не в лохмотьях и без единой драгоценности, полученной в приданое. Младенца несла бедная девушка, нанятая в Милане вместо римской горничной, которая, по словам ее госпожи, стосковалась по дому и взяла расчет. Было ясно, что супруга капитана папской гвардии твердо решила не привозить в дом отца свидетелей своей римской жизни.

Она объяснила, что, осматривая античные развалины, упала и роковым образом повредила коленное сухожилие – настолько, что стоя казалась теперь на восемь дюймов ниже ростом, и ходила лишь с большим трудом, ковыляя, выворачивая бедро и вытягивая ступню, точно кривобокая горбунья. Поэтому она твердо решила никогда больше не стоять и не ходить.

Вскоре распространились слухи, что Нерони обращался с ней весьма жестоко и что это он ее искалечил. Как бы то ни было, сама она о муже не говорила; однако ее близкие поняли, что синьора Нерони они больше никогда не увидят. Разумеется, злополучная красавица была принята обратно в лоно отчей семьи, и ее малютка дочь нашла приют под ветвями семейного древа. Стэнхоупы были бессердечны, но не эгоистичны. Мать и малютку окружили нежными заботами, на время они стали предметом обожания, а затем родители начали тяготиться их присутствием в доме. Но они остались там, и красавица продолжала вести образ жизни, который, казалось бы, не слишком подходил дочери священника англиканской церкви.

Хотя госпожа Нерони уже не могла вращаться в свете, она вовсе не собиралась отказываться от этого света. Красота ее лица осталась прежней, а красота эта была особого рода. Ее пышные каштановые волосы были уложены в греческую прическу, полностью открывающую лоб и щеки. Лоб, хотя довольно низкий, был очень красив благодаря изяществу очертаний и

лилейной белоснежности. Глаза у нее были большие, миндалевидные и сверкающие; чтобы дать представление о глубине и силе их блеска, мне следовало бы сказать – сверкающие, как у Люцифера, осмелюсь я на такое сравнение. Это были грозные глаза, которые отпугнули бы всякого спокойного и тихого человека. В них светился ум, пылал огонь страсти, искрилось веселье, но в них не было любви, а только жестокость, упорство, жажда властвовать, коварство и злокозненность. И все же это были удивительно красивые глаза. Долгий пристальный взгляд из-под этих длинных безупречных ресниц завораживал поклонника, хотя и внушал робость. Она была василиском, от которого не мог спастись никакой человек, влюбленный в красоту. Ее нос, рот, зубы, подбородок, шея и грудь были само совершенство – в свои двадцать восемь лет она казалась еще прекраснее, чем в восемнадцать. Неудивительно, что столь чарующее лицо и изуродованная фигура внушили ей желание показываться на людях, но показываться лишь полулежа на кушетке.

Осуществить это желание было не просто. Но она по-прежнему посещала миланскую оперу, а иногда и аристократические гостиные. Из кареты ее выносили на руках так, чтобы ни на йоту не умалить ее красоты, не помять платья и не обнаружить ее уродства. Ее обязательно сопровождали сестра, горничная и лакей, а в торжественных случаях и два. Только так могла быть осуществлена ее цель – и, несмотря на свою бедность, она сумела добиться ее осуществления. И вновь золотая молодежь Милана зачастила на виллу Стэнхоупов, проводя часы у кушетки Маделины к не слишком большому удовольствию ее отца. Порой его терпение иссякало, щеки наливались темным румянцем и он восставал, но Шарлотта успокаивала отчий гнев с помощью какого-либо кулинарного шедевра, и некоторое время все снова шло гладко.

Маделина украшала свою комнату и свою особу со всем возможным изяществом и пышностью. Об этом свидетельствовали даже ее визитные карточки. Казалось бы, они не были ей нужны, так как об утренних визитах не могло быть и речи, но она придерживалась иного мнения. Окаймленные широкой золотой полосой, три печатные строки гласили:

«ЛА СИНЬОРА МАДЕЛИНА
ВИЗИ НЕРОНИ,
НАТА¹⁷ СТЭНХОУП».

Над фамилией по ее указанию была помещена золотая корона, которая, безусловно, выглядела очень внушительно. Каким образом она состряпала себе подобное имя, объяснить нелегко. Ее отец был наречен Визи, как мог быть наречен Томасом, и она не имела на это имя ни малейшего права – с таким же успехом дочь Джозии Джонса, выйдя замуж за Смита, могла бы именовать себя миссис Джозия Смит. Столь же неуместной и даже еще более неуместной была и золотая корона. Пауло Нерони не состоял ни в малейшем родстве даже с итальянской аристократией. Если бы эта парочка познакомилась в Англии, Нерони там, вероятно, был бы графом, но в Италии подобные претензии поставили бы его в смешное положение. Однако корона – изящное украшение, и если бедной калеке было приятно видеть ее на своей карточке, у кого хватило бы духу отказать ей в этом?

О своем муже и его семье она никогда не упоминала, хотя в беседах с поклонниками часто роняла таинственные намеки, касавшиеся ее замужества и нынешнего одиночества, или, указывая на свою дочь, называла ее последним отпрыском императоров, выводя таким образом род Нерони от старинной римской семьи, к которой принадлежали худшие из цезарей.

«Ла синьора» была не лишена литературного таланта и прилежания; она неумоимо писала письма, и ее письма вполне стоили цены марки и конверта, столько в них было остроумия, шаловливости, сарказма, любви, философии, свободомыслия, а иногда, увы, и вольных шуток. Тема их, однако, зависела от адресата, а она готова была вести переписку с кем

¹⁷ Урожденная (лат.).

угодно, кроме благовоспитанных молодых девиц и чопорных старух. Кроме того, она пописывала стишки – чаще всего по-итальянски, и романтические новеллы – чаще всего по-французски. Она читала все, что попадалось ей под руку, и недурно владела многими живыми языками. Такова была дама, явившаяся теперь покорять сердца барчестерских мужчин.

Этельберт Стэнхоуп обладал некоторым сходством со своей младшей сестрой, но несколько уступал ей в экстравагантности. Главный его недостаток сводился к тому, что, будучи сыном человека без состояния, он не желал зарабатывать свой хлеб. И принудить его к этому не удавалось никак – ленив он не был, но хотел заниматься только тем, чем хотел заниматься. Он учился в Итоне, и его предназначали в священники, но после первого же семестра в Кембридже он с отвращением его покинул и известил отца о своем намерении заняться юриспруденцией. Предварительно, по его мнению, ему следовало поучиться в каком-нибудь немецком университете, и он уехал в Лейпциг. Там он пробыл два года и вывез оттуда некоторые познания в немецком языке, а также вкус к изящным искусствам. Однако он все еще намеревался стать юристом и провел сезон в Лондоне под эгидой ученого законоведа. Тут он обнаружил, что его призвание – искусство, и решил стать художником. Поэтому он вернулся в Милан, где его снарядили для жизни в Риме. Он действительно мог бы стать неплохим художником – для этого ему не хватало только трудолюбия, но в Риме его увлекло другое: вскоре он написал домой, прося денег и сообщая, что перешел в лоно истинной церкви, что теперь он послушник иезуитов и отбывает вместе с другими миссионерами в Палестину обращать евреев. Он и в самом деле отправился в Иудею, но обратить евреев ему не удалось – зато они его обратили. Этельберт вновь написал домой и сообщил, что законы Моисея – единственно совершенные, что приход истинного мессии близок и что он познакомился с одним из членов семьи Сидония, замечательным мудрецом, который едет в Европу и которого он уговорил отклониться от намеченного маршрута, дабы посетить виллу Стэнхоупов. Затем Этельберт выразил надежду, что его мать и сестры не останутся глухи к гласу столь удивительного пророка. Отца он об этом не просил, понимая, что его обращение чревато нежелательными финансовыми последствиями. Ведь сей Сидония¹⁸, в отличие от другого члена своей семьи, некогда обласкавшего юного английского вельможу, не одарил Этельберта грудой золота величиной с соломоново льва, а потому обывудевшийся Этельберт был вынужден по-прежнему жить на доходы христианской церкви.

Нет нужды рассказывать ни о том, как его отец клялся, что не вышлет ему больше ни гроша и не впустит в свой дом никаких еврейских пророков, ни о том, как Шарлотта объявила, что Этельберта нельзя оставить в Иерусалиме без денег, ни о том, как «ла синьора Нерони» твердо решила увидеть Сидонию у своих ног. Деньги были высланы, а пророк приехал, но он был не во вкусе «ла синьоры». Он оказался не слишком чистоплотным старикашкой, который, хотя и не одарил Этельберта золотыми львами, все же помог ему в час нужды. А потому он покинул виллу, только получив от доктора Стэнхоупа чек на его лондонский банк.

Этельберт недолго пребывал иудеем. Он скоро вернулся на виллу без каких-либо определенных взглядов относительно своей религии, но с твердым намерением прославиться и разбогатеть в качестве скульптора. Он привез с собой несколько фигур, которые вылепил в Риме, – и они казались настолько обнадеживающими, что отцу пришлось снова раскошелиться для поддержания этих надежд. Этельберт открыл мастерскую, а вернее, снял квартиру и студию в Карраре, где перевел огромное количество мрамора и изваял две-три хорошенькие вещицы. Было это за четыре года до описываемых событий, и с тех пор он жил то в Карраре, то на вилле,

---

¹⁸ Сидония – персонаж романов Дизраэли (1804–1881) «Конингсби» и «Танкред». Необыкновенно богатый, благородный, образованный и загадочный человек, происходящий из древнего еврейского рода. Он дает отправляющемуся в Палестину молодому аристократу письмо к иерусалимскому банкиру, в котором просит открыть тому кредит: «Если юному подателю сего понадобится деньги, дай ему золота столько, сколько пошло на изготовление правого льва на первой ступени трона Соломонова».

причем число дней, проводимых в мастерской, все уменьшалось, а число дней, проводимых на вилле, все увеличивалось. Что, впрочем, и понятно: Каррара не то место, где может жить англичанин.

Когда семья собралась в Англию, он не пожелал оставаться в одиночестве и с помощью старшей сестры настоял на своем вопреки желанию отца. Он должен поехать в Англию, чтобы получить заказы, объявил он. Иначе что толку от его профессии?

Внешность Этельберта Стэнхоупа была весьма оригинальна. Он, бесспорно, был очень красив. У него были глаза его сестры Маделины, но без их пронзительности и жестокого коварства. И синева их была гораздо светлее, – благодаря одной этой прозрачной голубизне его лицо уже могло бы запомниться надолго. Голубые глаза Этельберта – вот первое, что вы видели, входя в комнату, где он находился, и последнее, что изглаживалось из вашей памяти после ухода. Его светлые шелковистые волосы ниспадали ему на плечи, а борода, выращенная в Святой земле, была поистине патриаршей. Он никогда ее не брил и подстригал лишь изредка. Она была мягкой, пушистой, опрятной и внушительной. Многие дамы, наверное, с удовольствием смотали бы ее в клубок вместо светлого шелка для рукоделия. Цвет лица у него был свежий и розовый, он был невысок, худощав, но хорошо сложен и обладал мелодичным голосом.

Его манеры и одежда были столь же примечательны. Он не страдал *mauvais honte*¹⁹, свойственной его соотечественникам, и был предупредительно любезен с людьми совершенно ему не знакомыми. Он мог заговорить не только с мужчиной, но и с дамой, которой не был представлен, и это неизменно сходило ему с рук. Костюм его описать невозможно, так как он постоянно менялся, но во всяком случае его одежда и цветом и покроем всегда разительно отличалась от одежды тех, кто его окружал.

Он напропалую волочился за дамами, и совесть несколько его не беспокоила, так как ему и в голову не приходило, что в этом есть что-то неблагоприятное. У него самого сердца не было, и он вообще не знал, что человечество поражено подобным недугом. Он над этим никогда не задумывался, но если бы его спросили, он сказал бы, что разбить сердце женщины – значит скомпрометировать ее. Поэтому он никогда не ухаживал за девицей, если думал, что среди присутствующих есть человек, который намерен сделать ей предложение. Таким образом доброжелательность порой мешала его развлечениям, вообще же он был готов признаваться в любви любой женщине, которая ему нравилась.

Тем не менее Берти Стэнхоуп, как его обычно называли, был всеобщим любимцем – мужчин и дам, англичан и итальянцев. Круг его знакомств был чрезвычайно широк и включал людей всех сословий. Он не питал почтения к знатности и не гнушался простонародьем. Он был на равной ноге с английскими пэрами, немецкими лавочниками и католическими прелатами. Все люди казались ему одинаковыми. Он был выше, а вернее, ниже предрассудков. Добродетели не влекли его, пороки не отталкивали. Он обладал прирожденными манерами, приличными для самых высоких сфер, но и в самых низких не казался чужим. У него не было ни принципов, ни уважения к другим людям, ни самоуважения – он хотел только одного: быть трутнем и получать мед даром. Пожалуй, мы не ошибемся, предсказав, что на склоне лет меда ему будет доставаться немного.

Таково было семейство Стэнхоуп, которое теперь вновь пополнило собой ряды барчестерского духовенства. Более странный союз трудно себе представить. А ведь они явились сюда не безвестными чужаками. В таком случае их присоединение к сторонникам Прауди или к сторонникам Грантли было бы вопросом будущего. Но дело обстояло иначе: в Барчестере все знали Стэнхоупов хотя бы по фамилии, и Барчестер готовился встретить их с распростертыми объятиями. Ведь доктор был здешним пребендарием, здешним священником, одним из столпов епархии, и оба враждующих стана рассчитывали найти в нем союзника.

¹⁹ Застенчивость (*фр.*).

Глава семьи был братом пэра, его жена – сестрой другого пэра, и оба эти пэра были лордами либерального толка, единомышленниками нового епископа. А потому мистер Слоуп твердо рассчитывал завербовать доктора Стэнхоупа в свою партию, опередив врага. С другой стороны, старик настоятель в те далекие дни, когда преподобный Визи Стэнхоуп еще трудился на духовной ниве, помог ему получить прекрасный приход, а в еще более далекие дни молодые студенты Стэнхоуп и Грантли дружили в Оксфорде. А посему доктор Грантли не сомневался, что новоприбывший поспешит встать под его знамя.

И никто даже не подозревал, из каких составных частей слагалось теперь семейство Стэнхоуп.

Глава X. Прием у миссис Прауди. Начало

В первый свой приезд епископ и его жена провели в Барчестере лишь четыре дня. Его преосвященство, как мы видели, воссел на троне, но благолепная величавость, которую он надеялся придать себе в этот час, претерпела значительный ущерб из-за дерзкой проповеди его капеллана. Он боялся взглянуть в лицо клиру и строгой миной подтвердить свое согласие с тем, что его фактотум говорил от его имени; не осмеливался он и предать мистера Слоупа, показав собравшимся в соборе, что он не имеет к проповеди никакого отношения и даже возмущен ею.

Поэтому он торопливо благословил прихожан и, недовольный собой, удалился во дворец, еще не зная, что сказать капеллану. Однако он недолго пребывал в сомнении. Едва он снял мантию, как в кабинет вошла подруга всех его трудов и воскликнула, не успев еще сесть:

– Епископ, ты когда-нибудь слышал более возвышенную, вдохновенную и уместную проповедь?

– Э... гм, душенька, гм... э, – отозвался епископ.

– Неужели, милорд, она вам не понравилась?

Выражение лица энергичной дамы не допускало подобной мысли. Епископ чувствовал, что выразить свое неодобрение он должен теперь или никогда, но о теперь не могло быть и речи. У него не хватало духа объявить своей половине, что проповедь мистера Слоупа была дерзкой, несвоевременной и опасной.

– Нет, нет, – ответил он. – Не то чтобы не понравилась... весьма умная проповедь, исполненная лучших намерений и, наверное, принесет большую пользу, – поспешил добавить епископ, заметив, что миссис Прауди не удовлетворена началом фразы.

– Надеюсь! – изрекла она. – И поделом им! Епископ, ты слышал что-нибудь более светское, чем литания, как ее поет мистер Хардинг? Я настаю, чтобы мистер Слоуп произносил такие проповеди, пока все это не изменится. В нашем соборе утренняя служба будет приличной, благочестивой и скромной. Без оперных арий. – И она позвонила, чтобы подали завтрак.

Епископ знал о соборах, настоятелях, регентах и церковных службах гораздо больше своей жены, а также и о пределах епископской власти. Но тем не менее он счел за благо промолчать.

– Душенька, – сказал он только. – Во вторник нам следует вернуться в Лондон. Мое пребывание здесь помешает миссии, возложенной на меня правительством.

Епископ знал, что его жена не станет возражать против этого, и рассчитывал, что за время его отсутствия бой поутихнет.

– Но мистер Слоуп, конечно, останется здесь?

– О, конечно, – ответил епископ.

Так, не пробыв во дворце и недели, епископ сбежал из Барчестера и вернулся туда лишь через два месяца, когда кончился лондонский сезон. Все это время мистер Слоуп не сидел сложа руки, хотя в соборе больше не проповедовал. В ответ на настойчивые письма миссис Прауди, рекомендовавшей ему целый ряд тем для новых проповедей, он объяснял, что ждет ее возвращения.

Сам он пока укреплял партию Прауди – Слоупа, а вернее Слоупа – Прауди, и усилия его не были тщетны. В дела собора он не вмешивался и только досаждал настоятелю и пребендариям, объявляя о тех или иных пожеланиях епископа так, чтобы подразнить их, но не дать им повода для открытого возмущения. Раза два он проповедовал в церквах на окраине города, но о службе в соборе в своих проповедях не упоминал. Он приступил к созданию двух «Епископских школ дня господня в Барчестере», возвестил об учреждении «Епископского лекционного зала для молодых людей по вечерам дня господня в Барчестере» и написал несколько

писем управляющему барчестерской железнодорожной веткой, сообщая, что епископ считает совершенно необходимой отмену всех воскресных поездов.

Через два месяца епископ с супругой наконец возвратились в Барчестер и ознаменовали это радостное событие обещанием дать званый вечер. Пригласительные билеты прибыли из Лондона по мерзкой, не блюдущей дня господнего железной дороге в огромном пакете на имя мистера Слоупа. Были приглашены все, кто в Барчестере и на две мили вокруг считал себя джентльменом (или леди). Билеты получили все духовные лица епархии, а также многие другие, на чье отсутствие епископ и, во всяком случае, его жена твердо рассчитывали. Впрочем, и присутствующих приглашенных ожидалось немало и велись приготовления к приему нескольких сотен гостей.

Среди грантлиан возникло замешательство – принимать или не принимать епископское приглашение? В первую минуту каждый из них был склонен сухо отклонить его и от собственного имени, и от имени жены и дочерей. Но потом благоразумие возобладало над гневом. Архидьякон понял, что сделает ложный шаг, если даст епископу справедливый повод рассердиться на соборное духовенство. Конклав вновь собрался и постановил принять приглашение. Они покажут, что уважают сан, хотя носящий его человек им и не нравится. Они пойдут! Старик настоятель приковыляет туда хотя бы на полчаса. Канцлер, казначей, архидьякон, пребендарии и младшие каноники – все пойдут и возьмут с собой жен. Мистер Хардинг уступил настоятельным просьбам, но решил держаться от миссис Прауди как можно дальше. И миссис Болд сказала, что тоже пойдет, хотя отец и заверил ее, что ей вовсе не обязательно приносить такую жертву. Но ни Элинора, ни Мери Болд не понимали, почему им не следует быть там, где будет весь Барчестер. Разве каждая не получила отдельного приглашения и по отдельной почтительнейшей записке капеллана, приложенной к огромной епископской карточке?

И Стэнхоупы решили быть там – все до единого. Даже летаргичная мать семейства согласилась сделать над собой усилие ради подобного случая. Они только что приехали в Барчестер, но приглашение уже ждало их. Это будет прекрасный случай показаться сразу всему барчестерскому свету. Кое-кто из старинных друзей – например, архидьякон с женой – успел сделать им визит, но гостей принимал только сам преподобный Стэнхоуп и его старшая дочь. Elite²⁰ семьи еще никто не видел.

Доктор Стэнхоуп с удовольствием помешал бы синьоре принять приглашение епископа, но она была твердо намерена поехать. Если отец стыдился, что его дочь внесут в епископский дворец на руках, то ее это нисколько не смущало.

– Нет, я поеду! – отрезала она, когда сестра мягко попыталась отговорить ее, заметив, что все общество там будет состоять только из сельских попов и их жен. – Сельские попы – тоже мужчины, если снять с них черные сюртуки, а их жены мне не мешают. Скажи папе, что я поеду непременно!

Папе это было сказано, и он почувствовал, что ему остается только подчиниться. Он почувствовал также, что ему уже поздно стыдиться своих детей. Какими бы они ни были, они стали такими под его надзором: что посеешь, то и пожнешь, как аукнется, так и откликнется. Собственно, он не утешал себя пословицами, но ход его мыслей был именно таков. Он не хотел видеть Маделину среди гостей епископа не потому, что она была калекой, а потому, что хорошо знал, как она будет кокетничать и какое неблагоприятное впечатление произведет на благовоспитанных английских дам. В Италии это его раздражало, но не шокировало. Там его дети никого не шокировали. Но ему было стыдно показать их здесь, в Барчестере, своим духовным собратям. Однако он отогнал эти мысли. Ну и пусть его духовные собратья будут шокированы! Они не смогут отобрать у него приходы за то, что у его замужней дочери вольные манеры!

---

²⁰ Избранная часть (фр.).

Но ла синьора Нерони не опасалась, что может кого-то шокировать. Она была намерена произвести фурор и увидеть всех этих попов у своих ног, раз уж в Барчестере нет других мужчин – пусть их супруги вернутся домой, позеленев от ревности. Она не пощадит ни старость, ни тем более юность, ни святость сана, ни житейскую мудрость. Она была готова поймать в свои сети хоть самого епископа и облить презрением его жену. В успехе она не сомневалась, ибо никогда не терпела поражений, но одно было абсолютно необходимо: она должна получить в свое распоряжение целую кушетку.

Приглашение доктору и миссис Стэнхоуп с семейством прибыло в конверте с фамилией мистера Слоупа. Синьора скоро узнала, что миссис Прауди отсутствует и во дворце всем правит капеллан. Это было для нее гораздо удобнее, и она написала ему изящное письмо. В пяти строчках она объяснила все, сослалась на естественнейшее желание познакомиться с такими особами, как епископ Барчестерский и его супруга, а также мистер Слоуп, описала свое горестное положение и в заключение выразила надежду, что миссис Прауди снизойдет к ее беде и позволит ей лежать в гостиной на кушетке. В конверт она вложила одну из своих великолепных визитных карточек. Мистер Слоуп ответил ей столь же любезно: в зале у самой площадки парадной лестницы ее будет ждать кушетка, предназначенная только для нее.

И вот настал знаменательный день. Епископ с женой прибыли из Лондона лишь за несколько часов до начала приема, как и подобает столь высоким особам, но мистер Слоуп трудился дни и ночи напролет, чтобы все было сделано как надо. Забот у него хватало. Последний раз гостей во дворце принимали бог знает когда. Потребовалась новая мебель, новые кастрюли и сковородки, новые чашки и блюда, тарелки и блюда. Миссис Прауди заявила было, что не снизойдет до такой вульгарности, как угощение, однако мистер Слоуп отговорил, а вернее, отписал ее от столь экономного намерения. Епископы да будут гостеприимцами, а какое же гостеприимство без угощения? В конце концов она изъявила согласие на ужин, но с условием, чтобы гости ели стоя.

На втором этаже располагались четыре смежные комнаты, которые теперь стали гостинными, залой и будуаром миссис Прауди. В былые дни одна из них служила епископу Грантли спальней, а вторая – гостиной и кабинетом. Новый епископ, однако, был выдворен в малую гостиную на первом этаже с разрешением принимать своих подначальных в столовой, если они вдруг явятся в таком количестве, что не смогут поместиться в небольшой комнате. Он попытался возражать, но после короткого спора согласился.

Сердце миссис Прауди гордо билось, когда она обозревала свои апартаменты. Они и правда были великолепны – во всяком случае, при свечах, – хотя и отделаны с похвальной бережливостью. Большие комнаты, полные людей и света, всегда выглядят импозантно, потому что они большие, а также полны людей и света. Дорогие украшения и мебель нужны для маленьких комнат. Миссис Прауди знала это, и по ее приказанию в каждой комнате повесили по огромной газовой люстре с дюжиной рожков.

Гостей ожидали к десяти, ужин должен был продлиться с двенадцати до часа, а к половине второго всем предстояло разойтись. Кареты подъезжают со стороны городских ворот, а уезжают через наружные. Разъезд начнется без четверти час. Все устроено превосходно, а мистер Слоуп – бесценный человек!

В половине десятого епископ, его супруга и три дочери торжественно вступили в залу. Мистер Слоуп отдавал внизу последние распоряжения касательно вина. Он прекрасно понимал, что деревенским священникам и прочей мелкой сошке необязательно подавать то же, что соборной аристократии. В подобных вещах существует полезная градация, и на крайние столы можно поставить марсалу по двадцать шиллингов дюжина.

– Епископ! – сказала супруга, когда его преосвященство сел. – Не садись на эту кушетку, она приготовлена для одной дамы!

Епископ вскочил и опустил на плетеный стул.

– Для одной дамы? – осведомился он кротко. – Ты имеешь в виду какую-то определенную даму, душенька?

– Да, епископ, одну определенную даму, – ответила супруга, не снисходя до объяснений.

– У нее нет ног, папа, – хихикнув, сказала младшая дочь.

– Нет ног! – воскликнул епископ, вытаращив глаза.

– Вздор, Нетта! Не говори глупостей, – вмешалась Оливия. – Ноги у нее есть, но они отнялись. Она всегда лежит, а когда выезжает, ее несут четыре лакея.

– Как странно! – заметила Огеста. – Мне бы не понравилось, если бы меня всегда носили четыре лакея! Мама, у меня сзади все в порядке? По-моему, шнуровка распустилась. – И она повернулась спиной к обеспокоенной родительнице.

– Еще бы! – сказала та. – И завязки нижней юбки выбились на целый ярд. Не понимаю, зачем я столько плачу миссис Ричардс, если она не желает хотя бы посмотреть, пристойный ли у вас вид! – И миссис Прауди подтянула шнуровку, оправила оборку, дернула дочь, встряхнула ее и объявила, что все в порядке.

– Но все-таки, – сказал епископ, умиравший от желания узнать что-нибудь про таинственную даму и ее ноги, – для кого эта кушетка? Как ее зовут, Нетта?

Громовой стук в парадную дверь прервал его. Миссис Прауди встала, слегка встряхнулась и, глядя в зеркало, подергала чепец. Девицы, поднявшись на цыпочки, поправили банты на груди, а мистер Слоуп кинулся наверх, перепрыгивая через три ступеньки.

– Но кто же это, Нетта? – шепнул епископ младшей дочери.

– Ла синьора Маделина Визи Нерони, – шепнула та в ответ. – И не позволяй никому другому садиться на эту кушетку.

– Ла синьора Маделина Висинирони! – пробормотал ошеломленный прелат. Если бы ему сказали, что кушетка предназначена для бегумы Ауда или королевы Западных островов Помарэ, он удивился бы меньше. Ла синьора Маделина Висинирони, которая за неимением ног предупредила, чтобы ей приготовили кушетку в его гостиной! Да кто же она? Но он не успел ничего узнать, ибо тут доложили о докторе и миссис Стэнхоуп. Их отправили из дома загодя, чтобы синьора могла спокойно и не торопясь погрузиться в карету.

Епископ любезно улыбался супруге пребендария, а супруга епископа любезно улыбалась пребендарию. Им представили мистера Слоупа, который был в восторге познакомиться с человеком, о котором столько слышал. Доктор Стэнхоуп учтиво поклонился, но с некоторым недоумением, ибо о мистере Слоупе ничего не слышал. Впрочем, несмотря на свое долгое пребывание за границей, он еще был способен сразу узнать английского джентльмена.

Затем гость пошел косяками: мистер и миссис Куиверфул и их три старшие дочери; мистер и миссис Чэдуик и их три дочери; дородный канцлер, его жена и сын – оксфордский богослов. Щуплый пребендарий без какой-либо обузы; мистер Хардинг с Элинор и мисс Болд; настоятель, опирающийся на руку костлявой старой девы, единственного своего дитяти и весьма ученого знатока камней, папоротников, садовых растений и паразитов, автора книги о лепестках. Мисс Трефойл была по-своему замечательной женщиной. Затем явился с женой мистер Финни, стряпчий, к большому смущению тех, кто не привык видеть его в гостиных. Явились все пять барчестерских врачей и старик Скалпен, удалившийся от дел аптекарь и зубодер, которого карточка епископа впервые навела на мысль, что и он принадлежит к высшему сословию. Затем вошел архидьякон с женой и старшей дочерью Гризельдой, тоненькой бледной девушкой лет семнадцати, которая застенчиво жалась к матери и смотрела на мир спокойными внимательными глазами – со временем она обещала стать настоящей красавицей.

Комнаты заполнились, образовались группки, а новые гости все здоровались с епископом и тут же отходили, дабы не отнимать времени у великого человека. Архидьякон сердечно пожал руку доктору Стэнхоупу, а миссис Грантли села рядом с его женой. Миссис Прауди величественно расхаживала по зале, оказывая внимание каждому гостю в соответствии с его

качеством – как это делал мистер Слоуп с вином. Но кушетка по-прежнему пустовала, и бдительный капеллан уже спас ее от двадцати пяти дам и пяти джентльменов.

– Почему она не едет? – думал епископ. Его мысли были так заняты синьорой, что он забывал держаться а la епископ.

Наконец к подъезду подкатила карета – так лихо еще никто не подъезжал, – и поднялась суматоха. Доктор Стэнхоуп отошел в дальний угол гостиной, чтобы не видеть появления дочери. Миссис Прауди вся встрепенулась в предчувствии чего-то значительного, епископ инстинктивно понял, что это прибыла ла синьора Висинирони, а мистер Слоуп поспешил в переднюю, дабы оказать необходимое содействие.

Однако его чуть было не опрокинула и не растоптала процессия, с которой он столкнулся на ступеньках крыльца. Кое-как устояв на ногах, он последовал за ней вверх по лестнице. Синьору несли головой вперед; голову ее опекали брат и слуга-итальянец, специально этому обученный, а ноги находились под опекой горничной и пажа. Шествие замыкала Шарлотта Стэнхоуп, следившая за тем, чтобы все было изящно и благопристойно. Таким порядком они без труда добрались до гостиной; все расступились, и синьора была водворена на кушетку. Она заблаговременно прислала лакея узнать, справа будет стоять кушетка или слева: от этого зависело, как ей следует одеться, а главное – на какую руку нанизать браслеты.

И платье было ей весьма к лицу: белое бархатное, отделанное на груди и рукавах белым кружевом и жемчугом. Ее лоб охватывала алая бархотка с чудесным мозаичным купидоном посредине – его крылья были ослепительно-лазурными, а щеки нежно розовыми. На руке, которая благодаря ее позе была открыта, сверкали три браслета с разными камнями. На сиденье кушетки, подушки и спинку была брошена алая шаль, которая скрывала ноги возлежавшей на ней синьоры. Ее красота, неподвижность, белизна платья, оттенявшаяся багряным фоном, эта прелестная головка, эти большие, дерзкие, сверкающие глаза приковали бы взор всякого мужчины и всякой женщины.

И в течение минуты взоры всех мужчин и всех женщин в гостиной были прикованы к ней.

Ее носильщики также заслуживали взгляда. Итальянские слуги, у себя на родине, возможно, ничем не примечательные, казались весьма примечательными во дворце барчестерского епископа. Особенно лакей – многие даже не сразу поняли, слуга ли это или друг дома. Подобные же сомнения вызвал и Этельберт. На лакее был черный сюртук свободного покроя. На его толстой самодовольной физиономии не было ни усов, ни бороды, а шею обвивал черный шелковый шарф. Епископ ему было поклонился, но прекрасно вымуштрованный лакей, словно не заметив этого, вышел из гостиной вместе с горничной и пажом.

Этельберт Стэнхоуп был с ног до головы одет в голубое. На нем был голубой сюртук, свободного покроя и очень короткий, с лазурно-голубой шелковой отделкой. Жилет из голубого атласа, пышный голубой галстук, скрепленный у горла коралловым кольцом, и чрезвычайно широкие голубые панталоны, почти достигавшие пола, довершали его наряд. Его мягкая пышная борода была мягче и пышнее, чем когда-либо.

Епископ, раз промахнувшись, счел его слугой и посторонился, давая ему дорогу. Но Этельберт скоро вывел его из заблуждения.

Глава XI. Прием у миссис Прауди. Окончание

– Епископ Барчестерский, если не ошибаюсь? – спросил Берти Стэнхоуп, дружески протягивая руку. – Рад с вами познакомиться. А тут тесновато, э?

Он был прав. Они оказались за изголовьем кушетки: епископ попал туда, намереваясь поздороваться с гостьей, а Берти – укладывая сестру. И теперь им негде было повернуться.

Епископ быстро пожал протянутую руку, кивнул заученным кивком и выразил удовольствие от знакомства с... – Он умолк, не зная, кто перед ним – синьор, граф или князь.

– Моя сестра доставила вам столько хлопот! – сказал Берти.

– О, что вы! – Епископ был счастлив видеть у себя синьору Висинирони (по крайней мере, так он сказал) и попробовал выбраться на волю. Во всяком случае, он узнал, что его странные гости – брат и сестра. Значит, это синьор Висинирони... или граф, или князь. Как чисто он говорит по-английски! Почти без акцента!

– Ну как, Барчестер вам нравится? – осведомился Берти.

Епископ величественно сказал, что Барчестер ему нравится.

– Вы ведь тут, кажется, недавно, – заметил Берти.

– Да, недавно, – подтвердил епископ, пытаясь протиснуться между спинкой кушетки и тучным священником, который через вышеупомянутую спинку вперял пристальный взор в синьору.

– Вы ведь раньше епископом не были?

Доктор Прауди сказал, что это – его первая епархия.

– А! Я так и думал. Но вас же иногда переводят?

– Перемещения иногда бывают, – сказал доктор Прауди. – Но реже, чем прежде.

– Ну, ведь бенефиции урезали так, что они теперь повсюду почти одинаковы, не правда ли? – спросил Берти.

На это епископ ответить не пожелал и опять попытался отодвинуть тучного священника.

– Зато, наверное, заботы разные? Много у вас работы в Барчестере? – продолжал Берти тоном молодого чиновника адмиралтейства, беседующего с собратом из министерства финансов.

– Обязанности епископа англиканской церкви весьма нелегки, – с суровым достоинством ответил доктор Прауди. – Ответственность, возложенная на него, поистине велика.

– Неужели? – сказал Берти, широко раскрывая свои удивительные голубые глаза. – Ну, ответственность меня не пугает. Я ведь раньше подумывал стать епископом.

– Подумывали стать епископом? – Доктор Прауди был поражен.

– То есть священником. Сперва священником, а потом епископом, знаете ли. Раз начав, я довел бы дело до конца. Но в целом католическая церковь мне нравится больше.

Обсуждать этого епископ не мог, а потому промолчал.

– Вот мой отец не довел дела до конца, – продолжал Берти. – Наверное, ему надоело постоянно повторять одно и то же. Да, кстати, епископ, вы уже видели моего отца?

Епископ совсем растерялся. Видел ли он его отца? Нет, он не имел этого удовольствия, но надеется... Тут епископ твердо решил нажать посильнее и сдвинуть с места толстяка священника.

– Он где-то тут, – сказал Берти, – и, наверное, скоро подойдет. Да, кстати, вы много знаете об иудеях?

Но епископ узрел спасительную лазейку.

– Прошу прощения, – сказал он, – я должен обойти залу.

– Пожалуй, я пойду с вами, – ответил Берти. – Тут ужасно жарко, не так ли? – осведомился он у тучного священника, с которым вступил в тесное соприкосновение. – Кушетку поставили очень неудачно – давайте-ка передвинем ее. Поберегись, Маделина!

Кушетку действительно поставили так, что попавший за нее мог выбраться на простор лишь с большим трудом: имелся только узкий проход, который мог успешно загородить один человек. Это было весьма неудобно, и Берти решил поправить дело.

– Поберегись, Маделина! – сказал он и добавил, повернувшись к тучному священнику. – Давайте чуть-чуть ее подвинем.

Священник налегал на спинку всем телом и своим весом невольно усилил и ускорил движение кушетки, когда Берти легонько ее толкнул. Кушетка сорвалась с причала и вылетела на середину залы. Миссис Прауди с мистером Слоупом стояла как раз перед синьорой, пытаясь быть любезной, но пребывая в сильнейшем раздражении, ибо когда она обращалась к своей гостье, та отвечала, обращаясь к мистеру Слоупу. Мистер Слоуп, конечно, был ее любимцем, но миссис Прауди не собиралась уступать первенство какому-то капеллану. Она уже величественно и оскорбленно выпрямилась, но тут, к несчастью, колесико кушетки, зацепив кружева ее трена, увлекло за собой уж не знаю сколько ярдов отделки. Затрещали нитки, лопнули швы, отлетели банты, распустился рюш, кое-где открылась нижняя юбка. Руины погубленных кружев обезобразили ковер.

Вот так в гранитной скале, радуя взоры военных, вырубается батарея, симметричная и могучая. Это труд многих лет. Аккуратные амбразуры, безупречные парапеты, пороховые склады – все говорит о достижениях современной науки. Но достаточно одной крохотной предательской искры – к небу взлетает туча обломков и остаются лишь пыль, мусор и безобразные развалины.

Мы знаем, каков был гнев Юноны, когда ее красоту презрели. Мы знаем, что даже в сердцах небожителей может бушевать ярость. Как Юнона поглядела на Париса на склонах Иды, так миссис Прауди посмотрела на Этельберта Стэнхоупа, когда он зацепил ножкой кушетки ее кружевной трен.

– Ты кретин, Берти! – воскликнула синьора, увидев, что произошло, и понимая, к чему это приведет.

– Кретин? – повторила миссис Прауди так, словно этот эпитет был слишком слаб. – Да я ему... – Но, обернувшись и с одного взгляда узрев худшее, она поняла, что сначала ей следует собрать разметанные по зале останки ее платья.

Берти, увидев, что он натворил, кинулся к кушетке и опустился на одно колено перед оскорбленной дамой. Вероятно, он собирался выпутать колесико из кружев, но со стороны казалось, будто он вымаливает прощение у богини.

– Отриньтесь, сэр! – сказала миссис Прауди. Нам неведомо, из какой мелодрамы извлекла она это слово, но, очевидно, оно хранилось в ее памяти до подходящего случая.

– Я полечу к прялкам фей, чтобы искупить свою вину, только простите меня! – сказал Берти, стоя на коленях.

– Отриньтесь, сэр! – повторила миссис Прауди еще более выразительно и чуть не задохнулась от гнева. Это упоминание о феях было насмешкой, ее поднимали на смех! Так, по крайней мере, ей казалось. – Отриньтесь, сэр! – взвизгнула она.

– Это не я, а проклятая кушетка, – глядя на нее с мольбой, объяснил Берти и в подтверждение поднял руки, но с колен не встал.

Тут синьора рассмеялась – негромко, но достаточно внятно. И как лишившаяся детенышей тигрица бросается на первого встречного, так миссис Прауди накинулась на свою гостью.

– Сударыня! – изрекла она, и перо прозаика не в силах изобразить молнию, которую метнули ее глаза.

Синьора смерила ее взглядом и повернулась к брату.

– Берти, кретин, да встань же! – сказала она весело.

Миссис Прауди тем временем окружили епископ, мистер Слоуп и три ее дочери, помогая собрать остатки ее великолепия. Девушки выстроились полукругом позади матушки и, неся обрывки кружева, не без достоинства вышли следом за ней во внутренние комнаты. Миссис Прауди удалась привести себя в порядок.

Как только это созвездие скрылось, Этельберт вскочил и с притворным гневом повернулся к тучному священнику.

– Все-таки это ваша вина, сэр, а не моя! – объявил он. – Но, возможно, вам обещан приход, а потому я промолчал.

Тут по адресу тучного священника раздался смех, к которому присоединились епископ с капелланом, и все успокоились.

– Ах, милорд, мне так жаль! – сказала синьора, протягивая руку, которую епископ был вынужден взять. – Мой брат – ужасный шалопай. Прошу вас, сядьте! Доставьте мне удовольствие познакомиться с вами. Хотя мне, увы, необходима кушетка, я не настолько эгоистична, чтобы забрать ее себе всю. – Маделина всегда была готова подвинуться, давая место джентльмену, но жаловалась, что кринолины дам слишком громоздки.

– Ведь я предприняла эту трудную поездку только потому, что жаждала познакомиться с вами, – продолжала она. – Вы так заняты, и я не смела надеяться, что у вас найдется время посетить нас. А английские званые обеды такие скучные и чинные! Вы знаете, милорд, когда нам пришлось вернуться в Англию, моим единственным утешением была мысль, что я познакомлюсь с вами. – И она метнула в него дьявольский взгляд.

Епископ, впрочем, счел его ангельским и, опустившись на кушетку рядом с ней, поблагодарил ее за то, что она, несмотря на свой недуг, посетила его дом, а сам продолжал ломать голову над тем, кто она такая.

– Вы, конечно, знаете мою грустную историю? – сказала она.

Епископ не знал ее грустной истории. Но он знал (так ему казалось), что она не может войти в комнату, как все люди, и воспользовался этим. С глубоко сострадательным видом он сказал, что ему известно, как тяжело господь ее испытует.

Синьора прижала к уголку глаза очаровательнейший платочек. Да, сказала она, свыше сил человеческих, но пока у нее не отняли ее дитя, у нее ничего не отняли.

– Ах, милорд! – воскликнула она. – Вы должны увидеть эту малютку – последний бутон дивного дерева. Позвольте матери питать надежду, что вы возложите свои святые руки на ее невинную головку и утвердите ее в женских добродетелях. Можно ли мне надеяться? – И она коснулась рукой локтя епископа, глядя ему прямо в глаза.

Епископ был всего лишь мужчиной и ответил, что можно. Ведь в конце концов она просила только, чтобы он подтверждал ее дочь: просьба даже излишняя, ибо он и так подтверждал бы девочку по давно заведенному порядку.

– Кровь Тиберия²¹, – вполголоса произнесла синьора, – кровь Тиберия течет в ее жилах. Она – последняя из Неронов!

Епископ слышал про последнего из визиготов²², в его мозгу копошилось смутное воспоминание о последнем из могикан, однако он никак не ожидал, что ему придется благословлять последнюю из Неронов. Все же ему нравилась эта дама: ее образ мыслей был похвален и разговаривала она гораздо пристойнее своего брата. Но кто же они такие? Теперь уже было ясно, что синий сумасшедший с шелковистой бородой – не князь Висинирони. Дама была замужем, и Висинирони она по мужу, рассуждал епископ.

---

²¹ Кровь Тиберия. – Тиберий Клавдий Нерон (42 г. до н. э. – 37 г. н. э.), римский император. Имя Нерон было наследственным в семье Клавдиев, и его носили также императоры Клавдий (10 г. до н. э. – 54 г. н. э.) и Нерон (37–68), на котором кончился род первых римских императоров.

²² Последний из визиготов – Родерик, король визиготов, герой поэмы Р. Саути (1774–1843) «Родерик, последний из готов».

– Когда же вы увидите ее? – вдруг спросила синьора.

– Кого? – осведомился епископ.

– Мою дочурку, – ответила мать.

– А сколько лет барышне? – спросил епископ.

– Ей исполнилось семь, – ответила синьора.

– А! – покачал головой епископ. – Но она слишком юна, слишком юна.

– В солнечной Италии мы считаем возраст не по годам! – И синьора улыбнулась епископу нежнейшей своей улыбкой.

– Но она все-таки слишком юна, – стоял на своем епископ. – Мы подтверждаем не раньше, чем...

– Но вы могли бы поговорить с ней! Пусть она из ваших освященных уст услышит, что она не изгой, хотя и римлянка; что имя Неронов не мешает ей быть христианкой и кровь языческих цезарей, которой она обязана черными кудрями и смуглой кожей, не лишает ее благодати. Вы скажете ей все это, друг мой?

Друг сказал, что скажет, и спросил, знает ли малютка катехизис.

– Нет, – ответила синьора. – Я не позволяла ей учить молитвы в стране, оскверненной римским идолопоклонством. Здесь, здесь, в Барчестере, она впервые научится лепетать священные слова. О, если бы ее наставником стали вы!

Дама нравилась доктору Прауди, но он все-таки был епископом и не собирался обучать маленькую девочку катехизису, а потому он сказал, что пришлет ей учителя.

– Но вы поговорите с ней сами, милорд?

Епископ сказал, что поговорит; где он может ее увидеть?

– В доме папы, – с легким удивлением ответила синьора.

У епископа не хватило духа спросить, кто ее папа, и ему пришлось покинуть ее, так и не разгадав тайны. Миссис Прауди в чуть менее парадном туалете вернулась к гостям, и ее супруг счел за благо прервать дружескую беседу с дамой, вызвавшей ее гнев. Подойдя к младшей дочери, он спросил:

– Нетта, ты не знаешь, кто отец этой синьоры Висинирони?

– Не Висинирони, папа, а Визи Нерони. Она дочь доктора Стэнхоупа. Я, пожалуй, подойду к Гризельде Грантли – с бедняжкой за весь вечер никто не поговорил!

Доктор Стэнхоуп! Доктор Визи Стэнхоуп! Да, да, он слышал, что дочь Стэнхоупа вышла замуж за негодяя-итальянца! Значит, этот наглый голубой щенок, который допекал его разговорами, сын Стэнхоупа?! А дама, которая упрашивала его учить ее дочку катехизису, – дочь Стэнхоупа?! Дочь одного из его пребендариев!! Епископ разгневался не меньше жены. Однако он не мог отрицать, что мать последней из Неронов – весьма приятная женщина.

Доктор Прауди выбежал в соседнюю комнату и увидел скопище гранглиан, среди которых возвышалась внушительная фигура архидьякона; старик настоятель, утонув в покойном кресле, сидел у камина. Епископ очень хотел быть любезным и притушить озлобление, вызванное его капелланом. Пусть мистер Слоуп будет действовать *fortiter in re*²³, он же прольет елей на бушующие воды *suaviter in modo*²⁴.

– Прошу вас, не вставайте, господин настоятель! Прошу вас, – сказал он, когда старик попробовал подняться. – Я весьма тронут, что вы почтили своим присутствием это собрание. Но мы еще не совсем устроились, и миссис Прауди не может принимать наших друзей, как ей хотелось бы. Ну, господин архидьякон, мы обошлись с вами, оксфордцами, не так уж сурово!

– Да, – ответил архидьякон. – Вы только вырвали нам зубы и отрезали языки, но пока позволяете дышать и глотать.

---

²³ Твердо (лат.).

²⁴ Кротко в обращении (лат.).

– Ха-ха-ха! – рассмеялся епископ. – Не так-то просто отрезать язык оксфордскому светилу. А зубы... ха-ха-ха! При нынешнем положении вещей деканы колледжей, право, сохраняют свободу действий не меньшую, чем в дни, когда гебдомадальный совет²⁵ был в полном расцвете. А ваше мнение, господин настоятель?

– Старики, милорд, не любят перемен, – ответил настоятель.

– В таком случае, – заметил архидьякон, – вы просто жалкие путаники. И, говоря откровенно, вы самым жалким образом не справились со своей задачей. Сознаться, что вы не сдержали и половины своих широковещательных обещаний.

– Ну, что до ваших профессоров... – неторопливо начал канцлер, но ему не суждено было закончить фразу.

– Говоря о профессорах, – произнес у плеча канцлера негромкий приятный голос, – вы, англичане, могли бы многому научиться у Германии! Но вам мешает гордость.

Оглянувшись, епископ увидел, что гнусный сын Стэнхоупа настиг его и здесь. Настоятель усталился на Берти, как на адское видение, а с ним два-три пребендария и все младшие каноники. Архидьякон рассмеялся.

– Немецкие профессора весьма ученые люди... – сказал мистер Хардинг.

– Немецкие профессора! – простонал канцлер так, словно он получил нервное потрясение, исцелить которое могла лишь неделя пребывания в Оксфорде.

– Да, – продолжал Этельберт, не понимая, чем немецкие профессора заслужили такое презрение оксфордских мудрецов. – Конечно, в Оксфорде легче прославиться. В Германии профессора учат, а в Оксфорде они только делают вид, да и то, кажется, не всегда. Эти ваши университеты наделают вам хлопот, если вы не снизойдете поучиться у Германии.

Ответить на это было нечего. Почтенные шестидесятилетние священнослужители не обсуждают подобных вопросов с молодыми людьми в таких костюмах и с такими бородами.

– У вас в Пламстеде хорошая вода, господин архидьякон? – спросил епископ, чтобы переменить разговор.

– Недурная, – ответил доктор Грантли.

– Но хуже его вина, милорд, – сказал остроумный младший каноник.

– Ха-ха-ха! – засмеялся епископ. – Хороший погреб – отличная вещь.

– Ваши немецкие профессора, сэр, кажется, предпочитают пиво? – сказал тощий пребендарий, склонный к сарказму.

– Не то и не другое, – ответил Берти. – Чем, возможно, и объясняется их превосходство. Иудейские же профессора...

Это было уж слишком: архидьякон вышел в одну дверь, канцлер в другую, прочие последовали за ними, и епископ остался лицом к лицу с молодым реформатором.

– Я сам как-то был иудеем, – начал Берти.

Епископ не собирался терпеть еще одного допроса, а Палестина его и вовсе не манила: поэтому он вновь вспомнил неотложнейшее дело и покинул Этельберта в обществе настоятеля. Но тот не остался от этого в проигрыше, ибо Берти весьма правдиво поведал ему свои злоключения в Святой земле.

– Мистер Хардинг! – сказал епископ, догоняя бывшего смотрителя. – Я хотел поговорить с вами о богадельне. Вы, разумеется, знаете, что туда должен быть назначен смотритель.

Сердце мистера Хардинга забилося сильнее, и он ответил, что слышал об этом.

– Разумеется, – продолжал епископ, – есть только один человек, которого я хотел бы видеть там. Не знаю, как вы на это смотрите, мистер Хардинг...

– Все очень просто, милорд: я приму этот пост, если мне его предложат, и обойдусь без него, если назначат другого.

---

²⁵ Гебдомадальный совет – орган самоуправления Оксфордского университета.

Епископ изъявил полнейшее удовольствие. Мистер Хардинг может не сомневаться, что никого другого туда не назначат. Но как мистеру Хардингу, наверное, известно, обязанности смотрителя кое в чем меняются. Не согласится ли он обсудить подробности с мистером Слоупом? Мистер Слоуп тщательно изучил вопрос.

Мистер Хардинг, сам не зная почему, почувствовал тревогу и досаду. Что может ему сделать мистер Слоуп? Он же знал, что перемены будут. Кто-то должен объяснить их новому смотрителю, и капеллан епископа – вполне подходящее для этого лицо. Но, как он ни убеждал себя, у него по-прежнему было тяжело на сердце.

Тем временем мистер Слоуп занял место, которое епископ освободил на кушетке синьоры, и беседовал с ней, пока не настало время заняться ужином. Миссис Прауди наблюдала это без всякого удовольствия. Эта женщина смеялась над ее бедой, и мистер Слоуп слышал ее смех! Пронырливая итальянка, не то замужняя, не то бог знает что! Наглая ломака и кривляка, мерзко разубранная бархатом и жемчугом – бархатом и жемчугом, которых не сорвали с ее спины! А главное, разве она не считает себя красивей своих ближних? Было бы неверно думать, что в миссис Прауди говорила ревность. Любовь мистера Слоупа не была ей нужна. Но ей нужны были его духовные и светские услуги, и она не желала уступать их такой твари, как синьора Нерони. К тому же она считала, что мистер Слоуп был обязан возненавидеть синьору, а, судя по всему, он ее отнюдь не возненавидел.

– Мистер Слоуп! – подплывая к ним, сказала она весьма недвусмысленным тоном. – Вы же здесь не в гостях. Будьте добры, проводите миссис Грантли в столовую.

Миссис Грантли услышала ее слова, и миссис Прауди еще не договорила, как намеченная жертва взяла под руку одного из пламстедских младших священников и ускользнула. Что сказал бы архидьякон, увидев ее на лестнице с мистером Слоупом?!

Мистер Слоуп тоже услышал приказ миссис Прауди, но не поспешил его выполнить. Время, когда он ей беспрекословно повиновался, подходило к концу. Он пока не хотел с ней ссориться и вообще предпочел бы избежать ссоры. Но он был намерен стать хозяином в этом дворце, а поскольку она хотела того же, война между ними была вполне вероятна.

Прежде чем покинуть синьору, он велел поставить возле кушетки столик – не разрешит ли она что-нибудь ей принести? Ах, ей все равно! Ничего... что угодно. Вот теперь она чувствует всю глубину своего несчастья – теперь, когда остается одна. Ну, кусочек цыпленка, кусочек ветчины и бокал шампанского.

Мистер Слоуп, краснея за своего патрона, вынужден был объяснить, что шампанского нет.

Ничего, она выпьет хересу. И мистер Слоуп повел в столовую мисс Трефойл. Не скажет ли она ему, спросил он, равны ли папоротники Барсетшира папоротникам Камберленда? Он обожает папоротники – но мисс Трефойл еще не успела открыть рта, как он покинул ее, зажатую между дверью и буфетом. Она выбралась оттуда только через пятьдесят минут – и голодная.

– Не покидайте нас, мистер Слоуп, – сказала бдительная хозяйка дома, заметив, что ее раб пробирается через толпу к двери с запасами провианта на высоко поднятом подносе.

Мистер Слоуп объяснил, что синьора Нерони ждет ужина.

– Пусть ужин отнесет ей брат, мистер Слоуп, – громогласно объявила миссис Прауди. – При чем тут вы? Прошу вас, мистер Слоуп! Мистер Стэнхоуп, конечно, позаботится о сестре.

Этельберт в дальнем углу столовой весьма приятно проводил время, ухаживая за младшей дочерью миссис Прауди.

– Я не смог бы выбраться отсюда, даже если бы Маделина умирала с голоду, – откликнулся он. – А летать я не умею.

Гнев миссис Прауди вспыхнул еще жарче, когда она увидела, что и ее дочь перешла на сторону врага, а когда наперекор ее возражениям, открыто нарушая ее прямой приказ, мистер Слоуп ушел в залу, чаша ее возмущения переполнилась.

– Что за манеры! Я этого не допущу! – пробормотала она и, в негодовании проложив себе путь через толпу гостей, последовала за мистером Слоупом.

В зале не было никого, кроме грешной пары. Синьора уютно ужинала, а мистер Слоуп наклонялся над ней, оказывая ей нужную помощь. Они беседовали о школах дня субботнего, и синьора как раз сказала, что сама она не может прийти к детям, но учить их – ее заветная мечта. Нельзя ли прислать их к ней?

– Когда же это свершится, мистер Слоуп? – спросила она.

Появление миссис Прауди избавило мистера Слоупа от необходимости связать себя обещанием. Миссис Прауди приблизилась к кушетке вплотную, несколько мгновений пристально смотрела на грешников, а потом удалилась в гостиную, сказав:

– Мистер Слоуп, вы нужны его преосвященству внизу. Я буду весьма вам обязана, если вы пойдете к нему.

Мистер Слоуп что-то пробормотал и направился к лестнице. Он достаточно знал свою покровительницу и прекрасно понимал, почему его услуги вдруг понадобились епископу, но не хотел оказаться героем бурной сцены или прослыть дамским угодником.

– Она всегда такая? – осведомилась синьора вслед ему.

– Да! Всегда! Сударыня! – сказала вернувшаяся миссис Прауди. – Всегда не терпит дурных манер и поведения. – И, прошествовав через залу, она вышла вслед за мистером Слоупом.

Синьора не пошла за ней только потому, что не могла. Но она расхохоталась, и ее смех гнался за миссис Прауди по всей лестнице. Обладая синьора даже ловкостью Гримальди²⁶, лучше отомстить она не сумела бы.

– Мистер Слоуп! – сказала миссис Прауди, нагнав преступника у двери столовой. – Как вы могли оставить моих гостей ради этой накрашенной Иезавели?²⁷ Вы меня удивляете!

– Но ведь она не может ходить, миссис Прауди. Кто-то же должен был о ней позаботиться.

– Не может! – повторила та. – Я б ее научила ходить! Как она тут оказалась? Такая наглость, такое кривлянье!

В передней и в соседних комнатах гости разбирали плащи и шали, готовясь откланяться. Миссис Прауди старательно улыбалась всем и каждому, но это у нее получалось плохо. Слишком много ей пришлось перенести. Постепенно гости разошлись.

– Пришлите карету поскорее, – сказал Этельберт родителям, когда они собрались уходить.

Младшие Стэнхоупы остались наедине с семейством епископа, и все почувствовали большую неловкость. Все пошло было в столовую, но тут епископ вспомнил, что «дама» в зале одна, и они вслед за ним поднялись туда. Миссис Прауди не отпускала мистера Слоупа и дочерей от себя ни на шаг, дабы помешать ему ублажать себя, а им – оскверниться. Епископ в смертельном страхе перед Берти и иудеями беседовал с Шарлоттой об итальянском климате. Берти и синьоре пришлось занимать друг друга.

– Ну как, Маделина, ты все-таки получила свой ужин? – спросил Берти простодушно, а может быть, и злокозненно.

– О да! – ответила Маделина. – Мистер Слоуп любезно принес его мне. Однако боюсь, он слишком затруднил себя!

---

²⁶ Гримальди Джозеф (1779–1837) – знаменитый английский клоун.

²⁷ Иезавель – библейская царица, отличавшаяся высокомерием и жестокостью. В переносном смысле – наглая, распутная и безбожная женщина. Эпитет «накрашенная» объясняется тем, что в Библии упоминается, как Иезавель «нарумянила лицо свое и украсила голову свою».

Миссис Прауди посмотрела на нее, но промолчала. Взгляд ее означал следующее: «Если ты еще хоть раз окажешься в этом доме, можешь ломаться и дерзить, как тебе угодно!»

Наконец вернулась карета с тремя итальянскими слугами, и ла синьору Маделину Визи Нерони унесли прежним порядком.

Хозяйка дворца удалилась в свою опочивальню, далеко не довольная своим первым званным вечером в Барчестере.

Глава XII. Слоуп против Хардинга

Дня через три мистер Хардинг получил записочку с просьбой посетить мистера Слоупа во дворце на следующее утро. Записка не содержала ни единого неучтливового слова и все же в ее тоне было что-то оскорбительное.

«Дорогой мистер Хардинг! Вы меня очень обяжете, зайдя ко мне во дворец завтра в девять тридцать утра. По желанию епископа я должен поговорить с вами о богадельне. Надеюсь, вы извините, что я назначаю столь ранний час. Но я чрезвычайно занят. В случае, если вам это очень неудобно, я буду ждать вас в десять. Если вас не затруднит, я хотел бы получить от вас письменный ответ.

Примите заверения, дорогой мистер Хардинг, в моем глубочайшем к вам уважении.

*Ваш искренний друг
Об. Слоуп.*

*Епископский дворец, утро понедельника
20 августа 185* года».*

Принять эти заверения мистер Хардинг не мог и не хотел, а слово «друг» в этой подписи казалось ему даже наглым. Его искренний друг! Много ли искренних друзей бывает у человека в этой юдоли? Какие процессы их создают? И разве между ним и мистером Слоупом такой процесс начался? Мистер Хардинг невольно задавал себе эти вопросы, читая и перечитывая записку. Ответил он, однако, следующее:

«Дорогой сэръ! Я буду во дворце завтра в девять тридцать утра согласно вашему желанию.

*Искренне ваши
С. Хардинг.*

Хай-стрит, Барчестер, понедельник».

И на следующее утро ровно в половине десятого он постучался в дверь дворца и спросил мистера Слоупа.

Мистеру Слоупу, как и епископу, был отведен маленький кабинет на первом этаже. Мистера Хардинга провели туда и попросили сесть. Мистера Слоупа там не было. Бывший смотритель подошел к окну и, глядя в сад, невольно вспомнил, что еще недавно его встречали здесь, как родного. Старые слуги, открывая ему дверь, улыбались, дворецкий, когда он запаздывал, говорил с почтительной фамильярностью: «Для больных глаз, мистер Хардинг, посмотреть на вас – лучшее лекарство», а хлопотливая экономка клялась, что он, уж наверное, не обедал, или не завтракал, или все равно проголодался. И он вспомнил, какой тихой радостью озарялось лицо старика епископа, когда его друг входил в комнату.

Он подумал, что все это в прошлом, и на его глаза навернулись слезы. Зачем ему теперь богадельня? Он одинок, он стареет, и скоро, очень скоро он уйдет из этого мира, как ушел его друг, оставит и богадельню, и привычное место в соборе, и любимые занятия другим людям, более молодым и, быть может, более мудрым. Его пение? Вдруг оно и правда теперь неуместно? Ему показалось, что земля уходит у него из-под ног; настало время и ему возложить свои

упования на то, на что он учил уповать других. «Чего стоит вера человека, – спросил он себя, – если она не служит ему опорой против печалей старости?» И, глядя затуманившимися глазами на пестрые цветники в саду, он чувствовал, что у него эта опора есть.

Однако ему было досадно, что его заставляют ждать. Если мистер Слоуп был занят в девять тридцать, то зачем он вынудил его спешить во дворец, даже не позавтракав как следует? По правде говоря, это не было случайностью. Мистер Слоуп решил, что либо мистер Хардинг примет богадельню с униженным смирением, либо вовсе от нее откажется, и рассчитал, что добьется второго скорее, если заранее раздражит мистера Хардинга. И, возможно, мистер Слоуп не так уж ошибался в своих рассуждениях.

Было уже почти десять, когда мистер Слоуп быстро вошел в комнату, сказал что-то о епископе и делах епархии, безжалостно встряхнул руку мистера Хардинга и пригласил его сесть.

Высокомерие этого выскочки раздражало мистера Хардинга, но он не знал, как поставить его на место. Ответить таким же высокомерием он не мог – это противоречило самой его натуре, а для того, чтобы прямо отчитать наглеца, как сделал бы архидьякон, у него не хватало твердости и самоуверенности. Ему оставалось только смириться, и он смирился.

– Вы ведь о богадельне, мистер Хардинг? – начал капеллан, точно кембриджский декан, говорящий с неимущим студентом.

Мистер Хардинг закинул ногу за ногу, положил на колено левую руку, а сверху правую, посмотрел на мистера Слоупа и ничего не сказал.

– Туда вновь назначается смотритель, – объявил мистер Слоуп, и мистер Хардинг ответил, что это ему известно.

– Конечно, вы знаете, что содержание сильно урезано, – продолжал капеллан. – Епископ не хотел тут экономить и указал правительству, что меньше четырехсот пятидесяти фунтов назначить никак нельзя. Я думаю, в целом епископ был прав: обязанности смотрителя, хотя и необременительные, все же станут сложнее по сравнению с прошлым. Пожалуй, неплохо, что духовенство кафедрального города будет обеспечено, насколько позволят средства, имеющиеся в нашем распоряжении. Так считает епископ, и, должен сказать, я тоже.

Мистер Хардинг погладил правой рукой левую и ничего не сказал.

– Это о содержании, мистер Хардинг. Дом, конечно, предоставляется смотрителю, как и прежде. Но, мне кажется, следует поставить условие, что он будет подновлять дом изнутри каждые семь лет и красить его снаружи каждые три года, а при освобождении – в случае смерти или по иной причине – производить необходимую починку. Но это еще должен решить епископ.

Мистер Хардинг по-прежнему потирал правой рукой левую и молча смотрел на непривлекательное лицо мистера Слоупа.

– Теперь об обязанностях, – продолжал тот. – Если меня не ввели в заблуждение, раньше их вообще не было. – И он усмехнулся, словно облакая выговор в форму шутки.

Мистер Хардинг вспомнил безмятежные годы, проведенные в его старом доме: своих дряхлых подопечных, свои добрые намерения, свои заботы – бесспорно, не тяжкие. Он вспомнил все это и усомнился: не заслужил ли он этот сарказм. А потому он ничего не возразил своему врагу и только сказал кротко, даже слишком кротко, что, каковы бы ни были эти обязанности, покойный епископ, кажется, был доволен тем, как они исполнялись.

Мистер Слоуп снова улыбнулся – теперь это была шпилька в адрес покойного епископа, а не бывшего смотрителя, и мистер Хардинг так ее и истолковал. Он покраснел и рассердился.

– Вы, возможно, заметили, мистер Хардинг, что в Барчестере произошли большие перемены, – сказал мистер Слоуп.

Мистер Хардинг сказал, что он это заметил.

– И не только в Барчестере, мистер Хардинг, но и повсюду. Не только в Барчестере новые люди проводят реформы и выметают бесполезный мусор прежних веков. Это происходит по

всей стране. Теперь всякий, кто получает жалованье, должен работать. И те, кто надзирает за этой работой и платит жалованье, обязаны следить, чтобы этот закон исполнялся. Теперь церкви, мистер Хардинг, как и всем иным поприщам, нужны новые люди.

Для нашего друга все это было горше полыни. Он никогда не ставил особенно высоко свои способности и деятельность, но все его симпатии были на стороне старого духовенства, и он ненавидел, насколько способен был ненавидеть, этих новых, деловитых, черствых самохвалов, столь удачно представленных в особе мистера Слоупа.

– Может быть, – сказал он, – епископ предпочтет назначить в богадельню нового человека?

– Отнюдь! – сказал мистер Слоуп. – Епископ очень хочет, чтобы вы дали свое согласие, но он желал бы, чтобы вы наперед знали, каковы будут ваши обязанности. Во-первых, при богадельне будет открыта школа дня субботнего.

– Как! Для стариков? – спросил мистер Хардинг.

– Нет, мистер Хардинг, не для стариков, а для детей барчестерской бедноты. Епископ хотел бы, чтобы этой школой занимались вы; учителя будут поставлены под ваш надзор.

Мистер Хардинг снял правую руку с левой и начал растирать икру верхней ноги.

– Что до стариков, – продолжал мистер Слоуп, – и до старух, которые будут теперь приняты в богадельню, то епископ желает, чтобы каждый день субботний и в один какой-нибудь будний день для них устраивалось утреннее и вечернее богослужение, чтобы вы каждое воскресенье читали им не меньше одной проповеди и чтобы все они ежедневно собирались на утреннюю и вечернюю молитву. Епископ полагает, что тогда можно будет не выделять для богадельни отдельной скамьи в соборе.

Мистер Слоуп умолк, но мистер Хардинг ничего не сказал.

– Ведь для женщин будет трудно подыскать скамью... да и в целом, мистер Хардинг, на мой взгляд, для людей из низших сословий соборная служба малополезна, даже если и считать ее полезной для иных сословий.

– Я предпочту не обсуждать этого, – сказал мистер Хардинг.

– О, и я тоже. По крайней мере, сейчас. Надеюсь, однако, вы получили полное представление о новых порядках, которые епископ хочет ввести в богадельне; и если (в чем я не сомневаюсь) я услышу от вас выражение согласия со взглядами его преосвященства, то я с превеликим удовольствием, как вестник его преосвященства, вручу вам ваше назначение.

– А если я не согласен со взглядами его преосвященства? – спросил мистер Хардинг.

– Но надеюсь, это не так! – возразил мистер Слоуп.

– Ну, а если так? – снова спросил мистер Хардинг.

– Если, к несчастью, это так, чего я просто не могу вообразить, то, я полагаю, ваши собственные чувства подскажут вам, что достойнее всего было бы отказаться от назначения.

– А если я не откажусь и не буду согласен с епископом? – спросил мистер Хардинг.

Этот вопрос несколько смутил мистера Слоупа. Он действительно говорил с епископом о богадельне и был отчасти уполномочен указать мистеру Хардингу на желательность воскресной школы и богослужений в богадельне, однако эти условия вовсе не были обязательными. По мысли епископа мистер Хардинг не мог не согласиться, а школа, как и все подобные новые учреждения в городе, должна была находиться под надзором его жены и капеллана. По мысли же мистера Слоупа, гораздо больше отвечавшей действительному положению вещей, мистер Хардинг должен был сам отказаться от места смотрителя, дав ему возможность назначить в богадельню какого-нибудь своего союзника. Но ему и в голову не приходило, что мистер Хардинг может прямо принять место и столь же прямо отвергнуть условия.

– Но трудно предположить, – сказал он, – что вы примете из рук епископа должность, заранее решив не выполнять обязанности, с которыми она сопряжена.

– Если, став зрителем, я буду пренебрегать своими обязанностями, у епископа есть средство поправить дело.

– Признаюсь, от вас я не ждал подобного довода, как и подобных предположений, – оскорбленно сказал мистер Слоуп.

– А я не ждал подобных условий.

– Во всяком случае, я был бы рад узнать, какой ответ я должен передать его преосвященству, – сказал мистер Слоуп.

– Я сам побываю у его преосвященства в ближайшее время, – ответил мистер Хардинг.

– Это вряд ли будет удобно его преосвященству, – объявил мистер Слоуп. – Право же, епископ не может принимать всех священников епархии в каждом подобном случае. Епископ, если не ошибаюсь, уже беседовал с вами на эту тему, и не вижу, с какой стати его нужно снова беспокоить.

– Вам известно, мистер Слоуп, сколько лет я был священником в этом городе?

Мистер Слоуп добился своего: мистер Хардинг пришел в ярость, и можно было ждать решительного отказа.

– Право, не вижу, какое это имеет отношение к делу. Неужели вы думаете, что епископ сочтет возможным позволить вам рассматривать как синекуру пост, требующий энергичного человека – и потому лишь, что вы много лет служили в соборе?

– Но это могло бы подвигнуть епископа принять меня, если бы я обратился к нему с такой просьбой. Я посоветуюсь с друзьями, мистер Слоуп, но я не собираюсь хитрить: можете сказать епископу, что я не разделяю его взглядов на управление богадельней и откажусь от назначения, если условия, которые вы перечислили, окажутся обязательными. – С этими словами мистер Хардинг взял шляпу и удалился.

Мистер Слоуп был доволен. Он считал себя вправе принять последнюю фразу мистера Хардинга за решительный отказ. Во всяком случае, так он это представил епископу и миссис Прауди.

– Это непонятно, – заметил епископ.

– Вовсе нет! – сказала миссис Прауди. – Ты и не догадываешься, как твердо они решили не подчиняться тебе!

– Но мистер Хардинг хотел вернуться в богадельню!

– Да, – сказал мистер Слоуп. – При условии, что он будет независим от вашего преосвященства.

– Об этом не может быть и речи! – сказал епископ.

– Да, разумеется! – сказал капеллан.

– Еще бы! – сказала миссис Прауди.

– Но я очень этим огорчен, – сказал епископ.

– Не вижу почему, – сказала миссис Прауди. – Мистер Куиверфул – куда более достойный человек, ему это место гораздо нужнее, и такого человека полезно иметь под рукой.

– Я думаю, мне следует поговорить с Куиверфулом? – спросил капеллан.

– Поговорите, – сказал епископ.

Глава XIII. Мусорная тележка

Мистер Хардинг вышел из дворца, далеко не чувствуя себя счастливым. Его должность и любимый дом вторично были у него отняты. Но с этим он мог смириться. Его поучал и оскорблял молодой человек, годившийся ему в сыновья. Но это он мог стерпеть. Причиненные ему обиды могли даже принести ему то утешение, которое, вероятно, получают мученики, сознавая всю несправедливость своих страданий, и которое находится в прямой зависимости от жестокости, с какой этих мучеников пытаются. Он признался дочери, что мечтает об уюте своего прежнего дома, и все же, будь дело только в этом, он вернулся бы в свою квартиру на Хай-стрит если не с торжеством, то с удовлетворением. Но яд, который источал капеллан, проник в его кровь и отравил его душевное спокойствие.

«Новые люди проводят реформы и выметают мусор прежних веков». Какие жестокие слова – и как часто их теперь употребляют со слоуповской бессердечной жестокостью! Человек погиб, если будет объявлено, что в политике или религии он не принадлежит к какой-нибудь новейшей школе. Он может тогда считать себя мусором и ждать, что его вот-вот выметут. Нынче человек ничто, если он не сумел понять новую эру – эру, в которой, по-видимому, ни честность, ни истина никому не нужны, а единственным мерилom добродетели стал успех. Мы должны смеяться над всем, что давно установлено. Как ни плоха шутка, как ни далека она от подлинного юмора, мы должны смеяться – или берегись тележки мусорщика! Мы должны говорить, думать и жить, как требует дух века, и писать, как он требует, раз уж не можем избавиться от этой скверной привычки. Иначе мы ничто. Новые люди и новые реформы, большой кредит и малая щепетильность, великий успех или грандиозный крах – таковы теперь вкусы англичан, умеющих жить. Увы! Мистеру Хардингу оставалось только признать, что он – англичанин, не умеющий жить. Эта новая доктрина мистера Слоупа и тележка мусорщика тяжело смутили его дух.

«Это происходит по всей стране!» «Теперь каждый, кто получает жалованье, должен работать!» Значит, он прожил жизнь, получая жалованье и не работая? Неужели он и вправду жил так, что теперь, на старости лет, в нем справедливо видят мусор, место которому только на свалке? Люди, единомышленником которых считал себя мистер Хардинг – Гвинны, Грантли, оксфордские богословы старой закалки, – не подвержены подобным сомнениям. Они обычно так же довольны мудростью и правильностью своего поведения, как все мистеры Слоупы и все епископы Прауди. К своему несчастью, мистер Хардинг не обладал этой самоупоенностью. Когда Слоупы называли его мусором, он задавал себе вопрос: а не справедливо ли такое наименование? Увы! Все улики обычно свидетельствовали против него.

Дожидааясь мистера Слоупа, он убеждал себя, что от печалей старости, от тяжких сожалений, которые на склоне лет становятся уделом всех созерцательных натур, он найдет утешение в религии. Да, вера могла утешить его в потере жизненных благ, но была ли его вера настолько деятельна, чтобы научить его, как, оплакивая напрасно прожитые годы, прожить оставшийся ему срок, уповая на будущее? А само раскаяние – разве это не муки, не слезы? Говорить о раскаянии легко, но, пока не придет искупление, человек идет по раскаленным лемехам, с него сдирают кожу, как со святого Варфоломея, его поражают стрелами, как святого Себастьяна, поджаривают на раскаленной решетке, как святого Лаврентия! Что, если его прошлая жизнь потребует такого раскаяния? Хватит ли у него сил?

Мистер Хардинг около часа расхаживал под тенистыми вязами собора, а потом направился к дому дочери. Он решил побывать в Пламстеде и посоветоваться с доктором Грантли, а также немедленно рассказать Элинор о том, что произошло.

И тут его ждало новое испытание. Мистер Слоуп опередил его, побывав у вдовы с визитом накануне. Он объяснил, что не мог отказать себе в удовольствии сообщить миссис Болд,

что ее батюшка скоро вернется в чудный домик при Хайремской богадельне. Епископ поручил ему известить об этом мистера Хардинга. Епископ, разумеется, счастлив, что может послужить орудием возвращения мистера Хардинга на пост, украшением которого он так долго был. Затем мистер Слоуп осторожно заговорил о чудной маленькой школе, которая, как он надеялся, скоро будет открыта при богадельне. Он совсем заворожил миссис Болд описанием этого прекрасного, полезного и благочестивого придатка, и она даже сказала, что ее отец, конечно, одобрит такое нововведение, и выразила желание взять там один класс.

Тот, кто мог бы сравнить совершенно разный тон и манеру мистера Слоупа, когда он говорил об этой школе отцу и дочери, наверное, признал бы мистера Слоупа гением. Элинор он ни словом не заикнулся о богослужениях и проповедях в богадельне, об изгнании стариков из собора, о покраске и необходимых починках и о выметании мусора. И она сказала себе, что мистер Слоуп ей, конечно, не нравится, но что он деятельный и ревностный священник и, несомненно, будет полезен Барчестеру. И все это подготовило новые страдания для мистера Хардинга.

Услышав шаги отца на лестнице, Элинор улыбнулась самой радостной своей улыбкой, собираясь сразу же его поздравить; однако, едва его увидев, она поняла, что поздравления будут неуместны. Раз два в прошлом она видела это выражение безысходной печали на лице отца и хорошо его помнила. Она видела отца в ту минуту, когда он прочел в «Юпитере» роковую статью, из-за которой впоследствии ушел из богадельни, и видела его, когда архидьякон настоял, чтобы мистер Хардинг остался в богадельне вопреки его понятиям о достоинстве и чести. Она сразу поняла, что он в смятении.

– Папа, что случилось? – воскликнула она, пустив малютку ползать по полу.

– Я зашел тебе сказать, милочка, что я еду в Пламстед. Ты, наверное, не захочешь поехать со мной?

– В Пламстед, папа? Ты думаешь там остаться?

– Вероятно, я там переночую. Мне надо посоветоваться с архидьяконом по поводу этой злополучной богадельни. И зачем только я стал думать о возвращении туда!

– Но, папа, в чем дело?

– Я беседовал с мистером Слоупом, милочка, а он не самый приятный в мире собеседник, – по крайней мере, для меня.

Элинор чуть покраснела, но если она думала, будто отец намекает на ее знакомство с мистером Слоупом, то она ошибалась.

– И что же, папа?

– Он намерен превратить богадельню в воскресную школу и молитвенный дом, и, наверное, поставит на своем. Я для этого не подхожу и, следовательно, должен отказаться от назначения.

– Но что плохого в школе, папа?

– То, что в ней не будет директора.

– Но его же, конечно, подыщут.

– Мистер Слоуп подыскал меня. А я для такой работы не гожусь. И отклоню эту честь.

– Ах, папа! Мистер Слоуп вовсе этого не хочет. Он был вчера тут, и он хочет...

– Он был вчера тут? Вот как? – сказал мистер Хардинг.

– Да, папа.

– И говорил про богадельню?

– Он говорил, как он будет рад – и епископ тоже – снова увидеть тебя там. Потом он говорил про воскресную школу; и сказать правду, я с ним согласилась. И думала, что тебе она тоже понравится. Мистер Слоуп говорил, что школа будет не в богадельне, а только при ней, и ты будешь ее попечителем и иногда станешь бывать там; и я подумала, что тебе это будет

приятно; и я обещала, что буду учить там; все это казалось таким... и, папа, мне так грустно, если я поступила дурно.

– Вовсе нет, милочка, – ответил он, мягко, очень мягко ее отстраняя. – Ты хотела быть полезной, а в этом нет ничего дурного. Наоборот, это очень хорошо. Нынче те, кто не хочет оказаться ненужным, должны напрягать все свои силы, – бедный мистер Хардинг попытался приобщить дочь к новой доктрине. – Это относится и к мужчинам и к женщинам, – продолжал он. – И ты поступишь правильно, милочка, если займешься чем-нибудь, но...

– Что, папа?

– На твоём месте я не стал бы выбирать в духовные наставники мистера Слоупа.

– Я этого не собиралась и не собираюсь делать.

– Было бы дурно с моей стороны говорить о нём плохо, так как ничего плохого я о нём не знаю; но он мне не кажется искренним человеком, и я вижу, что он неблаговоспитан.

– Но я, папа, и не думала выбирать его в наставники.

– Что до меня, милочка, то помнишь пословицу – старого пса новым штукам не выучишь? От воскресной школы я должен отказаться, а значит, скорее всего, и от богадельни. Но сначала я посоветуюсь с архидьяконом. – Он поцеловал малыша, взял шляпу и удалился, совсем расстроив Элинора.

Все это ещё усугубило его страдания. У него было так мало близких ему людей, и потеря самого дорогого и близкого человека казалась особенно невыносимой. А ему представлялось, что именно так и случится. Он не сознавал, что был бы рад, если бы его дочь возненавидела мистера Слоупа, однако признайся она ему в такой ненависти, его упрек за столь нехристианское чувство не был бы особенно строгим. Но между ней и мистером Слоупом возникла дружба, она разделяла его взгляды, одобряла его планы и с восторгом внимала его поучениям. Мистер Хардинг вовсе не хотел, чтобы его дочь ненавидела мистера Слоупа, но уж лучше ненависть, чем любовь!

Он заказал в гостинице извозчика, вернулся домой, собрал саквояж и отправился в Пламстед. Архидьякон, во всяком случае, не побратается с мистером Слоупом! Но зато он будет настаивать на междоусобице, публичных речах, громогласных обвинениях и прочих атрибутах открытой войны. А эта крайность была для мистера Хардинга немногим приятнее первой.

Мистер Хардинг не застал зятя дома: того не ждали раньше вечера, и он излил душу старшей дочери. Миссис Грантли питала к мистеру Слоупу антипатию не меньшую, чем ее муж, и так же твердо верила, что они обязаны сражаться с праудитянами, отстаивать права соборного духовенства и оборонять законную долю хлебов и рыб, причитающуюся ее кругу; подобно своему супругу и повелителю, она готова была биться, не давая и не прося пощады. При этом она вовсе не была сварливой или неуживчивой: но, подобно архидьякону, она чувствовала, что присутствие в епархии мистера Слоупа – это оскорбление для всех, кому дорога память покойного епископа, а его предполагаемое влияние на дела епархии – прямой вызов ее мужу. Никому и в голову не пришло бы, что миссис Грантли может до такой степени ожесточиться. Она была в наилучших отношениях с женами всех окрестных священников. Ее любили все соборные дамы. И хотя она была богаче их всех, она сумела поставить себя так, что ее карета и лошади никому не кололи глаз. Она никогда не вызывала зависти у жен священников, подчеркивая свою близость с аристократией графства. Она не упоминала кстати и некстати о графах и графинях и не похвалялась тем, что платит своей гувернантке шестьдесят фунтов в год, а кухарке – семьдесят. Все знали миссис Грантли как умную, тактичную, миролюбивую женщину, и барчестерцы были поражены той неукротимой воинственностью, которую она выказала в качестве главнокомандующей грантлитянок.

Едва миссис Грантли услышала, что ее сестра Элинора обещала помогать мистеру Слоупу в делах богадельни, она уже не могла ни говорить, ни думать ни о чем другом.

– Но как Элинора его терпит? – воскликнула она.

– Он очень хитер, – ответил ее отец. – И сумел внушить ей, будто он – смиренный и достойный священнослужитель. Да простит мне бог, если я к нему несправедлив, но, по-моему, он далеко не таков.

– Не таков! – насмешливо сказала она, словно его сдержанность ее раздражала. – Надеюсь, он все-таки не настолько хитер, чтобы заставить Элинора вовсе потерять голову.

– Ты думаешь, она может выйти за него замуж? – спросил мистер Хардинг, которого эта страшная мысль совсем ошеломила.

– Что тут невероятного? Конечно, он будет добиваться этого, если у него появится надежда на успех. У Элинора тысяча фунтов годового дохода, а для мистера Слоупа это завиднейшее состояние, и он постарается прибрать его к рукам.

– Но ведь ты не думаешь, Сюзен, что он может ей нравиться?

– А почему бы и нет? Такие мужчины, как он, очень хорошо умеют очаровывать одиноких незащищенных женщин вроде нее.

– Беззащитных? – переспросил несчастный отец. – Но ведь у нее же есть мы!

– Ах, папа, как вы наивны. Нельзя же ждать, что Элинора так и останется вдовой. Я первая посоветовала бы ей снова выйти замуж, если бы только она выждала приличное время и выбрала бы порядочного человека.

– Неужели ты правда полагаешь, что Элинора думает выйти за мистера Слоупа? Ведь ее муж умер всего год назад.

– Полтора года назад, – поправила дочь. – Элинора, конечно, об этом еще не думает, зато он, несомненно, думает. И он сумеет добиться ее согласия, если мы не примем мер.

Этого бедный мистер Хардинг никак не ожидал. Его зятем, мужем его любимицы станет именно тот единственный в мире человек, к которому он питает глубокую неприязнь! Он не знал, хватит ли у него сил снести такое несчастье. Есть ли основания для столь страшных предположений? Он привык в житейских делах полагаться на здравый смысл и опытность своей старшей дочери. Она редко ошибалась в оценке характеров людей, их побуждений и возможных поступков. Она предсказала брак Элинора и Болда; она с одного взгляда поняла характер нового епископа и его капеллана – неужели сбудется и эта ее догадка?

– Но ты же не думаешь, что он ей нравится? – повторил он.

– Однако, папа, я не могу и сказать, что он ей не нравится. Почему он навещает ее, как добрый знакомый, хотя его вообще не следовало пускать в дом? Почему она обсуждает с ним ваши планы и ваше положение? На званом вечере у епископа она разговаривала с ним добрых полчаса!

– По-моему, он тогда ни с кем не разговаривал, кроме дочери Стэнхоупа, – вступился за свое дитя мистер Хардинг.

– О, мистер Слоуп умнее, чем вы думаете, папа, и плетет не одну сеть.

Надо отдать должное Элиноре: подозрения, что она испытывает к мистеру Слоупу сердечную склонность, были совершенно несправедливы. Она так же не собиралась замуж за мистера Слоупа, как и за епископа: ей и в голову не приходило, что мистер Слоуп может оказаться претендентом на ее руку. Более того, после смерти мужа она вообще ни разу не подумала о новом супружестве. И тем не менее, в отличие от остальных грантлиан, она действительно уже не питала к мистеру Слоупу отвращения. Она простила ему его проповедь. Она простила ему и приверженность к низкой церкви, и школы дня субботнего, и пуританские замашки. Она простила ему фарисейскую надменность, простила даже лоснящуюся физиономию и приторные вульгарные манеры. А научившись смотреть на все это сквозь пальцы, разве не могла она со временем увидеть в мистере Слоупе будущего супруга?

Следует также сказать, что и он пока еще не был виновен в приписываемом ему преступлении. Каким образом этот человек, обыкновенно столь зоркий, не заметил, что молодая вдова не только красива, но и богата, объяснить невозможно. Но это было так. Мистер Слоуп

обхаживал миссис Болд с той же целью, с какой он обхаживал прочих барчестерских дам – чтобы усилить свою партию. Впоследствии он исправил свою ошибку, но это было уже после его беседы с мистером Хардингом.

Глава XIV. Новый боец

Архидьякон вернулся домой только перед самым обедом, и мистеру Хардингу не удалось поговорить с ним до этой церемонии. Доктор Грантли был, по-видимому, в превосходном настроении и приветствовал тестя с той шутливой торжественностью, которая обычно означала, что все идет так, как ему хочется.

– Все устроено, дорогая, – сообщил он жене, когда мыл руки в туалетной, а она, по обыкновению, слушала его, сидя в спальне. – Эйрбин согласился взять приход. Он приедет на той неделе. – И архидьякон принялся растирать руки и лицо с энергией, означавшей, что приезд Эйрбина был большой победой.

– Он приедет к нам в Пламстед? – спросила жена.

– Он обещал погостить у нас месяц, пока будет знакомиться со своим приходом; Эйрбин тебе понравится. Он джентльмен во всех отношениях и приятнейший собеседник.

– Он ведь большой чудак?

– Ну... у него есть свои странности, но ничего, что могло бы показаться тебе неприятным. Во всем Оксфорде нет другого столь стойкого защитника церкви. Право, не знаю, что бы мы без него делали. Я очень рад, что он будет возле меня, и если кто-нибудь может осадить Слоупа, так это Эйрбин.

Преподобный Фрэнсис Эйрбин был профессором колледжа Лазаря, любимым учеником великого Гвинна и таким приверженцем высокой церкви, что когда-то чуть было не упал в католический омут. Это был поэт, полемист, всеобщий любимец в Оксфорде, красноречивый проповедник, остроумный, чудаковатый, насмешливый, энергичный, добросовестный человек и, как гордо объявил архидьякон, джентльмен во всех отношениях. В дальнейшем мы познакомимся с ним поближе, а пока следует лишь добавить, что доктор Грантли только что предложил ему приход Святого Юолда, которым он распоряжался как архидьякон. Этот приход лежит у самых границ Барчестера. В него входит даже часть нового предместья, а от городских ворот до его хорошенькой церквушки и дома священника меньше мили.

Приход Святого Юолда приносит не больше трехсот – четырехсот фунтов в год и обычно давался священнику, состоявшему при соборном хоре. Но когда эта вакансия открылась теперь, архидьякон решил, что ему следует усилить свою партию каким-нибудь столпом – если, конечно, оный столп согласится стать священником бедного прихода. Он обсудил это дело со своими собратьями – не искательно, как человек, желающий использовать данные ему полномочия для собственной выгоды или выгоды своих близких, но как тот, кто знает, что от правильного распоряжения вверенным ему имуществом во многом зависит благополучие церкви. Он назвал им мистера Эйрбина так, словно решение зависело от них, и они единодушно признали, что лучшего выбора сделать нельзя, если, конечно, мистер Эйрбин согласится.

Если мистер Эйрбин согласится! В том-то и заключалась трудность. Мистер Эйрбин был видной фигурой – во всяком случае, в церковных сферах. Правда, он не был богат, так как не имел иных доходов, кроме своего профессорского жалованья, но он и не стремился к богатству, будучи, разумеется, холост; почти все свое время он посвящал участию в печатных и устных дебатах относительно прав и деятельности церкви, к которой он принадлежал. Архидьякон оборонял ее земные сокровища, а мистер Эйрбин – духовные, причем оба заботились не столько о собственном благе, сколько о благе других.

Вот почему было сомнительно, что мистер Эйрбин согласится стать священником прихода Святого Юолда, и доктор Грантли сам поехал в Оксфорд. Вместе с доктором Гвинном он убедил прославленного богослова, что долг призывает его в Барчестер. Тут действовали и скрытые пружины: последнее время мистер Эйрбин вел ожесточенный спор об апостолической преемственности не более и не менее как с мистером Слоупом! Они не были знакомы, но

в печати не щадили друг друга. Мистер Слоуп для придания силы своим аргументам назвал мистера Эйрбина филином, а мистер Эйрбин в ответ намекнул, что мистер Слоуп – апостат. Битва завязалась на страницах «Юпитера», этой влиятельнейшей газеты, редактор которой склонялся к взглядам мистера Слоупа. Впрочем, ее читателям дискуссия скоро надоела, и поэтому одной из ядовитейших инвектив мистера Слоупа было предпослано сообщение, что в дальнейшем письма преподобных джентльменов будут печататься лишь на правах объявлений.

Однако были найдены менее дорогостоящие способы публикации ответов, и война бушевала вовсю. Мистер Слоуп утверждал, что священника делает священником главным образом его внутренняя преданность своим пастырским обязанностям. Мистер Эйрбин настаивал, что человек не может быть священником и не обретает ни единого пастырского свойства, если на него не возложит руки какой-нибудь епископ, который, в свою очередь, стал епископом вследствие возложения на него еще чьих-то рук, и так далее, до одного из апостолов. Противники постоянно поднимали друг друга на рога силлогизмов, но обоим это ничуть не вредило и война кипела себе и кипела.

Не беремся сказать, сыграла ли близость врага какую-либо роль в согласии мистера Эйрбина принять приход Святого Юолда, но так или иначе, в кабинете доктора Гвинна было решено, что он его принимает и будет содействовать изгнанию мистера Слоупа из Барчестера или хотя бы заставит его замолчать на то время, пока он там останется. Мистер Эйрбин намеревался сохранить свою оксфордскую квартиру, а для прихода взять младшего священника, но он обещал уделять Барчестеру как можно больше времени, и доктора Грантли вполне удовлетворило это обещание столь великого человека. Немалое удовольствие доставляла ему и мысль, что епископ Прауди вынужден будет отдать приход у себя под боком заведомому врагу своего любимца.

И весь обед с лица архидьякона не сходила довольная улыбка. Он отдал должное вкусным кушаньям, выпил вина, шутил с дочерьми, весело рассказывал про Оксфорд, посоветовал тестю навестить доктора Гвинна и вновь принялся восхвалять мистера Эйрбина.

– А мистер Эйрбин женат, папа? – спросила Гризельда.

– Нет, девочка, члены факультета женатыми не бывают.

– Он молод, папа?

– Ему лет сорок, если не ошибаюсь, – ответил архидьякон.

– О! – сказала Гризельда; для нее «сорок» звучало почти как «восемьдесят».

Когда дамы удалились, оставив джентльменов за вином, мистер Хардинг поведал о своей беде. Но даже это не омрачило радости архидьякона, хотя еще больше разожгло его боевой задор.

– Этого он не может, – повторял доктор Грантли, пока тесть перечислял ему новые обязанности смотрителя. – Не стоит его и слушать. Он не имеет права что-либо менять.

– Кто? – спросил бывший смотритель.

– Ни епископ, ни капеллан, ни даже жена епископа, чье слово в подобных делах, кажется, весит больше, чем слово их обоих. У всех обитателей дворца, вместе взятых, нет власти превратить смотрителя богадельни в директора воскресной школы.

– Но у епископа есть власть назначить кого ему угодно, и...

– Не уверен. По-моему, такой власти у него нет. Пусть попробует! Посмотрим, что скажут газеты. На этот раз общество будет за нас. Но Прауди, хоть он и осел, достаточно опытен и не станет ворошить осиное гнездо.

Мистер Хардинг вздрогнул при одной мысли о газетах. Он уже в достаточной мере изведал такого рода публичную известность и не хотел вторично превращаться ни в чудовище, ни в мученика. Кротко выразив надежду, что газеты на этот раз оставят его имя в покое, он спросил, не лучше ли ему будет сразу отказаться самому.

– Я старею. Новые обязанности будут мне не по силам.

– Новые обязанности! – воскликнул архидьякон. – Но я же говорю вам, что никаких новых обязанностей не будет!

– И старые тоже, – ответил мистер Хардинг. – Буду довольствоваться тем, что у меня есть. – Перед его умственным взором все еще стоял мистер Слоуп, выметающий мусор.

Архидьякон допил свой кларет и собрал свою энергию.

– Надеюсь, – сказал он, – что вы не будете столь слабодушны и не позволите такому человеку, как Слоуп, помешать вам исполнить ваш долг. Вы знаете, что ваш долг – вновь занять вашу должность в богадельне теперь, когда содержание установлено парламентским актом и причина, заставившая вас уйти, устранена. Этого вы отрицать не можете, и, если сейчас вы поддадитесь робости, ваша совесть вам не простит. – И в заключение периода архидьякон передал своему собеседнику бутылку.

– Ваша совесть вам не простит, – продолжал он затем. – Вы отказались от этого места из щепетильности, которую я уважаю, но не могу считать оправданной! Такого же мнения были и все ваши старые друзья: вы покинули ваш старый дом, настолько же выиграв во всеобщем уважении, насколько проиграли в житейских благах. Теперь все ждут, что вы вернетесь туда. Доктор Гвинн говорил недавно...

– Доктор Гвинн забыл, что я теперь совсем уже старик.

– Старик? Вздор! – сказал архидьякон. – Вы вовсе не считали себя стариком до разговора с этим наглым выскочкой.

– Если я доживу до ноября, мне будет шестьдесят пять.

– И семьдесят пять, если вы проживете после этого еще десять лет. Причем вам и тогда будет не занимать стать бодрости. Но ради бога, не надо отговорок. Ведь ваша ссылка на старость – просто отговорка. Но что же вы не пьете? Это только отговорка. На самом деле вы боитесь Слоупа и готовы скорее обречь себя на бедность и лишения, только бы не вступать в драку с человеком, который растопчет вас, если вы это ему позволите.

– Я действительно предпочитаю не вступать в драки.

– И я тоже. Но иногда другого выхода нет. Он добивается вашего отказа, чтобы водворить в богадельню свою креатуру, чтобы показать свою власть и, оскорбив вас, оскорбить нас всех – ибо это касается всего соборного духовенства. Если не ради себя, то ради нас вы обязаны не уступать ему. Неужто из-за какой-то заячьей робости вы попадетесь в расставленные вам силки и без сопротивления позволите ему вырвать у вас хлеб изо рта?

«Заячья робость» несколько обидела мистера Хардинга.

– Что за мужество драться из-за денег? – спросил он.

– Если в нашем грешном мире честные люди не станут драться из-за денег, всеми деньгами завладеют люди нечестные, а это вряд ли будет во благо. Нет! Мы должны использовать все средства, которыми располагаем. Если довести ваше рассуждение до логического конца, церкви вообще следует отказаться от своих доходов, а вы вряд ли станете утверждать, что подобная жертва ее укрепит. – Архидьякон молча налил свою рюмку и благоговейно выпил ее за увеличение и упрочение земных сокровищ церкви, столь дорогих его сердцу.

– Мне кажется, следует избегать ссор между священником и его епископом, – сказал мистер Хардинг.

– Согласен. Однако заботиться об этом должен не только священник, но и епископ. Вот что, друг мой: я поговорю об этом деле с епископом – с вашего разрешения, разумеется; не тревожьтесь, я не поставлю вас в неловкое положение. Я убежден, что весь этот вздор с воскресными проповедями и школами затеяли мистер Слоуп и миссис Прауди, а епископ об этом ничего не знает. Не принять меня епископ не может, а я выберу время, когда при нем не будет ни жены, ни капеллана. Я уверен, вы получите назначение без каких-либо условий. Что до скамьи в соборе, это мы предоставим настоятелю. Мне кажется, этот дурак и вправду воображает, что епископ может хоть унести собор в кармане, если ему заблагорассудится.

Так и было решено. Мистер Хардинг приехал за советом, а потому счел себя обязанным принять полученный совет. Кроме того, он наперед знал, что архидьякон и слышать не захочет о его отказе, а потому, высказав свое мнение, готов был уступить.

Поэтому они направились в гостиную, довольные друг другом, и вечер прошел в приятных пророчествах о будущей войне между Эйрбином и Слоупом. Войне мышей и лягушек будет до нее далеко, как и гневу Ахилла²⁸ и Агамемнона. Архидьякон смаковал свой последний ход, потирая руки. Сам он не мог снизить до единоборства со Слоупом, но Эйрбин – иное дело. Такой подвиг как раз во вкусе Эйрбина, и только ему он по плечу.

Архидьякон отошел ко сну все в том же отличном расположении духа, но когда его голова упокоилась на подушке и миссис Грантли высказала ему свое мнение о положении дел в Барчестере, настроение его омрачилось. Во всяком случае, последние его слова в этот вечер были:

– Если так, то, клянусь богом, я больше с ней в жизни слова не скажу. Один раз она вываляла меня в грязи, но соприкосновения с подобной грязью я не потерплю. – И архидьякон содрогнулся, сотрясая всю мебель вокруг – настолько поразила его эта мысль.

Надо сказать, что близкие вдовы Болд были к ней постыдно несправедливы. Она разговаривала с этим человеком три раза и обещала взять класс в воскресной школе. Этим и исчерпывались ее грехи. Бедняжка Элинора! Но время покажет.

На следующее утро мистер Хардинг вернулся в Барчестер. С ним больше не говорили о знакомстве его младшей дочери с мистером Слоупом, однако он заметил, что за завтраком архидьякон был гораздо сумрачнее, чем накануне.

---

²⁸ Гнев Ахилла. – Древнегреческая эпическая поэма «Илиада» (VIII–VII вв. до н. э.) открывается описанием ссоры между вождями греков Агамемноном и Ахиллом. Поэма начинается словами: «Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса...» В V в. до н. э. была создана пародия на «Илиаду» – комическая поэма «Война мышей и лягушек».

Глава XV. Претенденты на руку вдовы

Мистер Слоуп не замедлил воспользоваться разрешением епископа и повидался с мистером Куиверфулом: в разговоре с этим достойным пастырем он и узнал, что миссис Болд – завидная невеста. Он приехал в Пуддингдейл, чтобы объявить кандидату в смотрители о расположении к нему епископа, и вполне естественно, что в ходе беседы они коснулись вопроса о денежных делах мистера Хардинга и членов его семьи.

Мистер Куиверфул, обладатель четырнадцати детей и четырехсот фунтов в год, был очень бедным человеком, и новое назначение, не лишавшее его прихода, было ему очень кстати. И кому в его положении оно не было бы очень кстати? Но мистер Куиверфул давно знал мистера Хардинга, был ему многим обязан, и его тяготила мысль, что он отнимает богадельню у своего друга. Тем не менее он был любезен с мистером Слоупом – робко любезен, как с одним из великих мира сего, почтительно просил сделать ему честь выпить рюмочку хереса, которую (ибо это была скверная марсала) заевшийся мистер Слоуп презрительно отклонил, и кончил изъявлениями бесконечной благодарности епископу и мистеру Слоупу: он с восторгом примет это место, если... если мистер Хардинг действительно отказался.

Мог ли бедняк вроде мистера Куиверфула быть бескорыстнее?

– Мистер Хардинг решительно отказался, – сказал мистер Слоуп с видом оскорбленного достоинства, – услышав об условиях, с которыми сопряжено теперь это назначение. Конечно, мистер Куиверфул, вы понимаете, что они обязательны и для вас.

Условия мистера Куиверфула не пугали. Он готов был читать столько проповедей, сколько будет угодно мистеру Слоупу, и проводить все часы оставшихся ему воскресений в стенах воскресной школы. Такое добавление к его бюджету, а главное, такой дом стоили любых жертв и, уж конечно, любых обещаний! Но он все еще не мог забыть про мистера Хардинга.

– Впрочем, – заметил он, – дочь мистера Хардинга очень богата и ему незачем обременять себя богадельней.

– Вы говорите о миссис Грантли? – сказал мистер Слоуп.

– Нет, о миссис Болд. Муж оставил ей тысячу двести фунтов дохода, и, наверное, мистер Хардинг думает поселиться у нее.

– Тысяча двести фунтов дохода! – сказал мистер Слоуп и вскоре распрощался, всячески избегая новых упоминаний о богадельне. Тысяча двести фунтов в год, повторял он про себя, пока медленно ехал обратно в город. Если миссис Болд располагает таким доходом, будет очень глупо мешать ее отцу получить прежнее место. Ход рассуждений мистера Слоупа, вероятно, ясен всем моим читателям. Почему бы ему не прибрать к рукам эти тысячу двести фунтов? А в таком случае разве плохо, если его тесть будет обеспечен всеми житейскими благами? И разве не легче будет получить дочь, если он поможет отцу?

Все это представлялось неопровержимым, однако у него было и немало сомнений. Решив восстановить мистера Хардинга на прежнем месте, он должен будет заняться этим сейчас же – немедленно поговорить с епископом, поссориться с миссис Прауди, переубедить которую невозможно, и известить мистера Куиверфула о том, что он несколько поспешил истолковать слова мистера Хардинга как решительный отказ. Он знал, что может сделать все это, но не хотел делать этого зря. Он не хотел расчищать путь мистеру Хардингу, а потом остаться без его дочери. Он не хотел терять одного влиятельного друга прежде, чем будет приобретен другой.

И мистер Слоуп ехал домой медленно, размышляя о многих вещах. Он вспомнил, что миссис Болд – невестка архидьякона, а даже за тысячу двести фунтов в год он не согласился бы смириться перед этим гордецом. Богатая жена – заманчивая приманка, но успех на избранном поприще был ему дороже; кроме того, есть и другие богатые невесты, а эти тысяча двести

фунтов могли по наведении справок превратиться в жалкие, недостойные его гроши. Затем он вспомнил, что у миссис Болд есть сын.

Влияло на него и еще одно обстоятельство, хотя, так сказать, против его воли. Перед его глазами все время витал образ синьоры Нерони. Было бы преувеличением утверждать, что мистер Слоуп влюбился без оглядки, но он не мог и не старался отогнать от себя мысль о ней. Он еще не видывал такой красавицы! На подобную натуру итальянские уловки чаровницы не могли не произвести глубокого впечатления. О его сердце мы говорить не будем: не то, чтобы у него не было сердца – просто эти его чувства имели к сердцу лишь весьма малое отношение. Его вкус был удовлетворен, глаза очарованы, а самолюбие польщено. Его ослепила невиданная прелесть, и он попался на удочку вольного дразнящего кокетства, которое было ему внове. Он не был искушен в таких соблазнах и не смог устоять. Он не признавался себе, что эта женщина ему нравится больше, чем другие, и все же постоянно думал, как увидиться с ней снова, и почти бессознательно строил хитрые планы, которые позволили бы ему видеть ее чаще.

На другой день после званого вечера он явился с визитом к доктору Стэнхоупу, и в огонь его восхищения было подлито свежее масло. Если синьора была ласкова с ним, лежа на кушетке епископа в присутствии большого общества, то в гостиной, где, кроме них, была только ее сестра, уже ничто не мешало ей пустить в ход все свое искусство. Мистер Слоуп расстался с ней совсем ошеломленный, и его, разумеется, не мог привлекать план действий, означавший отказ от короткого знакомства с этой дамой.

И вот он ехал шагом и размышлял.

Тут автор просит заметить, что мистер Слоуп был дурным человеком далеко не во всем. Им, как и большинством людей, двигали различные побуждения, и, хотя он обычно вел себя с нашей точки зрения не слишком похвально, поступал он так, подобно многим и многим, лишь из желания исполнить свой долг. Он верил в истинность религии, которую проповедовал, хотя это была суровая, требовательная, жестокая религия. Он верил, что те, кого он хотел бы повергнуть под копыта своего коня – все эти Грантли и Гвинны – были врагами его религии. Себя он считал оплотом веры, предназначенным для великих свершений, и с помощью тонкой, эгоистичной, двусмысленной софистики, коей покорны все людские умы, он научил себя верить, что, заботясь о собственных интересах, он заботится об интересах своей религии. Но безнравственным мистер Слоуп никогда не был. Наоборот, он противостоял соблазнам с твердостью, которая делала ему честь. Он еще совсем молодым посвятил себя деятельности, которая была несовместима с обычными удовольствиями юности, и не без борьбы отказался от этих удовольствий. Он не мог не испытать укоров совести, заметив, как восхищает его красота замужней женщины, и, чтобы успокоить эту совесть, ему пришлось внушить себе, что восхищение это вполне невинно.

Так он ехал, размышлял и томился. Его совесть несколько не возражала против того, чтобы он остановил свой выбор на вдове и ее состоянии. В этом он скорее усматривал благочестивое деяние, достойное истинного христианина. Тут ему не грозили ни укоры совести, ни поступки, которых он стыдился бы, ни раскаяние. Убедившись, что миссис Болд действительно располагает тысячью двумястами фунтов дохода, мистер Слоуп постарается стать ее мужем и хозяином этих денег, видя в этом исполнение своего религиозного долга, сопряженного к тому же с некоторым самопожертвованием. Ведь ему придется отказаться от дружбы синьоры, уступить мистеру Хардингу, преодолеть свою антипатию к... Впрочем, проверив себя, он убедился, что отказаться от антипатии к доктору Грантли он не в силах. Он женится на вдове как враг ее свояка, если она на это согласится, а нет – пусть ищет себе другого мужа!

В Барчестер он въехал с решимостью тотчас разузнать правду об имущественном положении вдовы, а в отношении богадельни поступить, как подскажут обстоятельства. Если он сможет без большого для себя ущерба переменить фронт и водворить в богадельню мистера

Хардинга, он это сделает, а если нет – он все равно попробует жениться на его дочери. Но архидьякону он ни в коем случае не уступит.

Он велел отвести лошадь в конюшню и сразу приступил к делу. Мистер Слоуп, надо отдать ему справедливость, не был лежебокой.

Бедняжка Элинора! Не он один видел в ней завидную добычу.

Примерно тогда же, когда мистер Слоуп беседовал с пуддингдейлским священником, ее красоту и богатство обсуждали в Барчестере, в доме доктора Стэнхоупа. Утренние визитеры нарасказали там немало правды и немало небылиц о состоянии, которое оставил ей Джон Болд. Потом визитеры удалились, и так как глава дома удалился вслед за ними, а миссис Стэнхоуп вообще не выходила, то Шарлотта и ее брат остались в гостиной вдвоем. Он сидел у столика, лениво набрасывал карикатуры барчестерских светил, позевывал, полистал одну книгу, потом другую и явно не знал, как убить время без больших усилий.

– Ты не очень-то усердно ищешь заказы, Берти, – заметила сестра.

– Заказы? В Барчестере? Ну кому тут может взбрести в голову увековечить себя в море?

– Значит, ты решил бросить свою профессию?

– Вовсе нет, – ответил он, отделявая шаржированное изображение епископа. – Взгляни, Лотта, как похож этот человечек – особенно облачение! Я сразу занялся бы своей профессией, как ты выразилась, если бы родитель снял мне мастерскую в Лондоне. Но скульптор в Барчестере? Да ведь тут никто не знает, что такое торс!

– Отец не даст тебе ни шиллинга на лондонскую мастерскую, – ответила Лотта. – И не дал бы, даже если бы хотел. У него нет таких денег. Но вот ты сам мог бы кое-что сделать.

– Что же это, черт возьми?

– Видишь ли, Берти, зарабатывать деньги ты не способен.

– Я и сам так думаю, – ответил он, нисколько не обидевшись. – У одних людей есть талант наживать деньги, но они не умеют их тратить. Другие не способны нажить и шиллинга, зато траты – их сильная сторона. По-видимому, я принадлежу к числу последних.

– На что же ты думаешь жить? – осведомилась его сестра.

– Буду считать себя юным вороном и ждать манной небесной. Кроме того, после кончины родителя мы все кое-что получим.

– Да, тебе хватит на перчатки и башмаки. Если, конечно, ростовщики не заберут всю твою долю. Если не ошибаюсь, они и так почти прибрали ее к рукам. Я удивляюсь тебе, Берти: с твоими талантами, с твоей наружностью – и не попробовать устроить свою жизнь! Я с ужасом думаю о том дне, когда отца не станет. Мама, Маделина и я – мы будем бедны, но ты останешься нищим!

– Довлеет дневи злоба его²⁹, – ответил Берти.

– Ты послушаешь моего совета? – спросила сестра.

– *Cela depend*³⁰, – ответил брат.

– Ты согласишься жениться на женщине с деньгами?

– Во всяком случае, – ответил он, – на женщине без денег я не женюсь. Но где теперь найдешь богатую невесту? Их всех успевают перехватить попы.

– Поп перехватит и ту невесту, которую я тебе прочу, если ты не поторопишься. Я говорю о миссис Болд.

– Фью-ю-ю! – свистнул Берти. – Вдовица!

– Она очень красива, – возразила Шарлотта.

– И я получу за ней готового сына и наследника.

---

²⁹ Довлеет дневи... – слова Христа (Мф. VI, 34), означающие по-русски: «Довольно для каждого дня своих забот».

³⁰ Смотря какого (*фр.*).

– Дети часто умирают во младенчестве, – сказала сестра.

– Ну, не знаю. Впрочем, что до меня, то пусть живет, я вовсе не хочу его убивать. Но согласись, что готовая семья – это минус.

– Но ведь он только один! – уговаривала Шарлотта.

– И совсем маленький, как сказала некая горничная.

– Нищие не привередничают, Берти. У тебя нет выбора.

– Я человек разумный, – ответил Этельберт. – И покладистый. Если ты все устроишь, Лотта, я на ней женюсь. Но с условием, что деньги эти существуют на самом деле и что доходом буду распоряжаться я, – по крайней мере, при ее жизни.

Шарлотта попыталась объяснить брату, что ухаживать за своей будущей женой он должен сам, и, чтобы пробудить в нем энергию, принялась восхвалять красоту Элинора, но тут в комнату внесли синьору. Дома, наедине с родными, она довольствовалась двумя носильщиками, которые теперь и уложили ее на кушетку. Одета она была не так парадно, как на вечере эпизода, но с большим тщанием, и хотя в глазах ее пряталось выражение озабоченности и боли, она даже днем казалась удивительно красивой.

– Знаешь, Маделина, я женюсь! – сказал Берти, едва слуги ушли.

– Это последняя глупость, которую ты еще не совершал, – отозвалась Маделина. – А потому ты имеешь право попробовать.

– Так, по-твоему, я сделаю глупость? А Лотта настаивает! Но твое мнение весит больше – ты же по опыту знаешь, что такое брак.

– Да, – ответила Маделина с суровой грустью, словно говоря: «А тебе-то что до моей беды? Я ведь тебе не плачусь!»

Берти огорчился, заметив, что обидел ее, а потому подошел и сел на пол у ее изголовья, чтобы помириться с ней.

– Послушай, Мад, я же шутил, ты знаешь. Но серьезно – Лотта советует мне жениться. Она хочет, чтобы я женился на миссис Болд. На богатой вдовушке с прелестным малюткой, очаровательным цветом лица и гостиницей «Георгий и дракон» на Хай-стрит. Ей-богу, Лотта, если я женюсь на ней, то стоять в трактире за стойкой буду сам – эта жизнь, во всяком случае, по мне.

– Что? – воскликнула Маделина. – На этой черномазой дурочке во вдовьем чепце и в платье, которое на нее точно вилами навивали? – Синьора никогда не признавала других женщин красивыми.

– Мне она показалась обворожительной, – возразила Лотта. – Она была там самой красивой, если не считать тебя, Маделина.

Но даже этот комплимент не смягчил искаленную красавицу.

– Лотта всех женщин находит обворожительными, – сказала она. – Худшего судьи в подобных вещах я не встречала. Ну, как она могла показаться тебе красивой в этой штуке, которую носит на голове?

– Разумеется, на ней был вдовий чепец, но когда она выйдет замуж за Берти, она его снимет.

– При чем тут «разумеется»? – сказала синьора. – Умри у меня хоть двадцать мужей, я не стала бы себя так уродовать. Носить чепец – такое же дикарство, как сжигать себя на погребальном костре мужа. Не столь жестокое, но не менее бессмысленное.

– Она же не виновата, – вступился Берти. – Она следует обычаям страны. Иначе о ней будут думать дурно.

– Вот именно, – сказала Маделина. – Эти английские дуры покорно стали бы нахлобучивать себе на голову мешок и разгуливать в нем все лето, если бы так поступали их бабки и прабабки. И даже не задумались бы, а стоит ли так себя мучить!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.